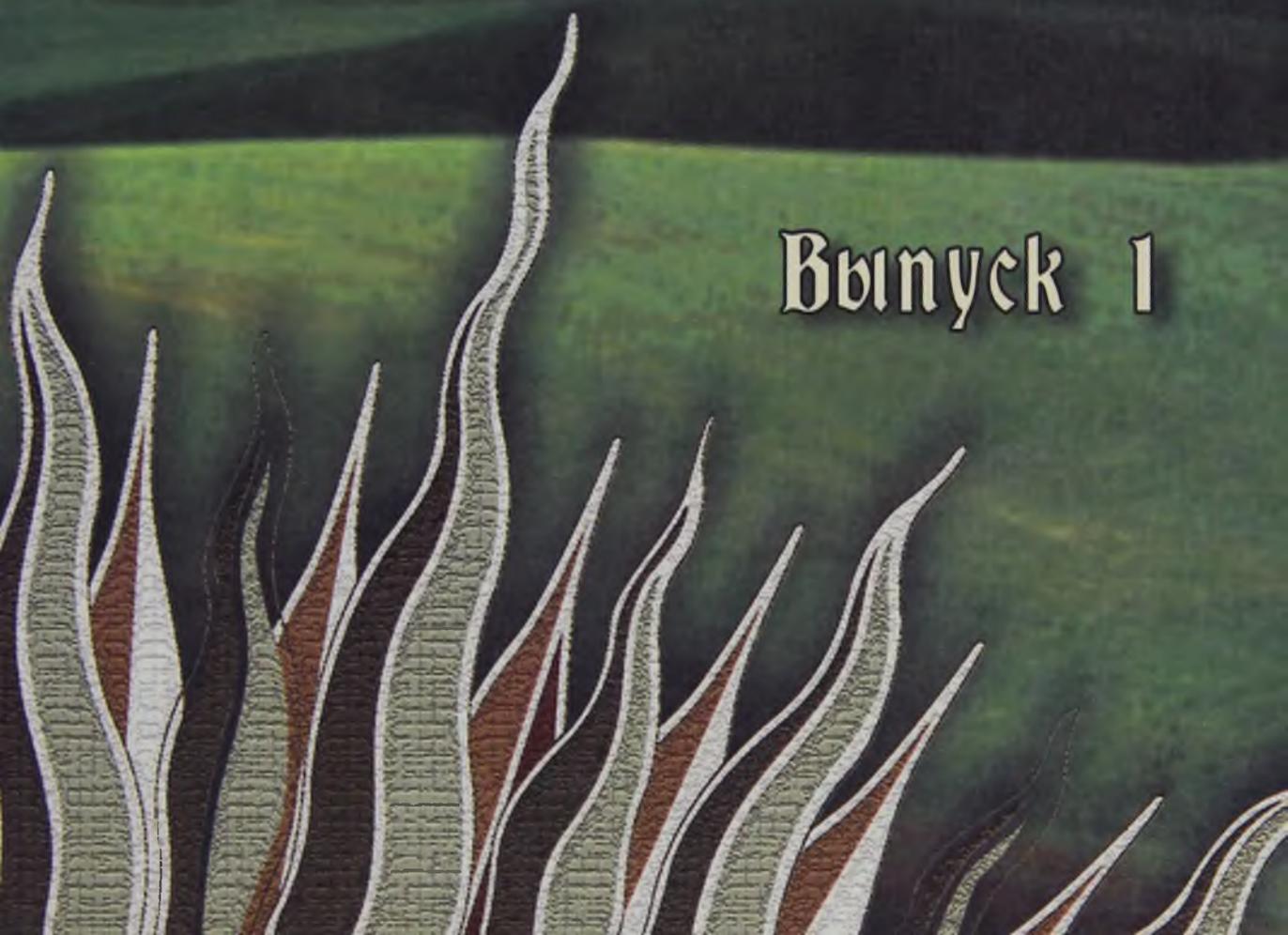

ПОДРОЖНИК

Выпуск 1

ПОДОРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 1

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

Мандр и К^а
Тюмень
2005

ББК 26.89

П 44

П 44 ПОДОРОЖНИК: Краеведческий альманах. Вып. 1 / Ред.-сост. Белобородов В.К. — Тюмень: Мандр и К^а, 2005. — 192 с.

Все знают траву подорожник — скромное растение, вечный спутник человека, нередко дающий ему исцеление от легкого недуга. Люди старших поколений помнят и другое значение слова: каждому хоть раз в жизни доводилось уносить из родного дома в котомке или чемодане подорожники — заботливо приготовленные для путника съестные припасы. Мы бы хотели, чтобы наш сборник был также под рукой в нужный момент и на что-нибудь пригодился земляку-северянину.

- © Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.
- © Белобородов В.К. (составление), 2002.
- © Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.
- © Государственная библиотека Югры (издание), 2005.
- © Мандр и К^а (оформление), 2005.

ISBN 5-93020-324-5

Оглавление

Брат на брата	4
<i>Белобородов В.</i> Другая сторона	20
<i>Айпин Е.</i> Божье послание	43
Помощник Сибирякова	59
<i>Макарова Г.</i> Кодский Троицкий монастырь	61
Люди Коды	70
<i>Фарносова В.</i> След прошлого	78
Записки чиновника	82
<i>Титов А.</i> Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае	87
<i>Титов А.</i> Обдорская ярмарка. По рассказам очевидцев и деятелей	99
<i>Жиров А.</i> Рыбпромышленность и рыботорговля как сферы предпринимательской деятельности населения Тобольской губернии в XVII — начале XX вв.	107
Божией милостью педагог	125
<i>Зубов Н.</i> Ариадна, дочь Ариадны	136
«...много думаю над тем, как лучше построить работу»	144
<i>Белявская Е.</i> Возле леса у воды... ..	168
<i>Канев Н.</i> Эх, люди... ..	178
Природные феномены	185

Брат на брата

(Страницы истории Гражданской войны)

В минувшем 2001 году исполнилось 80 лет с того времени, когда на большом пространстве Западной Сибири полыхал огонь вооруженного гражданского противостояния, до недавнего времени называвшегося не иначе, как подавлением кулацко-эсеровского мятежа. Вплоть до конца XX столетия эти события освещались односторонне. Одним из первых посягнул на устоявшуюся традицию официальной исторической науки разделять воюющие стороны на «чистых» и «нечистых» тюменский писатель К.Я. Лагунов, в своей документальной повести «Двадцать первый» назвавший этот «мятеж» Западно-Сибирским крестьянским восстанием и вскрывший его причины.

Интерес к теме, несмотря на обилие публикаций, не иссякает, а усиливается, поэтому в настоящий сборник включены некоторые материалы о событиях того времени. Первая публикация (документы взяты из Сургутского городского архива) повествует о кратком отрезке мирной жизни, непосредственно предшествовавшем восстанию.

Из содержания докладов руководителей Сургутского уездного отдела народного образования видно, в каком плачевном положении оказались школы уезда в результате революции и Гражданской войны. Видно и другое: учителя были поглощены заботами мирной жизни и полны желанием посвятить себя организации широкой просветительской работы. Не пройдет и года, как уездный наробраз окажется вовлеченным в вооруженное противоборство и разделится на две враждующие стороны. В следующих публикациях, построенных на документальной основе, представлены некоторые лица с «другой стороны», о которых до настоящего времени почти ничего не сообщалось, а в рассказе Е. Айпина «Божье послание» передана народная молва об одном из них, дошедшая до нашего времени.

В клубке проблем

Доклад

заведующего Сургутским отделом народного образования

В августе 1919 года через Сургутский уезд на Томск бежали власти правительства Колчака.

Учительство осаждало каждый проходящий пароход и просило денег, как жалованья, так и аванса, на ремонт школ и заготовку дров, но власти не обращали внимания на их просьбы. Некоторые учителя и учительницы бросали школы и переходили на другие места, например, счетоводами в сельские кооперативы; другие, получившие разными правдами и неправдами рублей по 500, начинали учебные занятия в надежде, что придет новая власть и удовлетворит их нужды. Но новой власти долго не было.

В Сургуте оставался старый управляющий уездом, который о школах и учителях совсем не беспокоился, так что учительство за это время не получило ни копейки. Наконец и он в конце ноября бежал. Наступило безвластие. Городское учительство через городскую думу достало немного денег у местного агента продовольствия, да не могло их употребить куда следует, потому что через два дня пришла советская власть, и «сибирки» были аннулированы. 20 декабря был в городе организован местный военный ревком. Как только в уезде разнесся слух, что в Сургуте новая власть, от всех учащихся (*учителей. — Ред.*), оставшихся на местах, стали поступать небольшие доклады, полные описания о тяжелом положении школ. Все почти писали одинаково; нет дров, нет бумаги, тетрадей, чернил, перьев, карандашей и т.п., все голодуют. Молодому ревкому не до школ. Он всецело принялся за устройство нового правления в городе и уезде и предложил местному учительству организовать в союз и выдвинуть кандидатов, хотя временно, в отдел народного образования. Учительство организовалось и выдвинуло трех кандидатов, а именно на должность заведующего отделом наробразов т. Попова, учителя графических искусств высшего начального училища, заведывающего подотделом внешкольного образования т. Кучкова, учителя того же училища, и заведывающего секцией по дошкольному воспитанию т. Тарасову, бывшую слушательницу Тобольского учительского института.

Ревком утвердил кандидатов 27 января 1920 года, а с 28 января отдел начал функционировать. При тяжелых условиях началась деятельность отдела; не было ни бумаги, ни чернил, ни перьев и канцелярских книг; главное же — не было инструкций и программ, по которым бы отдел мог руководствоваться, за исключением инструкции по организации отдела, привезенной из губернии т. Гимгиным, и небольшой брошюры «Положение о единой трудовой школе».

В это время в уезде в деревнях и селах открывались почти каждый день сельские волостные ревкомы. Положение школьных работников, не получавших седьмой месяц содержания, становилось все хуже и хуже, и они, не останавливаясь ни перед чем, переходили в ревком. Переходам школьных работников способствовала реорганизация школ.

Население очень несочувственно отнеслось к отменению Закона Божьего. Многие родители учащихся брали своих детей из школ. Как в городе, так и в деревнях в настоящее время всю работу отдела тормозит финансовый вопрос и неимение работников, которые бы могли направить канцелярию отдела; нет инструкторов, которые бы разъезжали по селам и реорганизовывали школы; нет даже литературы, по которой бы можно было обстоятельно познакомиться с принципами единой трудовой школы и средствами проведения их в жизнь.

Ввиду медленного сообщения с уездом отдел по сию пору не знает официально, сколько школ в уезде функционирует. 5 февраля с. г. Сургутский финотдел просил составить смету расходов по содержанию на весь 1920 год отдела наробраза и уездной школьной сети. Отдел выполнить это не имел возможности, потому что не знал, каковы ставки школьных работников, какой ремонт в сельских школах и т.п., а потому представит пока лишь смету на содержание отдела. 16 февраля за № 879 отделом была получена инструкция по организации подотдела национальных меньшинств, потому что Сургутский уезд имеет приблизительно всего населения тысяч до десяти, из коего $\frac{2}{3}$ населяют инородцы: остяки, самоедцы, которые находятся в отношении культуры в ужасном положении. Вечно эксплуатируемые и угнетаемые не только торгующим классом, но и русским населением вообще, инородцы являются пасынками природы. До сего времени они не имели возможности отдавать своих детей в русские школы и почти не знали русского языка. Русских сторонятся, не доверяют им, что вполне естественно: в городе и в селах им приходится появляться группами, т.к. иначе дети, а часто и взрослые дразнят, бьют их и т.п., считая за собаку. В гигиеническом отношении образ жизни их ужасен. Глазные и венерические болезни — обычное явление. Обучение инородцев русскому языку, распространение грамотности и элементарных сведений по медицине и гигиене, изменение взглядов русского населения на них — вот первые и важнейшие задачи подотдела национальных меньшинств. Для этого необходимы специальные школы с преподавателями, знающими инородческий язык хотя бы поверхностно; в дальнейшем уже предстоит подготовка учащихся из среды инородцев, которые только и могут подойти к ним надлежащим образом. Нужно их поднять хотя бы на уровень с современным русским крестьянством.

Затем отдел считает необходимым устроить передвижные театры, кинематографы, чтения с волшебным фонарем. Необходимо также лицо, которое, хотя бы при помощи переводчика, знакомилось с бытом, преданиями, сказками, религиозными воззрениями и т.д., вообще фольклором инородцев, а следовательно, для заведывания подотделом нацио-

нальных меньшинств нужно лицо, знакомое хотя бы отчасти с местными условиями, таким лицом отдел пока не располагает.

12 февраля отделом был исходатайствован аванс у ревкома в сумме 50000 рублей для поддержания существования школ уезда. Эту сумму пришлось употребить на хозяйственные нужды училищ, содержание технического персонала и пособие учащим, а потому последним пришлось получить по незначительной сумме: городским учащим выдано по 800 руб., сельским 1000 руб. После этого опять отдел остается без всяких средств и не имеет возможности произвести необходимое назначение и переводы учащихся. Кроме того, за неимением же средств коллективу отдела самому приходится вести всю канцелярскую работу и даже разносить пакеты. Не имеется бумаги, чернил, перьев для канцелярии. Положение становится критическим, кидается в глаза, что во всех отделах, открытых после отдела наробраза, служащим исправно уплачивается жалование, тогда как об отделе наробраза как бы забыли. Через месяц-полтора начнется распутица, и Сургутский уезд окажется отрезанным на полтора-два месяца от центров. Необходимо наробразу позаботиться о своевременной пересылке денег месяца на три вперед, как это делалось раньше. Сообщение будет только телеграфное. Что касается работы подотдела единой школы, то за неимением подходящего лица для заведывания им и инструкций подотдел пока не организован. Доклад о деятельности подотдела внешкольного образования будет представлен особо.

Два класса школы 2-й ступени в настоящее время помещаются в частном здании, очень небольшом, остальные же 2 класса ютятся в коридоре школы 1-й ступени. С осени будущего года будет занят дом, национализированный у одного из беженцев, но его необходимо расширить путем пристройки. Смета на этот предмет будет вскоре составлена и представлена на утверждение. В предстоящие летние каникулы местные учащие просят организовать в Сургуте курсы для ознакомления с постановкой школьного дела или же командировать кого-либо из местных работников на специальные курсы в центр с условием, чтобы он по возвращении [с] приобретенными им сведениями [ознакомил] местных школьных работников. Для этого опять нужны средства, которые придется исхлопотать впоследствии. Из последнего видно: чтобы отдел мог исполнить перечисленные задания, он должен иметь возможность рассчитывать на несколько дополнительных ассигнований, ибо в настоящее время учесть всех расходов буквально невозможно.

Существование местного отдела народного образования, безусловно, необходимо. Отдаленность края и плохие пути сообщения препятствуют правильному сношению «медвежьих углов» его с центром губернии. Низкий культурный уровень русского населения, не говоря об инородцах, требует интенсивной и быстрой работы, обобщенной мест-

ным центром. Своеобразие жизни инородческого населения может быть видна вполне ясно только здесь; в зависимости от последнего должны ставиться цели работы и способы их осуществления. Самостоятельности края в отношении культурно-просветительной работы требует величина его.

Заведующий отделом наробраза Г. Попов

Доклад заведывающего внешкольным образованием Сургутского отдела наробраза

Прежде всего нужно приветствовать открытие уездного отдела народного образования в Сургуте. Сургут является центром громадного района и расстояние между крайними пунктами достигает около 1000 верст, поэтому открытие в Сургуте уездного отдела народного образования, откуда исходило бы направление всей культурно-просветительной работы края, является лишь удовлетворением насущнейшей потребности, вызванной условиями переживаемого момента.

Упомянутый отдел соорганизовался в конце января и только с одним подотделом внешкольным и секцией дошкольного воспитания, причем заведующим подотделом внешкольным был выдвинут Сургутским союзом школьных работников и утвержден местным военревкомом школьный работник Сургутской трудовой школы II ступ[ени] т. Кучков, который помимо работы в отделе имеет 14 общеобразовательных уроков по естествознанию и географии за отсутствием достаточного числа работников.

Что же было сделано подотделом в области внешкольного образования и какие дальнейшие его задачи?

Прежде всего было приступлено к реорганизации местного культпросвета, так как на основании инструкций, имеющихся у отдела, культпросвет вместе с имуществом народного дома перешел в ведение подотдела внешкольного образования. Местный культпросвет до реорганизации имел одностороннюю театральную деятельность. Реорганизация имела в виду создать прежде всего простор, соответствующий личности каждого, с этою целью было предложено организовать секции театральную, лекционную, библиотечную и музыкально-вокальную.

Область культурно-просветительной работы делается шире, создается обширное поле для проявления индивидуальных способностей. Казалось бы, такая реорганизация должна была привлечь новые культурные силы, но на самом деле случилось наоборот: из общего состава культпросвета выбыло $\frac{2}{3}$.

Такой оборот дела дает основание думать, что старые силы, отпавшие с момента реорганизации, не являлись настоящими жрецами теат-

рального искусства, в противном случае какие причины могут препятствовать служению идее просвещения?

Оставшаяся часть членов культпросвета не могла расширить круг просветительных работ, не сумела создать и интенсивности в работе. Это и вполне понятно, так как кружок не имел в то время определенных инструкций, затребованных из губотдела, поэтому подотдел намерен был реорганизовать кружок вновь и дать ему определенные руководящие указания.

Между тем в Сургуте стали создаваться другие просветительные организации, как-то: союз коммунистической молодежи, красноармейский клуб.

Наличность культпросветительных сил в Сургуте незначительная, и рациональным является их координация, а не распыление. Отчаиваясь в получении руководящих указаний по внешкольному образованию из губотдела наробраз, Сургутский подотдел решился приступить к работе, исходя из требования местных условий. Для подотдела ясно, что в Сургуте необходимо слияние всех культурно-просветительных сил, тем более что здесь имеется одно помещение для работ культурно-просветительных организаций — это здание народного дома, и если силы будут распыляться, то в общем ни одна культурно-просветительная организация в Сургуте не в состоянии будет владеть достаточным количеством нужных работников. Таким образом, координация культурно-просветительных сил города Сургута являлась очередной задачей, которую подотдел и осуществил.

Далее подотдел переходит к созданию при отделе наробраз организации из представителей всех имеющихся в городе культурно-просветительных учреждений, этот орган будет являться руководящим органом в распределении на данный спектакль, лекцию и т.п. наличных просветительных сил, а также будет решать вопрос о представлении помещения народного дома той или другой организации.

Для обстановки сцены народного дома подотдела было принято от местного утрмота¹ разных вещей и принадлежностей на сумму приблизительно в 5—7 тысяч, а т. инструктором политотдела привезено в Сургут в достаточном количестве париков и грима.

Для постановки музыкально-вокальных вечеров недостает рояля или пианино; это один из больших пробелов, который с наступлением навигации обязательно нужно восполнить. Для народного дома целесообразнее приобрести рояль, так как этот инструмент является наиболее крепким и сильным из клавишных инструментов. Необходимо пополнить многими инструментами и балалаечный оркестр, которым интересуется и поэтому всегда охотно занимается учащаяся

¹ Уездный транспортно-материальный отдел.

молодежь. То и другое необходимо, необходимость эта усматривается из того, что вокальная часть дивертисмента всегда сопровождается под аккомпанемент фисгармонии и гитары; танцы все идут под русскую гармонику.

Что же касается самого помещения народного дома, то его необходимо расширить приблизительно на 6–8 аршин с двух сторон, необходимо также и устройство фойе и летней террасы.

Относительно Сургутской библиотеки, находящейся также в ведении отдела наробраза, нужно сказать, что она необширна по объему и небогата по содержанию. Нет полных собраний сочинений русских классиков, не имеется и хороших книг для детского возраста. О высылке необходимых книг посланы требования в Тобольский уездный отдел. Совместно с начгаром¹ т. Зыряновым и библиотекарем Дождевым была произведена частичная реорганизация местной библиотеки, причем отдел духовно-нравственного содержания был целиком изъят, также были выброшены и многие безынтересные книги других отделов.

В дальнейшем реорганизация остановилась, т.к. информатор политотдела т. Кучеров заявил, что все библиотеки должны якобы отойти в будущем в ведение политотдела.

Внешкольный подотдел по этому вопросу вынес то заключение, что в ведении политотдела будут находиться библиотеки, клубы, общества и т.д. лишь политического характера, что же касается до библиотек, кружков, обществ и т.д. просветительного характера, то все они как теперь находятся, так и в дальнейшем будут находиться в ведении подотдела внешкольного образования. В настоящее время вопрос о дальнейшей реорганизации также остается открытым ввиду того, что местная библиотека сливается с гарнизонной, находящейся в ведении политотдела. Создание в г. Сургуте двух библиотек, так же, как распыление культурно-просветительных сил, не является целесообразным ввиду малочисленности населения. Устройство одной центральной, но хорошо оборудованной библиотеки вполне удовлетворит население.

Дальнейшая реорганизация старых и открытие новых библиотек в уезде является делом необходимым ввиду большого интереса читающей публики, возникнувшего под влиянием переживаемых событий. Подотдел в области внешкольного образования намерен был создать в Сургуте плановость лекций, регулярность, последовательность и преемственность. С этой целью заведующим подотделом был составлен и препровожден в местную лекционную секцию культпросвета «Лекционный лист» для записи лиц, желающих выступить на лекции с указанием времени выступления и выбранной темы; «Л. л.» предполагалось заполнить лекторами лишь на текущий февраль с расчетом по одной

¹ Начальник гарнизона.

обязательной лекции в неделю, причем подотделом было предложено, если лекционная секция не в состоянии заполнить лист на указанный период времени своими наличными лекторскими силами, то ей представлялось право кооптировать таковые со стороны. Секция не смогла выставить собственных кандидатов для лекций за отсутствием таковых и принуждена была обратиться к посторонним лицам, из них записалось трое. Были опубликованы место и время выступления, а также и темы, но первая лекция дала несколько слушателей, вторая и совсем не состоялась за отсутствием слушающей публики. Подотдел полагает, что необходимо вести лекции по естествознанию, физике, истории, литературе и т.п., иллюстрируя чтение постановкой опытов и световыми картинками; но реализация цели научных лекций не представляется возможной в настоящее время единственно потому, что не имеется хотя бы в минимальном количестве приборов и материалов по постановке опытов. Правда, местные городские школы располагают некоторым материалом для опытов по естествознанию и физике, но в самых ничтожных размерах и отнюдь не для публичных лекций. Неудавшаяся постановка систематических лекций побудила отдел к новой попытке организовать лекции, но в праздничные—воскресные дни.

С целью учета неграмотного населения Сургутского уезда были посланы в волревкомы анкеты, которые дадут возможность выяснить число неграмотных лиц обоего пола. В дальнейшем отдел приступает к организации вечерних курсов для взрослых: это одно из главных средств по борьбе с неграмотностью среди местного населения. Дело останавливается единственно за неимением бумаги, карандашей и т.п., хотя отдел, несмотря на требования о высылке программ и инструкций по организации курсов, из губотдела не получал таковых до настоящего времени. Не надеясь таковые получить в скором времени, подотдел наробраза предложил местному профессиональному союзу школьных работников оказать содействие в поименовании необходимых для курсов предметов, составлении общей примерной программы, а также предложить членам союза принять участие в обучении на курсах, одновременно было послано в Сург. утратот отношение с просьбой выйти с подлежащим ходатайством об отпуске писчей бумаги для предполагаемых курсов. Но утратот уведомил, что писчей бумаги не имеет, а на ходатайство об удовлетворении бумагой был получен отрицательный ответ.

Организация передвижной театральной труппы, а также широкая организация лекций в уезде пополнили бы план дальнейшей работы подотдела внешкольного образования. В заключение нужно сказать, что не представляется возможным сосредоточиться на подотделе внешкольного образования вследствие того, что нет средств и нет необходимого числа работников.

Заведующие двумя отделами и секцией несут фактически работу всего отдела, кроме этого, нет определенных инструкций, а главным образом нет средств, о чем возбуждались неоднократные, но безуспешные ходатайства.

Подлинный подписал заведывающий подотделом внешкольного образования школьный работник школы II ступени П. Кучков

Доклад о деятельности Сургутского отдела наробраза

Вступил врид¹ заведывающего отделом наробраза в конце марта месяца т[екущего] г[ода]. Прежде всего приходится отметить отсутствие работников в отделе: нет ни заведывающих подотделом, секциями, канцелярией, ни бухгалтера, секретаря для отдела и подотдела, почему канцелярскую работу и бухгалтерию приходится вести членам коллегии, которые и без этого перегружены работой в школе. Вридзаведующий отделом имел до 23 марта 20, после — 12 уроков в школе II ступени и председательство школьного совета, заведывающий подотделом внешкольным т. Шананин — [нрзб.] уроков, секретарь школьного совета той же школы; заведывающий театральной секцией т. Попов — 12 уроков и секретарь парткома. Полное отсутствие работников заставляет просить об откомандировании из губернии сотрудников, иначе будет страдать работа отдела или школы.

Отделом по школьному вопросу сделано следующее: приступлено к организации ремесленных классов при школе II ступени, приобретена с этой целью часть инструментов, сделан заказ коммунальному хозяйству лесного материала и пр. Связи с уездом из-за распутицы полтора месяца не имели. В конце марта в Тундринскую волость для образования волостного отдела образования, инструктирования школ был командирован заведывающий подотделом внешкольным т. Шананин. Последний ознакомил Тундринский ревком с инструкциями волостного отдела наробраза и просил выдвинуть кандидатуру заведывающего отделом. За неимением работников выдвинуть кандидата ревком отказался. Т. Шананин ездил до границы уезда в сторону Тобольска, инструктируя школы Пилюгинскую, Тундринскую и Кушниковскую. В последней занятия после двухмесячного перерыва из-за ухода школьного работника по семейным обстоятельствам и недоразумениям с обществом вновь были восстановлены. Выяснилась также необходимость открыть школу в Сытоминой, где по произведенной регистрации оказалось 37 детей школьного возраста. Занятия в школах [идут] весьма нормально. Чувствуется острая нужда в учебниках, особенно новых букварях, бумаге, перьях, карандашах. Нуждаются также учащиеся и в одежде.

¹ Временно исполняющий должность.

Отделом исхлопотано у местного райпродкома 370 аршин мануфактуры, которые и распределили нуждавшимся ученикам. Обследовать волости Юганскую, Локосовскую, Лумпокольскую, Ново-Никольскую и Ларьякскую не удалось за наступлением распутицы.

С реорганизацией школ в уезде в 5-годичный курс с будущего учебного года необходимо будет увеличить штаты школьных работников до двух в каждой. Для этой цели отделу потребуется 5 школьных работников. В настоящее время почти все школьные работники в уезде с образованием двухклассного училища и небольшим развитием, почему отдел и возбуждал ходатайство перед губнаробразом об устройстве курсов или высылке педагогической литературы для самообразования. Необходимо будет в скором времени обратить строгое внимание на школьные здания. Школа II ступени в городе совсем не имеет подходящего помещения, почему отделом возбуждено ходатайство перед коммунальным хозяйством о представлении школе дома братьев Баскиных. Приступлено к составлению проекта расширения этого здания и сметы. В этом же нуждаются почти все школьные здания уезда, т.к. последние приспособлены для трехгодичных сельских школ. В селах Сытоминское, Тундринское школьных зданий совсем нет. Возможно, в таком же положении находятся школы и других волостей, что выяснится по обследовании их с открытием навигации инструкторами отдела. (Почтовых сообщений с Ларьякской, Юганской волостями нет; в с. Локосовское, Н.-Лумпокольское почта ходит в две недели раз).

Для развития дальнейшей деятельности отдела и образования новых подотделов и секций отдел нуждается в инструктировании и постоянных работников, т.к. до сих пор мы не имеем подробных определенных инструкций и опытных руководителей. Все работники отдела есть школьные работники, которые с реорганизацией школ нуждаются в знакомстве с постановкой дела в современной школе, почему и желательно летнее время использовать в этом направлении, дабы с новыми силами возобновить занятия в предстоящем учебном году.

Доклады подотдела внешкольного и секций дошкольной и театральной, которые в настоящее время организованы при отделе, будут представлены заведывающими особо.

*Подлинный подписал заведывающий отделом наробраза
А. Кондаков*

**Доклад временно заведывающего подотделом внешкольного образования Сургутского отдела наробраза школьного работника
А.В. Шананина за время с 1 апреля по 15 мая 1920 г.**

Мне пришлось временно принять на себя заведование подотделом с момента отъезда заведывающего подотделом т. Кучкова на Ом-

ские инструкторские курсы — с 2 апреля, за неимением подходящего лица. Состоя школьным работником по общеобразовательным предметам в школе II ступени и занимая 2 побочные должности, я принужден был уделять крайне мало внимания 4-й — заведыванию подотделом. Если добавить неподготовленность к работе в отделе в широких размерах, то станет очевидно, что когда пришлось встретиться с различными трудностями, то преодолеть их не всегда удавалось. Поэтому доклад будет носить характер не только сообщения о работе подотдела, но и вопросов, как поступить в том или ином случае, на которые весьма желательно получить возможно скорее ответ.

В первом докладе упоминалось о выходе [из] культ.-просвет. кружка части членов после произведенной в нем реорганизации. Выбывшие культурно-просветительные силы и силы, не входившие ранее в культпросвет, расплылись по разным организациям, образовавшимся к тому времени, как-то: профсоюз служащих советских учреждений, профсоюз школьных работников по просвещению и т.д. Эти организации пытались проводить культурно-просветительную работу по отдельности, главным образом путем постановки спектаклей, что плохо удавалось: они выходили очень редкими или очень незначительными.

В таком же положении очутился культпросвет, в котором к тому же возникли мелкие дразги на личной почве. Музыкально-вокальная, лекционная и библиотечная секции его совершенно не проявляли себя. Нужно заметить, лекции проводить в жизнь в г. Сургуте вообще не удается. Лиц, могущих вести их, очень мало и они перегружены работой, неся по несколько обязанностей. За все указанное в докладе время прочтена всего одна лекция членом союза работников по просвещению т. Кучковой Г.Ф. на тему «Социальное воспитание», привлекавшая довольно значительное число слушателей. В последнее время положение ухудшилось отъездом многих культурных работников из г. Сургута, как водников, добровольцев на фронт и т.д. Все изложенное усилило тяготение к слиянию всех культурно-просветительных сил, о котором упоминалось в предыдущем докладе. В результате явилось создание политклуба по инициативе члена коллегии военревкома т. Назарова и военного комиссара т. Ворончихина. Политклуб имени Карла Маркса был открыт в г. Сургуте довольно давно политотделом, но не функционировал из-за отсутствия членов, которые могли бы вести работу. Вот помещение-то политклуба и явилось центром объединения культпросвета, профсоюза служащих советских учреждений, союза работников по просвещению, политотдела и союза коммунистической молодежи, члены которых были зачислены в члены клуба. В правление клуба вошли по 2 представителя от всех перечисленных организаций, а правление культпросвета полностью; общее число членов

определилось в 12 человек, которые разбились на 3 подотдела: эстетический, политический и физический. В основу положен приблизительно устав военных политклубов, общий же характер политклуба должен быть общественно-гражданский.

Имея в своем составе представителей власти, правление стало действовать решительно, рассматривая всякие уклонения от культурно-просветительной работы как саботаж, а потому работа пошла в более широких размерах, чем прежде, пока лишь в эстетическом подотделе. Таким образом, в смысле улучшения и расширения работы все сделанное является желательным. Но когда приходится коснуться финансовой стороны дела, то возникают значительные трудности. Кто будет субсидировать клуб: политотдел или наробраз? Как распределять все полученные клубом средства от спектаклей, вечеров и пр.? Ведь, судя по имеющимся у различных организаций инструкциям, все средства, полученные ими, должны направляться в центральные органы этих организаций. Как это сделать при создавшихся условиях? Не зная, как поступить и находя объединение культурно-просветительных сил в принципе желательным, подотдел не противодействовал всему изложенному, но весьма желал бы получить указание по этому вопросу от губнаробраза.

Вторым вопросом, требующим скорейшего разрешения, является устройство курсов для взрослых. Регистрация грамотного и неграмотного населения протекает по уезду медленно, доставлены до сих пор сведения из двух волостей. В городе произведена регистрация неграмотных и малограмотных служащих, которых предполагается привлечь к учению в первую очередь. Дело останавливается главным образом отсутствием программ и средств. По газетным сведениям, существует для курсов нормальная программа, по усвоению которой учащиеся получают свидетельство об окончании курсов. Ввиду ограничения со стороны финотдела, согласно распоряжению из центра, бескредитного пользования в мае располагать средствами на устройство курсов отдел не может. Трудно подыскать и подготовленных преподавателей. В этом отношении особенно плохо обстоит дело с уездом, там одна надежда на школьных работников. Но чтобы они могли вести дело более или менее удовлетворительно, нужно хотя бы снабдить их литературой, если не говорить о подготовительных курсах. Итак, для проведения в жизнь ликвидации безграмотности нужны в первую очередь программа, литература, кредит, затем — бумага, чернила, учебники, ручки, перья, карандаши, указания относительно оплаты труда учащихся. Ощущается потребность в устройстве чтений по уезду с применением волшебных фонарей... Добавить минимум 10 фонарей и снабдить отдел картинами для них — вот опять насущная потребность. Картин в

отделе очень мало, большей частью духовного и патриотического содержания — куда направлять последние? Большим недостатком для города является отсутствие достаточно обширного помещения для публичных собраний, митингов, лекций, чтений, спектаклей. Имеющийся народный дом, переименованный в дом просвещения имени Луначарского, мал, он состоит из небольшого зрительного зала, коридора для раздевальни и помещения для сторожа. Каждый спектакль для удовлетворения всех желающих приходится повторять. Крайне трудно при таких условиях предоставлять его в пользование различным организациям в подходящее для них время. Такая острая нужда заставила подотдел поднять в комиссии по проведению первомайского субботника вопрос об устройстве летнего театра, для чего был разобран и перенесен на подходящее место бесхозный сарай, достроить и оборудовать который в ближайшее время составляет одно из заданий подотдела. Смета на этот предмет в скором времени будет представлена и заслуживает скорейшего утверждения. В дальнейшем подотдел предполагает приступить к выработке плана расширения дома просвещения.

Публичная библиотека вследствие выяснившейся неправильности постановления объединенного заседания представителей политотдела, парткома и наробраза, о котором сообщалось губнаробразу в отношении от 2 марта с.г. за №215 и упоминалось в 1-м докладе, вновь постановлением того же заседания от 27 апреля за №2 перешла в ведение наробраза, причем библиотеки политотдела и компартии остались слитными с ней, и библиотека должна пополняться как наробразом, так парткомом и политотделом. Публичная библиотека требует пополнения классиками, критикой, книгами для детского возраста, научного содержания, по специальным вопросам, в особенности же политического характера (политический отдел совсем отсутствует). В уезде библиотечное дело находится буквально в плачевном состоянии. Скучные библиотеки есть только при школах. По наведенным справкам за все время организовались народный дом в с. Александровском и изба-читальня в селе Локосовском, да и та неизвестно кем снабжается газетами, ибо через отдел наробраза газет и книг для волостных библиотек и читален совершенно не проходит. Разъясните, каким образом снабдить уезд прессой и литературой.

В заключение добавлю, что пока для заведывания подотделом не будет назначено специальное лицо, могущее все свое время посвятить специальной работе в нем, до тех пор работа не будет вполне продуктивной и нормальной.

*Подлинный подписал временно заведывающий подотделом
внешкольного образования школьный работник Шананин*

Доклад

В конце марта я вступил на пост заведывающего театральной секцией при отделе наробраз. Приступая к своим обязанностям, я организовал при местном культпросвете драматическую секцию, которая должна была регулярно ставить спектакли. Вся драматическая секция состоит из местных любителей, с которыми очень тяжело ладить; пришлось привлекать новые силы. Так, например, вошло несколько членов из профсоюза работников по просвещению и социалистической культуры. Затем было приступлено к выделению театральной библиотеки из публичной, но, к великому прискорбию, в ней нашлось всего до 40 пьес — только одни водевильчики и бессодержательные трехактные комедии. Имея в распоряжении такую библиотеку, пришлось ставить спектакли, не гнушаясь и этими шаблонными пьесами. Очень много тормозит постановку спектаклей небольшое количество грима, лаку, а главное декораций. Располагаем всего лишь одной комнаткой. Относительно париков пришлось войти в соглашение с политотделом и получить от них 23 парика, годных только к постановке пьес из народного быта. Также был пополнен театральный реквизит полученным из бесхозяйственного имущества по расценке 1914 г. на сумму около 1000 руб. Помещение театра очень мало и вмещает всего только 200 человек, что и заставляет повторять каждую пьесу по 2 раза. Обычно желающих получить билеты человек до четырехсот. Поэтому возникает вопрос о расширении театра, в чем ощущается, как видно из изложенного, острая нужда.

Имеется при отделе кинематографический аппарат системы «КоК» и несколько очень старых лент, которых бы хватило на 3—4 сеанса, но нет лампочек и клею для склеивания лент. В Первомайский всероссийский субботник [население] было привлечено к устройству летнего театра, и в настоящее время, когда многие товарищи коммунисты уехали добровольцами на западный фронт, а местные граждане на весенний промысел, работа приостановлена.

Во избежание частых постановок пьес шаблонного содержания пришлось ставить пьесы, более заслуживающие внимания. Так, например, прошли «Анфиса», сочинение Л. Андреева, «Иванов», соч. Чехова, и были еще намечены следующие: «Мещане» Горького, «Сильные и слабые» Тимковского, «Жизнь» Потапенко и другие, но были временно сняты с репертуара ввиду отъезда многих членов секции добровольцами на западный фронт. Если мы не получим из губернии требуемого материала и пьес, то у нас может в недалеком будущем прекратиться деятельность театральной секции.

*Подлинный подписал заведывающий театральной секцией
школьный работник шк. II ст. Г. Попов*

**Доклад заведывающей дошкольной секцией
при Сургутском уездном отделе наробраза М.В. Тарасовой**

Сургутским военным ревкомом было запрошено из профессионального учительского союза три кандидата для организации отдела наробраза. Учительство выдвинуло трех кандидатов, в числе которых зачислили и меня заведывающей дошкольной секцией.

27 января мы были утверждены в своих должностях военревкомом, и с этого же дня отдел начал функционировать.

Первое время мне приходилось работать в общей канцелярии, занимать должность не по назначению, и это продолжалось до 15 марта. С 15 марта вступил новый временный заведывающий, который принял от меня денежные документы и дела, т.к. это все находилось на моих руках, ибо коллегам приходилось отлучаться на уроки в школу II ступени.

Отдел наробраза долгое время состоял из 4 человек: 3 заведывающих и регистратора, и никак нельзя было сосредоточиться на своей работе: не было ни делопроизводителя, ни заведывающего канцелярией, ни бухгалтера. Вот при таких-то условиях приходилось служить.

После 15 марта я приступила к обработке своей секции. Вторично запросила губнаробраз о высылке инструкции по дошкольному воспитанию, которую и получила. 29 марта сделала объявление желающим работать на детской площадке зарегистрироваться в отделе, но на это объявление никто не отозвался, кроме двух гражданок, немного знакомых с этим делом, школьн. раб. Кучковой и гр. Назаровой. Вместе с ними у меня было совещание, где я их познакомила с полученной инструкцией и наметили план организации: 1) учет детей от 3 до 8 лет по возрасту и полу, 2) запросить коммунальное хозяйство о месте, благоприятном для площадки, 3) подыскать помещение для детей, 4) подбор материала: книг, картин, глины, песку, палочек, запись известных игр и распределение их на группы в соответствии с задачами воспитания, подбор песенок, сказок, стихотворений, доступных для детского исполнения, перечень возможных работ, различение, группировка их. Из всего намеченного сделано следующее: регистрация произведена, детей дошкольного возраста оказалось 150 человек; коммунальное хозяйство для детской площадки определило городской сад, который пришлось расширить, т.к. таковой оказался мал.

1 мая общими силами граждан разнесли ограду и старый развалившийся дом, мешавший прибавке площади, заготовили ямы и столбы для новой ограды. В этот же день для детей от 3 до 12 лет отделом народного образования устраивался спектакль и угощение.

В воскресник советскими служащими был временно огорожен сад, т.к. нужно было поспешить посадкой деревьев. В этом саду было толь-

ко три деревца. 19 мая избрали [днем] древонасаждения, который состоял в том, что ездили 2 представителя земельного отдела — Смеловский и Мансуров — и ученики школы II ступени за деревьями. Ехать пришлось далеко, поднялась погода, из-за чего задержались до утра. Деревьев привезли 80 штук, и 20 мая была посадка их. Горячее участие принимали ученицы школы II ступени под моим руководством и руководством представителей. Посадка благодаря дружной работе продолжалась всего два часа. Преобладающим элементом оказались девочки, поэтому трудная работа, как ношение воды, копание ям, обрушилась на них, но они без ропота и недовольства, с дружным веселым смехом исполняли ее.

Вот и все, что сделано для площадки. Для дальнейшей работы прошу губнаобраз послать заместительницу на мое место и работников для осуществления задач дошкольного воспитания. Так как сотрудница Назарова уехала, Кучкова Г.Ф., как только откроются курсы, так же, как и я, уедет на курсы, следовательно, работать некому, да и мы обе не вполне подготовлены, а руководств не имеется.

Существует при социальном обеспечении детский приют в 25 человек, куда необходима воспитательница, но у нас командировать из отдела некого ввиду отсутствия таковых, сделан запрос в Томск, комтруд, для откомандирования двух лиц, т.е. воспитательницу в приют и заведывающую площадкой. Ответа нет.

Еще раз прошу губнаобраз не отказать и принять во внимание мою просьбу, иначе деятельность остановится.

Подлинный подписала заведывающая секцией дошкольного воспитания, слушательница I курса Тобольского учительского института М. Тарасова

Другая сторона

Учит ли история? Вопрос непростой. Как бы ни хотелось ответить на него сразу утвердительно, бесконечная череда повторяющихся трагических событий, кровопролитных войн и других чудовищных преступлений говорит об обратном. Но иного учителя, кроме опыта, фиксируемого историей, у человечества нет, и если общество хочет иметь твердую опору в ситуациях ответственного выбора, оно, полагаясь на свой разум, должно оглянуться на прошлое. *История учит*, если мы сами хотим учиться, т.е. кропотливо восстанавливать подлинную картину событий давно минувших дней, очищая ее от фальсификаций, замалчиваний, шельмования и всякой политической косметики. Чем-то такое активное познание прошлого похоже на реставрацию старого живописного полотна, покрытого слоями позднейших дорисовок и «редакторских» поправок.

Более половины двадцатого столетия в нашем обществе безраздельно господствовало спущенное сверху представление, будто историю творят не личности, а массы (то есть толпы — слепые орудия манипулирующих ими политиков). Это представление фактически стало средством отчуждения человека от собственной истории, даже семейной, обесчеловечения и обесценивания ее. В исторической памяти нескольких поколений советских людей оказались стертыми лица, образы тех, кто был не «с нами», а «против нас». Трудно найти в истории примеры такой глубины забвения, а значит, и беспочвенности.

В настоящее время, когда российский, бывший советский гражданин нехотя, в силу привычки подневольного человека, на плече которого лежит тяжелая рука государства, становится на новый, не ясный для него и очень часто не им выбранный путь, у него есть возможность опереться на опыт прошлого. Для этого очень важно увидеть открытыми глазами людей прошлого, постараться понять причины их поступков, логику их жизненных путей и судеб.

Интенсивно идущий ныне процесс «очеловечения» истории, конечно, как и всегда, не свободный от борьбы страстей и разнообразных спекуляций, все же безусловно благодетелен, он побуждает граждан к познанию и переосмыслению истории своего рода, своей «малой родины» и через нее — отечественной. Сознание людей из обыденного,

обывательского постепенно становится историческим, а значит, и гражданским, эта тенденция видна вполне отчетливо.

Естественным результатом продолжения и развития этого процесса может стать создание условий для исторического примирения расколотого Октябрьской революцией, Гражданской войной и последующими десятилетиями «века-волкодава», как назвала двадцатое столетие газета «Известия», общества. Ведь «понять — значит простить», а гражданский мир — важнейшая предпосылка для созревания гражданского общества.

В этом выпуске мы обращаемся к событию местной истории 80-летней давности, которое до сих пор не осмыслено обществом до конца и имеет в литературе противоречащие друг другу названия — «кулацко-эсеровский мятеж» и «крестьянское восстание» начала 1921 года. Цель публикации проста: это попытка преодолеть обезличение и сделать еще один шаг к очеловечению истории Обь-Иртышского Севера, рассказав читателю о тех, кто противостоял революционным преобразованиям. Десятилетиями их называли не иначе, как «мятежники» и «бандиты», даже во время судебных процессов. Однако за этими ярлыками стояли живые люди, не менее достойные, чем те, что оказались на противоположной стороне. (Разве могут быть в гражданской войне абсолютно правые или виноватые? Все они действующие лица одной огромной трагедии и все, так или иначе, жертвы; победителей среди них нет). Но их имена и судьбы преданы забвению. И до сих пор мы привычно отворачиваемся от людей, на которых когда-то давно и уже неизвестно кем наложено проклятье; эта привычка, наверное, уже в наших генах.

Что же это за люди? Имеют ли они вообще какой-то человеческий облик? Ничто не пропадает бесследно, и многие факты биографий удалось восстановить. Предоставляем читателю самому судить о своих предшественниках по публикуемым биографическим статьям. Возможно, после их прочтения громкая песенная фраза «В своих дерзаниях всегда мы правы» у кого-то породит вопрос: всегда ли?

Андреев Андрей Прокопьевич

Торгующий крестьянин села Мало-Атлымского Березовского уезда. В начале XX столетия был довольно широко известен в Тобольской губернии, сведения о нем встречались в «Тобольских губернских ведомостях», «Сибирском листке», «Ежегоднике Тобольского губернского музея» и других изданиях, а также сохранились в архивных фондах. Андреев имел репутацию человека энергичного, отзывчивого на общественные нужды, склонного к благотворительности.

Сохранилась любопытная картинка, характеризующая Андреева как торгующего человека. 16 января 1902 г. анонимный автор писал в газе-

те «Сибирский листок» о том, как Андреев в голодный год сбивал цены на муку, ограничивая тем самым доходы тех, кто радовался возможности нажиться на несчастье ближнего, и облегчал жизнь землякам.

«В юртах Больше-Атлымских, — писал он, — некий купец Н. продавал муку с самой осени 1 р. 50 к., а теперь 1 р. 20 к. Конечно, вас удивит это, читатель, почему не повысил, а спустил цену... Вот как это вышло. Один малоатлымский торговец А. открыл там торговлю мукой, и когда у Н. мука была 1 р. 50 к., он стал продавать 1 р. 30 к., а Н., не желая ударить в грязь лицом, понизил цену до 1 р. 20 к., а А. тоже не уступает ему, продает 1 р. 20-18 к. Вот хорошо бы было, если бы таких А. было побольше и мука была бы дешевле... Да, еще бы человека 2, как Андреев, и мы бы муку ели по-прежнему по 1 р. за пуд, но и за это спасибо говорит народ».

С 1 мая 1904 г. Андрей Прокопьевич принял на себя обязанности почетного блюстителя Мало-Атлымского сельского одноклассного училища Министерства народного просвещения, прослужил в этой должности довольно продолжительное время и выделялся среди других блюстителей особой заботливостью. Так, в 1907 г. «Школьный отдел» (приложение к «Тобольским губернским ведомостям») в № 5 сообщал, что он на свой счет произвел ремонт училищного здания и заявил о готовности открыть при училище приют для остяцких детей. Этот же «Школьный отдел» 22 января 1908 г. (№ 2) извещал о пожертвовании Андреевым для упомянутого приюта к празднику Рождества Христова пяти пудов крупчатки, головы сахара и туши мяса. В отчете о состоянии народных училищ Тобольской губернии в 1909 г. А.П. Андреев отмечается наряду с сургутским блюстителем Г.С. Клепиковым как самый деятельный на Тобольском Севере, делающий пожертвования, устраивающий детские елки и др. (1). «Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу» № 5/6 за 1910 г. сообщил, что как почетный блюститель Мало-Атлымского училища А.П. Андреев награжден серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие».

Кроме этого, Андрей Прокопьевич оказывал содействие Тобольскому губернскому музею и некоторое время был его действительным членом. В «Памятных книжках для Тобольской губернии» за 1910, 1911, 1913 и 1914 гг. он упоминается как заместитель члена Березовского уездного по промысловому налогу присутствия. В 1914 и последующие годы Андреев состоял в тобольском отделении Российского общества судоходства.

Вся эта полезная деятельность прекратилась вскоре после Октябрьской революции, и род Андреевых в годы советской власти захирел. Это прослеживается по книге коренного жителя Малого Атлыма В.Т. Кузьмина «Земля Кодская» (Ханты-Мансийск, 1995). Осенью 1920 г.

Андрей Прокопьевич еще руководил только что организованной в селе конно-почтовой станцией, а его дочь Ольга служила казначеем в местном потребительском обществе «Самопомощь». Но вскоре после начала восстания, в феврале 1921 г., Андреев был взят в заложники, а в начале марта расстрелян как потенциальный враг советской власти. Был конфискован его большой двухэтажный дом. 7 апреля 1922 г., как пишет В.Т. Кузьмин, дом сгорел, по-видимому, из-за халатности сторожа, неосторожно пользовавшегося огнем. В селе бытовала легенда, будто на этом пожаре Иван Галишников спас свою невесту Ольгу Андрееву, жившую в одной из комнат второго этажа, на котором помещался народный дом. Через охваченный пламенем нижний этаж Иван бросился наверх и только успел вынести девушку, как произошел взрыв и дом обрушился. В метрической книге Малоатлымской Преображенской церкви за 1924 г. есть запись о регистрации брака Ивана и Ольги 25 ноября.

В 20-е и первой половине 30-х гг., по сведениям этого же автора, в Малом Атлыме жил еще Григорий Андреевич Андреев с семьей из семи человек, работал в рыбкоопе. В 1934 г. он был лишен избирательных прав и с 1934 по 1938 гг. отбывал трудовую повинность в Самарово. Во время Великой Отечественной войны призван в армию, погиб на фронте.

В окружном государственном архиве есть документ, из которого видно, что в 20-е гг. в Малом Атлыме советской властью были отображены дом и постройки еще у одного из представителей этого рода — Николая Прокопьевича Андреева (2).

Бешкильцев Иван Михайлович (ок. 1862—1921)

Числился березовским мещанином, но жил не в уездном городе Березове, а в селе Сартынском (Сосвинском) на р. Северная Сосьва, где имел большой двухэтажный дом с хозяйственными постройками. Бешкильцевы принадлежали к числу немногих русских жителей Березовского уезда, занимавшихся оленеводством.

В мирное дореволюционное время к зажиточному, преуспевающему в хозяйственных делах Ивану Михайловичу нередко обращались за содействием местное духовенство и интеллигенция, и он не прочь был пожертвовать частью нажитого богатства ради просвещения. Так, он через благочинного березовских церквей извещал епархиальный училищный совет о своем желании устроить на собственный счет здание для церковно-приходской школы в своем селе. Примерно с 1905 по 1910 гг. он состоял действительным членом Тобольского губернского музея и сделал небольшой личный вклад в накопление его коллекций.

Октябрьскую революцию и новую власть мощный клан Бешкильцевых, как и многие другие северяне, не принял, поэтому в начале 1921 г., когда вспыхнуло и докатилось до Тобольского Севера крестьянское восстание, Иван Михайлович, его родной брат Нестор Михайлович и племянник Николай Иоакимович были взяты в заложники и расстреляны перед отступлением большевистской власти из Березова. Трое сыновей Ивана Михайловича примкнули к повстанцам. Старший, Георгий, был помощником начальника боевого участка, после подавления восстания покончил с собой. Василий с Аввакумом скрывались в лесу, первый там и умер, а второй через полгода сдался властям.

По постановлению президиума Березовского уездного исполкома от 4 сентября 1922 г. у расстрелянных И.М. и Н.М. Бешкильцевых были частично конфискованы олени стада, мебель и некоторые другие предметы домашнего быта. Столы, венские стулья, диваны, стекла для керосиновых ламп и другие вещи, видимо, требовались, чтобы обставить кабинеты новых уездных учреждений. Это было только начало. Советская власть сводила свои счета с Бешкильцевыми вплоть до 1937 года.

Гурьянов Филипп Артемьевич (ок. 1862–1921)

По некоторым сведениям, нуждающимся в проверке, происходил из мещан Европейской части России, в Сибирь был отправлен в ссылку. В Березове поселился еще в конце XIX в. и числился некоторое время ялutorовским мещанином. В метрической книге Богородице-Рождественской церкви есть запись о его бракосочетании в октябре 1897 г. с 17-летней Татьяной Даниловной Каневой.

Человек предприимчивый, Гурьянов занимался многим и смело брался за новые дела. Летом 1906 г. находившийся в Березове в ссылке губернский агроном Н.Л. Скалозубов знал его как агента тобольского рыбопромышленника Е.Т. Новицкого, скупавшего для него рыбу у северян (3).

В 1911 г. через газету «Сибирский листок» Гурьянов доводил до сведения пароходовладельцев, что он предлагает на продажу дрова в удобных для погрузки на пароходы местах близ г. Берёзова. Расчет — по принятии дров, но если деньги будут уплачены вперед при заказе, то цена за сажень дров снижается на 30 коп.

Березовский краевед Ольга Василенко в неопубликованном историко-литературном очерке «Город Березов и его обитатели (конец XIX—начало XX вв.)» приводит еще один любопытный факт, к сожалению, без ссылки на источник. По имеющимся у нее сведениям, в 1915 г. неугомонный Гурьянов приобрел кинопроектор немецкого производства, динамо-машину к нему с ручным приводом и начал демонстрацию у себя на дому кинофильмов. В зале помещалось до 50 зрителей,

здесь березовцы впервые увидели «Собор Парижской Богоматери», «Отец Сергей» и другие картины. Гурьяновский кинематограф просуществовал до 1936 г.

Из сказанного понятно, что такой человек не мог безропотно отдать свою экономическую свободу, и когда Березовский ревком составлял список заложников, призванных живым щитом закрыть новую власть от повстанцев, в него не мог не попасть Ф.А. Гурьянов. Вместе с другими он был расстрелян. Осенью 1922 г. по постановлению Березовского уисполкома у его семьи были конфискованы два амбара, пожарная и прачечная машины (4).

У Гурьяновых была большая семья. Четверо сыновей Филиппа Артемьевича — Владимир, Георгий, Михаил и Петр — все уроженцы Березова, все рядовые, погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Замятин Николай Андреевич (1889 — ?)

Сын крестьянина д. Куниной Тундринской волости Сургутского уезда. Окончил Самаровское двухклассное училище Министерства народного просвещения в 1904 г. Служил учителем.

27 июля 1917 г. министром внутренних дел российского Временного правительства был назначен Сургутским уездным комиссаром (эта должность была введена взамен упраздненной должности уездного полицейского исправника). Советская власть устранила Замятина от управления уездом, но с приходом правительства Колчака он с 30 июля 1918 г. снова занял прежнюю должность, а в конце 1919 г. опять был советской властью отстранен от нее. В Сургутском городском архиве хранится приговор собрания граждан города, состоявшегося 4 января 1920 г., о взятии на поруки управляющего уездом Николая Андреевича Замятина и определении его на жительство к Алексею Галактионовичу Клепикову (5).

Вскоре после этого Замятин перебрался из Сургута в Тобольск и в конце февраля 1921 г., когда город заняли повстанцы, приказом № 1 по Тобольскому гарнизону был назначен временным комендантом города. Приказ подписали начальник Северного отряда В. Желтовский и начальник штаба Козлов. Об этом сообщила 25 февраля газета «Вестник Временного Тобольского Городского Совета».

Время от времени в газете повстанцев «Голос Народной Армии» появлялись приказы за подписью коменданта Тобольска Замятина, последний из них был напечатан в номере за 18 марта. В то же время старожилы Сургута в своих воспоминаниях, собранных в 60-е годы Ф.Я. Показаньевым, приписывают Н.А. Замятину активную роль в организации действий повстанцев в Сургутском уезде. Один из них рассказывал: «Организаторами и инициаторами восстания в уезде были Пре-

ображенский и Замятин (Замятин Николай — брат кушниковского купца Замятина Прокопия Андреевича), по образованию учитель... <...> В Сургуте Преображенский и Замятин развернули широкую агитацию по привлечению на свою сторону местных жителей. К ним сразу примкнули местные купцы и учителя Кондаков Андрей Иванович и Силин Андрей Васильевич» (6).

«Младший брат купца Замятина Николай, — сообщал другой свидетель событий 1921 г., — был инициатором и участником восстания. После подавления восстания бежал со своим племянником Александром. Они долго скитались по тайге, в 20-х годах выходили, потом следы их затерялись, говорят, что бежали за границу и что от них приходили письма из Харбина» (7).

В середине 20-х гг. за участие в «бандитском» восстании были лишены избирательных прав братья Н.А. Замятина Прокопий Андреевич и Дмитрий Андреевич (8).

Клепиков Алексей Галактионович (ок. 1893 — ?)

Уроженец Сургута, сын местного купца Галактиона Степановича Клепикова — почетного блюстителя Сургутского мужского училища, награжденного за полезную деятельность по учреждениям Министерства народного просвещения золотой медалью «За усердие» и званием личного почетного гражданина. Образование получил в Тобольской гимназии, после окончания которой вместе с братьями Александром и Павлом продолжил дело отца, умершего в 1915 г., — торговал, имел магазин.

С приходом к власти колчаковского правительства Клепикова призывали в армию. Служил он в 11-м кадровом полку, потом, по его словам, бежал и скрывался до прихода красных в с. Локосово, а в конце 1919 г. был назначен членом сургутской продовольственной коллегии. Здесь он проявил незаурядную предприимчивость и распорядительность. К концу 1919 г. на пристани Белый Яр в семи верстах от Сургута скопилось много зерна, которое необходимо было как-то спасти. По свидетельству Николая Кушникова, бывшего в то время уездным продовольственным комиссаром, только благодаря энергичным мерам, принятым Алексеем Клепиковым, 58000 пудов пшеницы были вывезены с пристани, и весь следующий год население мололо зерно и пекло хлеб — Сургут в 1920 г. не знал голода. Отработав семь месяцев членом продовольственной коллегии, Клепиков был назначен секретарем уездного исполкома и следующие полгода исполнял ответственную техническую работу, заслужив репутацию надежного служащего.

Вопреки этому, в начале 1921 г., когда к Сургуту подступали повстанцы, Клепиков почему-то опасался ареста и, взяв трехдневный от-

пуск, скрылся в тайге. В это время уездный исполком, чтобы затруднить распространение восстания по уезду, взял под арест в качестве заложников группу жителей Сургута, в которой оказались братья Клепикова Александр и Павел. Через несколько дней Павел и еще один заложник, Иван Сосунов, были расстреляны, якобы за преднамеренную порчу телеграфной линии.

В Сургут Клепиков возвратился через полтора месяца после бегства, когда захватившие весь уезд повстанцы уже постепенно отдавали его, отступая под натиском красных вниз по Оби, и был отправлен на фронт в качестве разведчика. Как выяснилось позднее на следствии, он совместно с А.Е. Липецким совершил рейд по тылам красных, а затем при штабе исполнял должность адъютанта. Выезжал из Сургута в Тундрино с важным поручением передать по телефону в Самарово начальнику штаба полковнику Сватошу предложение большого совета партизан о разоружении отрядов и добровольной сдаче Сургута, чтобы избежать кровопролития. Сватошем предложение было отклонено.

Примерно через две недели к Сургуту подошел пароход с красноармейцами, и повстанцы вынуждены были бежать вниз по Оби. Алексей Клепиков скрывался недолгое время на р. Лямин, потом решил выйти и сдаться, но, узнав о расстрелах без суда и следствия, вернулся в тайгу. Перезимовав в лесной избушке вместе с учителем А.И. Кондаковым и понимая бессмысленность продолжения такого существования, оба летом 1922 г. вышли из лесу и сдались властям.

Следствию никак не удавалось обнаружить доказательства серьезной вины А.Г. Клепикова: в расстрелах он не участвовал, важных распоряжений не отдавал. К тому же свидетели на допросах давали ему положительные характеристики. Так, А.И. Кондаков 23 января 1923 г. говорил, что «Клепиков агитацию против Советвласти не вел и вообще против Советвласти ничего не имел, но был трудящимся работником для Советвласти» (9). Лесной кондуктор П.С. Мансуров, занимавший весной 1917 г. должность сургутского уездного комиссара (А.Г. Клепиков в это время был председателем уездного исполкома), аттестовал своего бывшего коллегу так: «... работал как прежде в пользу Советвласти, так и теперь, вообще он, Клепиков, заслуживает внимания с хорошей стороны как трудящийся человек и любящий труд и исполнитель возложенных на него обязанностей» (10). О том, насколько нуждались в Клепикове как работнике, говорит такой поразительный факт: его (подследственного!) председатель уездного исполкома Н.П. Зырянов принял на работу в исполком, и, как показывал 26 января 1923 г. свидетель П.И. Трофимов, учитель и кандидат в члены ВКП(б), воевавший на противоположной стороне (11), Клепиков «все силы и уменье

вкладывает в сложную кропотливую работу отчетностей, составления смет и т.д.» (12).

Есть в следственном деле А.Г. Клепикова и не менее красноречивая секретная записка уездного военкома к народному следователю по Сургутскому уезду Швензову. В ней сообщалось, что «гражданину Клепикову вскоре по возвращению его из бегов было с его личного согласия поручено произвести товарообменную операцию для Губвоенпомгола, которая и была произведена им в непродолжительный срок блестяще. Не зная его политических убеждений, Уездвоенкомат может дать о нем лучшую аттестацию как о коммерсante, могущем быть использованным с большой пользой и выгодой в условиях севера для государства» (13).

В результате следователь решил, что меру пресечения для Клепикова можно изменить, и освободил его из-под ареста под подписку о невыезде и поручительства жены Ольги Андреевны и зятя Силина Александра Андреевича.

Но были и свидетельства противоположного свойства. Бывший уполномоченный Томского губисполкома и губкома по ликвидации «контрреволюционных банд» И.М. Видягин 17 августа 1923 г. писал уполномоченному ГПУ по Сургутскому уезду, что «не раз сталкивался и преодолевал сопротивление отрядов, проникавших в наш тыл под руководством Лепецкого и Клепикова», и находил целый ряд объявлений и воззваний за подписью Клепикова. С разоблачением Клепикова выступил и работавший в органах советской власти в Сургуте П.Е. Башмаков в своем письме в газету «Правда». Кроме того, в ходе следствия обнаружилось секретное постановление за подписью председателя уездного ревкома Хорохорина и членов ревкома Томингаса и Башмакова о розыске и расстреле Клепикова (не зря он опасался расправы) на том основании, что он распространял среди населения ложные провокационные слухи, собирал остяков для нанесения ущерба советской власти, и по подозрению, что он причастен к повреждению телеграфной связи в районе д. Солкиной утром 23 февраля (14).

22 ноября 1923 г. тюменская газета «Трудовой набат» опубликовала заметку «Бандитский вождь на свободе», в которой вполне отчетливо проявился нарождающийся тип активиста-доносителя. Анонимный автор называл Клепикова «организатором восстания в Сургутском уезде», возмущался тем, что этот «ярый враг пролетарского строя» находится на службе в уездном финотделе, и требовал: «Прокуратура, вытяни бандита за ушко да на солнышко».

Под тем предлогом, что будто бы Алексей Клепиков готовится к побегу, его снова заключили под стражу. 21–23 февраля выездная сессия Тюменского губернского суда рассмотрела в Сургуте дело А.Г. Клепикова.

Подсудимый активно и умно защищался и признал себя виновным только в том, что служил в штабе повстанцев адъютантом. Суд приговорил Клепикова к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, и он был отправлен в Тобольский изолятор специального назначения. А 28 декабря 1925 г. Президиум ВЦИК постановил остающийся срок лишения свободы считать условным и Клепикова из-под стражи освободить.

В Сургутском городском архиве есть документ, приходящий в противоречие с этим постановлением Президиума ВЦИК. Согласно ему Алексей Клепиков еще осенью 1925 г. хлопотал о патенте на разъездную торговлю табачными изделиями по р. Аган и 7 октября получил его и вернулся к своему потомственному занятию. Однако эта относительно «вольная» жизнь продолжалась лишь короткое время и финал типичен: раскулачивание, лишение избирательных прав, ссылка. 10 февраля 1933 г. Сургутский сельский совет на запрос райисполкома отвечал, что братья Александр и Алексей Клепиковы, а также члены их семей в Сургуте не проживают.

Был ли А.Г. Клепиков убежденным врагом советской власти, умным и расчетливым, или эта власть потеряла в его лице ценного помощника — этот вопрос остается открытым. Но ясно, что Сургут потерял незаурядного человека, способностям которого не дано было в полной мере раскрыться.

Колесников Иван Семенович

Столяр. С 1905 по 1916 гг. — преподаватель ремесленного отделения Березовского городского трехклассного училища, с 1 января 1914 г. преобразованного в высшее начальное училище (ремесленное отделение было переименовано в профессиональный класс). До этого жил в Тобольске, имел свою мастерскую, с 1904 г. преподавал в Тобольской сельскохозяйственной школе (15) и был хорошо знаком с ее организатором — губернским агрономом и консерватором музея Н.Л. Скалозубовым. Сохранился текст договора между Скалозубовым и Колесниковым об изготовлении последним витрины для музея к концу августа 1902 г. (16).

Высоко ценил талант и мастерство Ивана Семеновича смотритель Березовского училища Федор Филиппович Ларионов, служивший в Березове с 1897 по 1903 и с 1906 по 1914 гг. В своей книге «Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири» (Шадринск, 1993) многие строки он посвятил Колесникову, активно участвовавшему во всех общественных делах городского училища — в частности, в подготовке и постановке любительских спектаклей. «Кстати о сцене, — писал Ларионов. — К ее устройству и снабжению декорациями и занавесом был привлечен мастер ремесленного отделения Иван

Семенович, который оказался очень изобретательным и даже талантливым человеком, способным выполнять всевозможные работы...».

Когда при Березовском городском училище усилиями местной интеллигенции была открыта Пушкинская библиотека, Колесников сделал для нее добротные шкафы; старейшие библиотекари Березова помнят их, так как они впоследствии перешли в собственность районной библиотеки.

Многие страницы воспоминаний Ф.Ф. Ларионова посвящены охоте, на которой постоянным его спутником был опять же И.С. Колесников. Это увлечение Ивана Семеновича оказалось полезным и для училища: он делал чучела птиц, служившие наглядными пособиями. В «Сибирском листке» в 1910 г. (№23) промелькнуло сообщение о том, что Колесников предлагал послать на первую Западно-Сибирскую сельскохозяйственную, лесную и торгово-промышленную выставку, проходившую в 1911 г. в Омске, изготовленные им чучела птиц разных видов весенней и осенней окраски, всего около 20 экземпляров, и коллекцию яиц.

По-видимому, страсть к охоте и путешествиям послужила одной из причин ухода Колесникова с преподавательской работы. 18 декабря 1916 г. «Сибирский листок» писал: «Вчера прибыла на четырех нартах много шумевшая и по идее действительно имеющая громадное значение для Сибири экспедиция г. Эльпорта в лице самого г. Эльпорта и его служащего, бывшего учителя ремесел Березовского высшего начального училища г. Колесникова, и 10-го выезжают в Хэ, откуда уже пойдут на Ямал с чумом и оленями до 200 штук, где предполагают сделать съемку пути соединения каналом р. Юрибея с Обским бассейном, а также зафиксировать на фильме кинематографа жизнь самоедов и явления природы». Мастер на все руки, Иван Семенович, конечно, прекрасно соответствовал целям экспедиции. К сожалению, ее результаты и какие-либо подробности нам неизвестны.

Весной 1921 г. И.С. Колесников вместе с другими авторитетными и влиятельными гражданами Березовского уезда, не разделявшими революционного устремления «отнять и разделить», был взят заложником и расстрелян. После его смерти принадлежавший ему смолокурный завод в Игриме был передан предприятию «Экономия» (17).

У Колесниковых было четверо сыновей: Георгий, Петр, Павел и Михаил. В начале 1950 г. Ф.Ф. Ларионов, писавший в то время «Семейную хронику», просил своего ученика В.И. Таскаева, жившего в Березове: «... дайте нам кое-какие сведения о двух наиболее близких нам семьях покойного В.П. Поленова и И.С. Колесникова...». В ответ он получил краткую справку о сыновьях Ивана Семеновича.

Судя по имеющимся отрывочным сведениям, очень интересной личностью был Георгий Иванович Колесников, старший из братьев.

Он окончил школу второй ступени — по-видимому, в Березове, а в 1927 г. — учительские курсы в Томске. Георгий Иванович работал в Мулигортской туземной школе вслед за ее основателем И.П. Николаевым, об интересном опыте которого по распространению грамотности среди ханты писал в 1925 г. тобольский журнал «Наш край» (18). Продолжая опыт Николаева, Колесников вел в школе столярно-поделочный кружок, создал промысловую артель школьников, изучил хантыйский язык (19). Под его влиянием туземец Захар Никифорович Посохов занялся изучением быта и экономики ханты (20). Его корреспонденции о школьной жизни печатались в журнале «Просвещение на Урале». В 1929 г., будучи уже учителем Полноватской школы-интерната, Георгий Иванович имел от Уральского областного бюро краеведения поручение провести комплексное обследование Казымского туземного района. В 1931–1932 гг. он — инспектор Березовского районо и туземных курсов в Березове (21).

Кондаков Андрей Иванович (1888–1937)

Родился в Сургуте в семье отставного казачьего урядника. В 1907 г. окончил педагогические курсы при Тобольском четырехклассном городском училище и был назначен на службу в одну из сельских школ Курганского уезда, но не поехал на место назначения, а просил дать ему учительское место поближе к родным местам. Тобольский училищный совет уважил просьбу Кондакова и в декабре этого же года направил его в Кушниковское сельское училище Сургутского уезда.

Отслужив здесь несколько лет, Андрей Иванович продолжил образование — поступил в Томский учительский институт на казенную стипендию. В 1916 г. он окончил институт, год преподавал в Ишимском высшем начальном училище, но родина опять тянула его к себе, и он был, согласно прошению, переведен на должность учителя Сургутского смешанного высшего начального училища с 1 сентября 1917 г.

Революционные события не позволили Андрею Ивановичу с головой уйти в мирную педагогическую работу. С приходом к власти Колчака он был вовлечен в различные действия новой власти: летом 1918 г. представлял Сургутский земельный комитет на организационном заседании губернского земельного комитета в Тобольске, а в конце лета этого же года был назначен председателем Сургутской следственной комиссии. В начале октября он доложил об окончании следствия, сдал следственные дела, и приказом губернского комиссара комиссия была распущена.

После восстановления советской власти Кондаков с 15 марта 1920 г. заведовал Сургутским высшим начальным училищем, в этом же месяце был назначен заведующим отделом народного образования и вскоре аре-

стован местной ЧК. Сохранилось ходатайство экстренного заседания коллегии отдела наробраза в составе бывшего заведующего отделом Г. Попова, заведующего подотделом П. Кучкова и заведующей секцией М. Тарасовой от 24 марта 1920 г., на следующий день после ареста Кондакова, об его освобождении. Коллеги мотивировали свое ходатайство тем, что среди них Андрей Иванович — наиболее опытный педагог, к тому же хорошо знающий финансовое дело и, следовательно, наиболее полезный для организации народного образования в уезде. Ходатайство было удовлетворено, 1 апреля Кондаков уже снова заведовал отделом.

В 1920–1921 учебном году, перед началом восстания, Андрей Иванович, как видно из архивного дела в Тюменском управлении ФСБ, заведовал в Сургуте школой второй ступени и одновременно выполнял обязанности счетовода в уездном отделе народного образования. Незадолго до прибытия в город повстанцев он был взят в заложники. После отступления красных из Сургута всем освобожденным заложникам было предложено либо вступить в отряд и преследовать отступивших, либо войти во вновь формируемые органы местной власти. Кондаков не хотел ни того, ни другого, но, несмотря на это, горожане избрали его председателем комитета общественной безопасности. Всей полнотой власти в Сургуте в те дни обладал военный штаб, руководимый Преображенским, комитет же выполнял по его поручениям хозяйственную работу, а вскоре был распущен. Вместо него сургутяне избрали крестьянский совет, и в него опять вошел А.И. Кондаков.

В мае 1921 г., в день прихода парохода красных, Кондаков бежал на лодке вместе с другими повстанцами и скрывался на р. Лямин. В августе хотел выйти, но А.Г. Клепиков (см. о нем выше), встретившийся у д. Сытомино, предостерег: может последовать расправа без суда, свершившаяся уже над многими. Вместе ушли на Северную гору, где срубили избушку и перезимовали. Летом 1922 г. сдались новой власти.

В самом начале следствия выяснилось, насколько высок авторитет А.И. Кондакова среди сургутян. В местное отделение Государственного Политического Управления поступило заявление, скрепленное более чем 90 подписями, в котором сограждане просили освободить Андрея Ивановича из-под ареста до суда под их поручительство, мотивируя просьбу тем, что руководство борьбой против коммунизма от Кондакова не зависело и никакой противосоветской агитации с его стороны не замечалось. Для большей убедительности они даже писали, что знают Андрея Ивановича как человека «не способного по слабыхарактерности к политической деятельности».

Одновременно в ГПУ обратился с запиской и бывший коллега Кондакова новый заведующий УОНО П.И. Трофимов. Он просил разрешения взять Кондакова на поруки, так как отдел народного образо-

вания очень нуждается в его помощи. Просьба была удовлетворена. Трофимов сам приходил в арестный дом за Кондаковым, уводил его на работу, которая продолжалась с 9 часов утра до трех дня, после чего приводил обратно.

По окончании работы в ГПУ поступил любопытный документ под названием «Одобрение» за подписью Трофимова и еще одного учителя-коммуниста Г. Попова. Начав с констатации чрезвычайной запущенности всей документации отдела в связи с восстанием, и прежде всего финансовой, авторы далее писали о ценности работы, выполненной А.И. Кондаковым: «С 1 января 22 г. включительно по ноябрь с/г была составлена полная законная отчетность. Вышеприведенный штрих работы заставил обратиться учреждению к данному лицу как финансисту. При том упоминаем, что Кондаков вынес весь финансовый аппарат на своих плечах со дня его организации 1919 года, при этом работая и школьным работником школы II ступени до восстания, когда и был взят заложником, своей работой дал широкую возможность вздохнуть свободней данному учреждению в своей работе. Просим С. Г. П. У. эти строки благодарности включить к следственному материалу Кондакова Андрея Ивановича» (22).

Сургутяне явно не хотели поддерживать обвинительную линию следствия по делу А.И. Кондакова. Допрошенные в качестве свидетелей Н.В. Пуганов (Пугно), П.А. Кузнецов, С.В. Ключарев, Е.И. Трофимова, Г.М. Шестаков не дали сколько-нибудь существенных фактов, подтверждающих его вину. Более того, П.А. Кузнецов утверждал, что Кондаков как председатель городской управы отказывался выполнять распоряжения военного штаба о вывозе из города муки отступавшими повстанцами.

Нашелся, однако, ряд документов, подписанных Кондаковым и обличающих его как участника и одного из руководителей «бандитского» восстания. Ему было предъявлено обвинение, и 25–26 февраля 1924 г. в Сургуте состоялось выездное заседание Тюменского губернского суда, рассмотревшее его дело.

Приводившийся выше защитительный аргумент — «слабохарактерность» Кондакова — использовался и в ходе судебного процесса. Свидетель Трофимов говорил: «Относительно же до повстанческого периода времени в отношении Кондакова я могу указать на его полное безволие и подпадение благодаря этому под влияние других лиц». Но здесь же совершенно противоположное говорил свидетель Николай Николаевич Кайдалов: «Когда обсуждались вопросы по расстрелу коммунистов, обвиняемый Кондаков всегда отстаивал их и многих из них он отстоял. Однажды начальник отряда даже спросил, что это за студент, мягок он больно, видно, тоже недалек от коммунизма» (23).

По поведению А.И. Кондакова во время судебного заседания, как это видно по протоколу, он вовсе не был человеком робкого десятка, защищался уверенно, с достоинством. Активен был и его защитник Знаменский.

Суд приговорил А.И. Кондакова к расстрелу, но на основании п. 9 акта об амнистии по случаю 5-й годовщины Октябрьской революции расстрел был заменен лишением свободы на 10 лет со строгой изоляцией. В сентябре 1925 г. Президиум ВЦИК сократил срок заключения до 5 лет. В ноябре 1927 г. Андрей Иванович работал в Тобольске бухгалтером местного отделения «Уралмедторга». 29 июля 1937 г. он, будучи уже главным бухгалтером Тобольской окртрудсберкассы, арестован по сфабрикованному обвинению и 15 сентября расстрелян в Тобольске. Впоследствии реабилитирован.

Липецкий Алексей Ефимович (1881 — после 1932)

Липецкие появились в Сургутском крае в середине XIX в. По указу Тобольской казенной палаты от 30 июня 1854 г. поселенец Липецкий Нестер Сидорович был причислен к сургутскому крестьянскому обществу (24). С женой Стефанидой Захаровной и сыновьями Ефимом и Алексеем он обосновался в с. Локосовском. Здесь семейство стало расширяться: у Ефима родились сыновья Николай, Алексей, Василий, дочери Пелагея, Агриппина и Анастасия (25). Через женитьбы Николая и Василия Липецкие породнились с сургутскими старожилками Кушниковыми, а Алексей в начале 1907 г. женился на дочери умершего сургутского мещанина Петра Васильевича Трофимова Анне (26). Из Локосова семья Ефима Нестеровича перебралась в выселок Ватинский и здесь крепко стала на ноги благодаря своей сплоченности и отсутствию недостатка рабочих рук.

В 1921 г. Липецкие решительно приняли сторону повстанцев. Особенно активен был Алексей Ефимович, командовавший отрядом, совершавший дерзкие разведывательные рейды в тыл противника. Хорошее отношение с местными ханты, превосходное знание местности и незаурядные личные качества позволили ему после подавления восстания многие годы прожить в тайге и оставаться неуловимым. Со временем по Сургутскому району стали ходить легенды об удивительной жизнеспособности Липецкого, его ловкости и находчивости, благодаря которым он неизменно ускользал от преследователей. Записанные Е. Айпиным, они публикуются в нашем сборнике.

Автору этих строк тоже приходилось слышать передававшиеся из уст в уста рассказы о Липецком. Например, уроженец Локосова В.В. Кузнецов так передавал не однажды слышанное от старших односельчан:

«Стреляли в него. Вышел — вся одежда в клочьях, а сам цел. Как заговоренный. В упор почти стреляли.

На лодке из Локосово в Покур едут или на Вату — его ловить. А он на корме сидит, везет милиционеров, которые его ловят. Хант и хант.

Милиция стала брать проводников не из ханты, а из местных русских. Поняли, что ханты не продадут. Ехали в районе Мысовой, весной. Дядя Миша говорит: «Вон скрадок, гусятник сидит — я сбегаю, пару гусей возьму, сварим». Забежал в скрадок, увидел — Липецкий, и язык отнялся. Бегом обратно. Нет, говорит, ни одного гуся.

Жил у ханты. Носил их одежду. Свободно объяснялся похантыйски. Видно было, что он среди них старший: в лодке сидел только на корме, но не в гребях. Он раньше с ними торговлю вел — по старой памяти еще подчинялись. Ханты верили ему. Видимо, он их не обманывал».

После подавления восстания между Покурским сельсоветом, к которому относилась деревня Вата, и Липецкими шла в 20-е и 30-е годы незатихающая вражда. В 1932 г., когда местная власть и деревенская общественность решали, кого записывать в кулаки и какие дать твердые, т.е. обязательные к исполнению задания, все Липецкие получили весьма эмоциональные характеристики. Вот что писал о брате Алексея Липецкого Василии коммунист и бывший красный партизан Г.Н. Кошкарев: «Липецкий сын торговца прасола, и сам Липецкий с прежних лет занимался торговлей до 1917 г., а также держал песок из части на реке Оби 320 саж. с 1920 г. по 1923 г., а также с прежних лет имел батраков до 1918 г. и держал сезонных рабочих по 5—6 человек во время сенокоса. Брат Липецкого Василья был ярым участником восстания 1921 г., где много таковой делал расстрелов партийцев и красноармейских семей. Племянник Липецкого Василья Липецкий Иван Николаевич в 1921 г. был ярим бандитом, участвовал в расстрелах коммунистов» (27).

Тот же Кошкарев так характеризовал сына А.Е. Липецкого Александра: «В 1930 г. Липецкий А.А. умышленно разорил свое хозяйство, скот и постройки и переехал в дер. Смольную Томского округа и ведет бешеную агитацию против выполнения политико-хозяйственной кампании» (28).

Не стоит принимать за бесспорную истину утверждения об участии в расстрелах — они бездоказательны. При этом примечательно то, что в своем праве на убийство эта сторона как будто несколько не сомневалась. Буквально на следующем листе архивного дела сообщается, что муж сестры Алексея Липецкого Анастасии Александр Яковлевич Клепиков «был добровольцем в банде в отряде Липецкого, во

время подавления восстания был пойман». О том, что не только пойман, но и убит, умалчивается, отмечено лишь, что Анастасия Клепикова — вдова.

12 марта 1932 г. общее собрание бедноты д. Вата обсудило и утвердило характеристики на кулаков. Вот какова в представлении земляков Евдокия Липецкая:

«Липецкая Евдокия действительно есть самая закоренелая и заядлая кулачка. До 1917 г. Липецкая занималась торговлей и оборот имела очень большой, и занималась эксплуатацией батраков и бедняков, имела свой стрежевой невод, на котором работали батраки, бедняки, от которого Липецкая получала большие барыши. И также с 1917 по 1925 год все время занималась торговлей и эксплуатацией чужого труда. Имела несколько голов скота и обирала бедноту, туземцев за вино брали рыбу пушнину уплачивая какую-то долю и издевалась над беднотой, даже не давали ходить мимо своей усадьбы так что со стороны Липецкой было полное издевательство. Липецкие были первые в банде и выявляли красноармейцев и расстреливали и вели большую агитацию и зажимали бедноту и заставляли давать отпор советской власти. Говорила, что если советская власть будет мы все сдохнем с голоду. А также и в настоящее время выставляет кулатские выходки и во всех мероприятиях тормозит и держит до сего время связь с бандитом Липецким Алексеем, который до сего времени скрывается. Липецкая при советской власти разбазаривала свое хозяйство, осталась 1 лошадь и 1 жеребенок, 1 корова остальное все растранижено из чего и можно заключить, что Липецкая заядлая кулачка и вредительница власти и закоренелая бандитка которую надо давно стереть с лица земли» (29).

Столь же живописны характеристики, данные другим Липецким. Их творцы, сами того не ведая, создали автопортрет той силы, которая была разбужена и призвана революцией для преобразования общества.

Равский Петр Феликсович (1885–1921)

Родился в г. Березове в семье купца второй гильдии Феликса Осиповича Равского (ок. 1848–1903), происходившего из дворян Гродненской губернии. Шестнадцатилетним юношей Феликс Равский был «за бытность в шайке мятежников проводником... лишен всех... ему присвоенных прав и преимуществ и сослан на житье в Тобольскую губернию» (30). Поселившись в Березове, Равский начал торговать хлебом и другими товарами. Имел кабак в с. Шеркальском. В 80-е и 90-е гг. XIX в. был членом Березовского отделения попечительного о тюрьмах комитета и добровольным директором этого отделения.

Феликс Осипович не был чужд общественной деятельности и поддерживал некоторые важные начинания. В частности, он стал одним из

учредителей Тобольского губернского музея, так мотивировав свое решение в письме к губернатору В.А. Тройницкому: «Сочувствую начинанию и развитию Тобольского Музея, при сем имею честь препроводить посильную лепту на нужды его 50 руб.» (31). Впоследствии Равский был действительным членом музея. Он также состоял в обществе вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии и поддерживал его своими взносами.

За Ф.О. Равским числится и такое важное благодеяние для Березова, как строительство здания местной больницы, о нем сообщил в 1891 г. «Сибирский листок». Годом позднее тобольский купец А.А. Сыромятников заметил в путевом дневнике: «В Березове есть больница для различных больных, устроенная стараниями Равского. С виду больница прилична, есть небольшой садик...» (32).

Можно было услышать от березовцев доброе слово о Равском и как о купце. «Цены на все страшные, — писал северный корреспондент «Сибирского листка», — и только благодаря конкуренции Ф[еликса] Р[авского] можно еще кое-что купить посходнее, т.е. не отдавая за 2 к. 20 к., как это принято за норму в доморощенных березовских магазинах П. и Ц., где за всякую дребедень берут самую дикую цену...» (33).

У Феликса Осиповича и его жены Александры Викторовны было четверо детей: сыновья Петр и Валентин и дочери Калисофения и Юлия. Петр окончил в 1906 г. Тобольскую гимназию и поступил в Петербургский (по другим данным, в Томский) университет. Когда вслед за отцом умерла и мать, ему пришлось оставить учебу и вернуться в Березов, чтобы продолжить дело родителей и дать возможность сестрам завершить образование (обе стали учительницами). Некоторое время (1914–1916 гг.) Петр Феликсович одновременно торговал и преподавал в местном училище, но затем учительское поприще оставил, несмотря на то, что имел хорошую аттестацию от начальства.

В мае 1917 г. началась политическая деятельность Петра Равского: его избрали членом Березовского исполнительного комитета и комитета общественной безопасности (34) и в июле этого же года — городским головой (35). В декабре 1917 г. Равский участвовал в избрании на проходившем в Березове съезде трех гласных (депутатов) в губернское земское собрание. Осенью 1918 г. заместитель тобольского губернского комиссара назначил его своим приказом членом Березовской следственной комиссии, которая должна была оценить деятельность свергнутой большевистской власти (36). Все годы революции и Гражданской войны, за вычетом времени, когда Березовским уездом управляла советская власть, П.Ф. Равский был одним из руководителей города, за что и поплатился весной 1921 г., разделив судьбу остальных расстрелянных заложников.

После смерти Равского тобольская газета «Голос Народной Армии» поместила некролог, автор которого, подписавшийся псевдонимом «Северянин», назвал его «одним из виднейших общественных деятелей» и «редким по своим качествам человеком». «Добрый, с открытой широкой русской душой, — говорится в некрологе, — он шел навстречу всему, что могло возвышать и украшать жизнь человека. П.Ф. был прекрасный лектор и музыкант. <...> Не было такого дела, в которое бы он не вложил свою душу, на которое бы он не пролил света своих знаний, и город Березов не забудет его заслуг и в своей истории отведет покойному почетную страницу» (37).

Пророчество это не сбылось. 2 октября 1922 г. президиум Березовского уисполкома постановил: «По акту № 4 расстрелянного Равского имущество конфисковать, за исключением амбара, принадлежащего брату Валентину, комода, гардероба и стола, принадлежащего сестре его Юлии. Рояль передать в распоряжение наробраза» (38).

В третьем томе книги «Память» по Тюменской области есть запись о гибели в бою 14 ноября 1942 г. лейтенанта Равского Владимира Петровича, родившегося в Березове в 1918 г., — единственного сына П.Ф. Равского.

Реут Дмитрий Павлович (1884–1937)

Родился в Уфе в семье сапожника. В ремесленном училище выучился на слесаря, работал в железнодорожной мастерской, где был вовлечен в революционный кружок. С 1902 г. состоял в партии эсеров, хранил и распространял нелегальную литературу. В 1905 г. за участие в вооруженном выступлении арестован и выслан на север Тобольской губернии в с. Кондинское (теперь — поселок Октябрьское). В 1906 г. совершил побег и, перейдя на нелегальное положение, работал в Тюмени слесарем на заводе Машарова и в частных мастерских, продолжал партийную деятельность. В 1908 г. арестован и водворен на прежнее место ссылки.

Снова оказавшись на севере, Реут вызвал к себе престарелого отца, занялся хозяйством. В 1912 г. женился на дочери крестьянина с. Шеркальского Валентине Наумовне Слободсковой и в 1914 г. построил большой дом в 70 квадратных метров, а в следующем году был мобилизован в армию и служил рядовым в стрелковом полку в Тюмени. Активно участвовал в революционных событиях 1917 г., а в 1918-м демобилизовался и уехал в Кондинское, где занялся охотой и пушным промыслом.

В Кондинском Реут включился в работу кооперативных организаций — Центросоюза, Северосоюза, занимал должности уполномоченного и заведующего райконторой.

В 1921 г. он поддержал повстанцев, направив в Тобольский крестьянско-городской совет телеграмму следующего содержания:

«Волостной Кондинский съезд представителей советов шлет горячий привет Народной Армии, всем представителям народа, защитникам народной воли. Долой навсегда угнетателей народа — коммунистов! Да здравствует народовластие! Председатель съезда Реут» (39).

В 1924 г. от кооперативной работы Реут был отстранен ввиду того, что не разделял генеральной линии. Руководитель Тобольского Обь-Иртышского союза кооперативов (Северосоюза) Я.И. Кошелев писал в своем заявлении в июне 1924 г.: «Вычищенные с помощью окружкома за время моего руководства «спецы-кооператоры» Реут, Герватовский, Ивановский, Кропотин, Копотилов и др., думаю, достаточно известны бюро, чтобы их чистку не ставить мне в личное» (40).

В 1925 г. Д.П. Реут вынужден был поступить на Кондинскую радиостанцию и возвратиться к профессии слесаря, но и в этом новом своем положении, когда, казалось бы, руки были связаны, Дмитрий Павлович сумел найти себе поприще для общественной деятельности — возглавил краеведческий кружок, ставший вскоре одной из наиболее активных низовых организаций Общества изучения края при музее Тобольского Севера. Кондинскими краеведами были заполнены и посланы в Тобольский музей и в Ленинградский гидрометеорологический институт анкеты о половодье 1925 г. В декабре 1927 г. Реут сделал на собрании кружка сообщение о местных заповедниках, известных как священные места инородцев, и их значении для сохранения таких ценных животных, как бобр. В планах кружка было приведение в порядок архива Кондинского монастыря, изучение истории местной политической ссылки конца XIX в., проведение археологических раскопок в юртах Кормужиханских и Низямских (41). В 1928–1929 гг. Реут состоял членом-корреспондентом Общества изучения края при музее Тобольского Севера (42).

В марте 1930 г. Д.П. Реут был снят с работы на радиостанции, лишен избирательных прав и затем выслан в Обдорск. Он настойчиво обращался в разные инстанции, доказывая необоснованность ограничения его прав. Березовская районная избирательная комиссия отказала ему в восстановлении избирательных прав на том основании, что он «семь лет с 1910 г. занимался торговлей, кроме этого, систематически занимался и занимается применением в хозяйстве наемного труда в таких размерах, которые расширяют его хозяйство за пределы трудового» (43). Тогда Реут направил ходатайства в Тобольскую окружную и Уральскую областную избирательные комиссии, Свердловское отделение общества политкаторжан, Президиум ВЦИК, а также обратился с просьбами дать отзывы о нем для представления в окрисполком к

некоторым знавшим его и авторитетным в то время лицам. В государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО) хранятся два таких отзыва.

Директор Тобольской рыбохозяйственной станции П.И. Лопарев писал, что знает Реута почти с самого момента прибытия его в ссылку. В первые же годы он прославился по всему среднему течению Оби своим искусством запарить речки. Он впервые применил запорный лов в горных речках и доказал его высокую производительность. «При этом мне достоверно известно, — писал Лопарев, — что при производстве запорного лова с его, Реута, стороны отсутствовали какие бы то ни было элементы эксплуатации, улов делился между участниками запора и за руководство и материалы Реут ничего не получал».

«По 1921 г., — свидетельствовал далее П.И. Лопарев, — будучи командиром Северного эксп[едиционного] добровольческого отряда по подавлению бандитского восстания на Тобольском Севере и имея мандат на право расстрелов без суда и следствия, я был принужден проанализировать поведение Реута за время восстания в связи с предъявленным ему обвинением в подписи приветственной телеграммы штабу бандитов в Самарово, причем установил ложность этого обвинения и вообще не нашел каких-либо поводов в применении к нему репрессий. <...> В 1930 г. он работал в моей экспедиции по обследованию второстепенных водоемов и представил хорошую работу по сорамам Аксарковского района и р. Куновату».

Заканчивая свой отзыв, Лопарев высказал мнение, что раскулачивание Реута и лишение его избирательных прав — результат личных счетов к нему бывших ответственных работников, ныне «вычищенных» из партии, а масса бедняков и середняков Кондинска и прилегающих деревень всегда относилась к нему хорошо» (44).

Известный в Октябрьском районе деятель тех лет Шило, знавший Реута по совместной работе, также дал благоприятный отзыв о нем, как «очень полезном работнике» радиостанции, активном члене профсоюза, члене правления Кондинского сельхозтоварищества, благодаря энергичным усилиям которого товарищество стало авторитетным в глазах населения, деятельном председателе кружка по изучению местного края. Особо Шило подчеркивал авторитет Реута среди местного населения: «К ему туземцы заезжали со всех концов как в свой дом, находя здесь хороший прием. Не видел ни одного случая, чтобы туземцы пили чай или обедали отдельно, всегда это происходило совместно за одним столом. Это все происходило на моих глазах, живя на квартире у Реута. К туземцам было самое добродушное отношение. Среди жителей Кондинска бедняков и середняков тоже плохого мнения о Реуте не слышал, за исключением отдельных личностей, стоявших в

то время у власти, сейчас же потерявших всякий авторитет и снятых с работы» (45).

В 1932 г. Д.П. Реут был восстановлен в избирательных правах.

О последнем отрезке его жизни почти ничего не известно, кроме того, что в 1937 г. он жил в Тобольске и работал мастером мехцеха судовой верфи Обьгосрыбтреста. 18 февраля Д.П. Реут был арестован по сфабрикованному делу, во время следствия стойко защищался, ни в чем себя виновным не признал, но спастись не смог. 12 августа был расстрелян в Омске. Реабилитирован 16 января 1989 г. (46).

В. Белобородов

Примечания

1. Тоб. губ. ведомости. 1910. 8 июня. Школьный отдел. № 12.
2. *Набокова Л.* Как создавалась муниципальная собственность // *Жизнь Югры.* 1997. 23 апр.
3. *Скалозубов Н.Л.* Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX веков. Екатеринбург, 1998. С. 389.
4. ГА ХМАО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.
5. Сургутский городской архив. Ф. 158. Оп. 1. Д. 47. Л. 22.
6. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 25. Лл. 6, 8.
7. Там же. Л. 16.
8. Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 5. Л. 14.
9. Архив ФСБ по Тюменской области. Д. 5686.
10. Там же.
11. В 1937 г. П.И. Трофимов был незаконно репрессирован.
12. Архив ФСБ по Тюменской области. Д. 5686.
13. Там же.
14. Там же.
15. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12.
16. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 28. Л. 32.
17. *Жизнь Югры.* 1996. 1 июля.
18. *Протопопов.* Яркий проблеск: Очерк из жизни остяцкой школы в поселке Мулигорт // *Наш край.* 1925. № 6 (10). С. 28–33.
19. *Кусенко Г.* Школа в туземной среде Севера // *Просвещение на Урале.* Свердловск, 1928. № 5.
20. *Туземец просыпается* // *Просвещение на Урале.* 1928. № 10.
21. ГА ХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 20. Л. 74.
22. Архив ФСБ по Тюменской области. Д. 8758.
23. Там же.
24. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 996. Л. 49 об.
25. Метрические книги в Ваховской Богоявленской церкви.
26. Метрическая книга Сургутской Троицкой церкви.
27. Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2. Л. 48.
28. Там же. Л. 49.
29. Там же. Л. 22.

30. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 531. Оп.1. Д. 6.
31. ТГИАМЗ. Научный архив. Д. 894. Л. 3.
32. Поездка на Северный Урал летом 1892 года. М., 1895. С. 33.
33. Письма из Березова // Сиб. листок. 1891. 24 октября.
34. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 722. Оп. 1. Д. 41.
35. Там же. Д. 51.
36. Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. 1 окт. (18 сент.).
37. Голос Народной Армии. 1921. 27 марта.
38. ГА ХМАО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.
39. Голос Народной Армии. 1921. 1 апр.
40. Тюменский областной центр документации новейшей истории. Ф. 30. Оп. 1. Д. 74. Л. 144.
41. *Белобородов В.К., Пуртова Т.В.* Ученые и краеведы Югры: Биобиблиографический словарь. Тюмень, 1997. С. 243–244.
42. ТГИАМЗ. Научный архив. Д. 1025. Л. 1.
43. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 57.
44. ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3. Лл. 133–135.
45. Там же. Лл. 136–137.
46. Книга расстрелянных. Том 2. Тюмень, 1999. С. 345.

Божье послание

На рассвете я вышел во двор. И на чистом снегу увидел бумагу. Ночью выпала пороша — на нем ни следочка, ни царапинки. Кругом тишина. Деревня еще не встала... Постоял над бумагой. Думаю: откуда взялась? Кто принес? Не с неба же, подумал, свалилась?.. Ну, постоял такими думами, потом поднял бумагу, развернул ее. Там что-то написано. А что — читать не умею. Думаю, пойду, жене и дочке покажу. Не случайно же бумага попала в мой двор.

С бумагой в руках вернулся в дом.

— Вот, — говорю, — жена, бумагу во дворе нашел. Прочти, что там написано. Что это за бумага?

Жена прочитала бумагу и заплакала.

Дочь прочитала бумагу — и тоже заплакала.

Обе плачут. Я стою, молчу. Потом говорю им:

— Скажите, какую весть эта бумага принесла? Скажите, как бы тяжела ни была эта весть...

Жена сквозь слезы говорит:

— Верховный Бог тебе послание послал, чтобы ты на войну пошел...

И дочка сквозь слезы подтверждает:

— Да, это Божье послание, чтобы ты на войну пошел...

И все плачут.

Я говорю им:

— Жenuшка моя, не плачь!.. Доченька моя, не плачь!.. Что Бог задумал — того не миновать...

Все плачут, никак не уймутся.

Говорю им:

— Не плачьте. Может, все обойдется. Пока живется — надо жить...

Жена с дочкой вроде бы немного успокоились, выплакали свои слезы.

Я забрал у них Божье послание.

Весть о войне уже давно прошла по всей Оби. Но до нашей деревни война еще не добралась. Я жил, как все люди. Была зима. И я занимался зимними делами. В тайгу ходил на охоту. На озера и реки ездил на рыбалку.

Неторопливо шло время. Нарождались и умирали небесные луны. Разные слухи о войне приходили и уходили. Война по Иртышу спусти-

лась до Оби, двинулась по ней вниз, а потом повернула вверх по реке. Война незваной гостьей заходила во многие селения, заглядывала во многие большие и малые притоки. В нашу сторону шла война. И я однажды почувствовал, что хочу идти на войну. Желание такое родилось. Во мне какой-то зуд появился — на войну, на войну.

Ну, живу. Что тут делать? Не бежать же мне из дому, искать войну...

Так вот живу.

По слухам, война все ближе и ближе подбиралась к нам.

И вот однажды в нашу деревню красные пришли. Говорят мне красные:

— С нами на войну иди, Липецкий.

Я говорю:

— Винтовку мне дайте. У меня винтовки нет.

Красные отвечают:

— Винтовок у нас нет для тебя.

Я руками развел, говорю:

— Не пойду же я воевать с одними кулаками.

— Верно, — говорят красные. — С одними кулаками много не навоюешь.

— Значит, не судьба мне с вами, — говорю я.

Не стали красные настаивать, ушли.

Прошли дни. Может, недели. Деревню заняли белые. Говорят мне белые:

— С нами на войну иди, Липецкий.

Я им то же говорю, что и красным говорил.

— Винтовку мне дайте, — говорю. — У меня винтовки нет.

Белые отвечают:

— Винтовку тебе дадим. И коня боевого дадим.

И точно. Винтовку дали. Коня дали. Саблю дали.

Так я военным человеком стал. Так я пошел воевать за белых. Так я встал на сторону Белого Царя, а не Красного.

Подумал: значит, так моему Богу угодно.

Белый командир мне говорит:

— Нам известно, ты, Леня Липецкий, охотник. Верно ли это?

— Да, — говорю, — охотник.

— Здешние места — дороги-реки — хорошо знаешь?

— Как охотнику не знать, — отвечаю я. — Конечно, знаю.

— За нами красные идут, — говорит командир. — На некоторое время задержать их нужно, дорогу им закрыть надо...

Я молчу, слушаю.

— Сможешь это сделать? — спрашивает командир.

Я подумал, потом говорю:

— Если надо — дорогу им закрою.

— Хорошо, — сказал командир. — Это будет твое первое дело. Вот тебе четыре солдата — ты над ними главный. Посмотрим, на что ты способен...

Я говорю:

— Нет, так дело не пойдет.

— Что тебе не нравится? — спрашивает командир.

Я говорю:

— Дело непростое — закрыть дорогу целому войску.

— Знаю, — говорит командир. — Скажи, что тебе еще нужно? Мало четырех солдат? Но больше дать не могу...

Я отвечаю:

— Достаточно четырех, если я их сам выберу.

— Хорошо, — согласился командир. — Быть по-твоему.

И я сам отобрал четырех солдат.

На войне важно, кто рядом с тобой, кто слева и справа.

Красных со стороны Сургута-города ждали. Зимник вдоль Оби по луговине идет. Недалеко от Ваты, нашей деревни, дорога в лес входит. Там грива есть. На этой гриве хороший лес растет. Вот там я и решил закрыть дорогу.

Дело было к весне, в пору наста. Так вот, на гриве, на расстоянии верной пули от дороги, цепочкой посадил своих солдат. Каждому сам выбрал место. Каждому за сырым толстым деревом пробили наст и выкопали в снегу яму — окопчик, по-военному. Потом каждому солдату срубили сухую жердину. Солдат держит комель возле себя, а на вершинку, что в стороне, каждый надел свою шапку. Устроили так, чтобы шапки просматривались с дороги. Самих солдат не видно, а шапки на виду.

Говорю солдатам:

— Выстрелите — за жердинку шапку шевельните. Выстрелите — шевельните. Пусть противник по пустым шапкам стреляет.

Такую вот хитрость придумали.

— Напрасно, — говорю солдатам, — не высовывайтесь из-за дерева, будьте осторожны.

Сам я расположился с краю, в стороне Ваты, где должна быть голова войска. Условились так: я закрываю дорогу спереди, а крайний солдат в цепи, что в стороне Сургута, отрезает путь назад. Он стреляет только после моего выстрела.

Так вот устроились, ждем.

Наконец показались красные.

И когда они все выехали в лес и головные сани поравнялись со мной, я выстрелил в коня. Конь упал. Отряд встал. Дорога вперед закрыта. Зимник на гриве узкий, никак сани с убитым конем не объедешь.

Почти одновременно со мной выстрелил и крайний в цепи солдат. Он убил коня на последних санях. Значит, закрыл путь назад. Теперь противнику нет хода ни туда, ни сюда.

Тут послышались выстрелы по всей цепи моих солдат. А дорога пока молчала, не стреляла.

Смотрю, на головных санях с убитым конем вскочил командир, повернулся назад, что-то кричит. Потом взмахнул наганом — и начал палить в мою сторону. Пуля просвистела мимо меня. И я услышал, как она ударилась о дерево позади меня. Другая пуля срикошетила с лесины, под которой я лежал. И тогда я сделал второй выстрел — командир упал на сани.

На дороге поднялась суматоха. Шум, крики, беготня. Раздавались одиночные выстрелы. Видно, еще не могли опомниться от неожиданности.

Я еще раз выстрелил и шевельнул шапку на жердинке. Слышу, мои солдаты стреляют.

Наконец дорога открыла стрельбу по лесу. Свистели пули. Тут и там они шмякались о деревья. Тут и там сыпались на снег срезанные пулями ветки.

Красные затаились на дороге: укрылись за санями, за трупами убитых лошадей и постреливали оттуда. В лес они не пошли. Не пошли потому, что не знали, сколько нас сидит в снежных окопах. Много или мало? Одолеть нас или не одолеть?

И когда перестрелка стала стихать и становилась уже бесполезной, я подал своим сигнал. И мы по насту побежали в глубину леса.

Красные увидели, что мы убегаем и нас мало, пустились за нами в погоню. А нам этого и нужно было.

Мы впятером быстро добежали до большого оврага, у которого лесная грива круто обрывалась. Спрыгнули в овраг и затаились под обрывом на заранее приготовленных местах. Овраг я тоже высмотрел загодя. Весной по нему текли талые воды. Но сейчас дно было сухим. И из-под обрыва он хорошо просматривался и простреливался.

Так, значит, добежали мы до оврага, и каждый занял свое место под обрывом. Красные, бежавшие за нами, стали сваливаться на наши головы. Выскочили они из леса — смотрят, никого нет. И кинулись дальше через овраг. А тут наши пули... Удобная была у нас позиция. Сверху, над головой, пласт земли, поддерживаемый корневищами деревьев. С боков — берег оврага, подходов нет. Спереди — простреливаемое пространство. Никак не подберешься. Кроме того, наши места так были расположены, что каждый солдат охранял соседа справа и слева, чтобы ни на одного не могли напасть.

Поняли красные — нас не взять. Отступили. В хвосте санного поезда они скинули на обочину убитую лошадь вместе с санями, развернулись и, кто остался жив, ускакали обратно в сторону Сургута.

Оставили они пятьдесят убитых.

Вначале я вроде бы обрадовался победе. Радовался тому, что я остался жив. Что остались живы мои солдаты. Что я закрыл дорогу. Но чем больше я видел убитых, тем тоскливее мне становилось тогда. Сегодня здесь мы побили их. Возможно, в другом месте они побили нас. И я понял: победы нет. И поэтому, стало быть, нет и победителей. Белые — русские. И красные — русские. Белые — остяки. И красные — остяки. И все они — люди!..

И за что мы друг друга убиваем?! За что?!

* * *

— Вот так же, как мы сейчас с тобой, мы с Леной Липецким сидели коленка к коленке, и он все это рассказал мне слово в слово своими устами, — сказал мой старый зять Иван Степанович Сопочин-Первый и замолк.

Дело было в его зимнем доме в сосновом бору, на одном из левых притоков Священной реки Тромаган.

В доме стало тихо. Лишь в чувале потрескивали дрова да за стеной, на улице похрустывал снег под копытами оленей. Да изредка в бору гулко хлопало — это от мороза лопались «пузыри деревьев».

Мой восьмидесятивосьмилетний зять Иван Степанович, сухонький старец с белой головой, сидел в кругу семьи и гостей и тоже молчал. Наконец тишину нарушил его старший сын. Спросил:

Отец, ты говоришь про того Липецкого, который в каждом рукаве по пистолету и одновременно стрелял двумя руками?

— Да, про того самого, — подтвердил старец. — Про того...

— И по нашей реке, по Агану, про него много слухов ходило, — сказал я.

— Про того говорю, которого никак не могли поймать, — добавил мой старый зять.

— Много рассказов я слышал о нем, — проговорил старший сын старца.

— А дальше что с ним было? — спросил я зятя-старика.

— Да-да, что же потом было? — заговорили в доме.

— Куда Липецкий подался?

— Как же его ловили?

— За что его ловили?

— Отец, расскажи, — подал голос и старший сын старца.

Старец молча выслушал всех, потом сказал неторопливо:

— А дальше вот что с ним было...

И снова дом затих. Лишь таежным родником журчал голос старца Ивана Степановича.

* * *

Война немало ходила по нашей Земле. Ходила вверх и вниз по рекам. Потом ушла в сторону Восхода Солнца. Вместе с войной ушел и Леня Липецкий. К тому времени за военную смекалку белые дали ему командирский чин, стал заглавным их отряда.

Мало ли, много ли воды утекло в Оби — закончилась война.

Красные побили белых.

Леню Липецкого ни одна пуля не тронула. Ни одна сабля не царапнула. Ни один осколок не задел. Он остался цел и невредим. Его, видимо, оберегало Божье послание. Перед уходом на войну он сшил кожаный мешочек, сложил туда Божье послание и повесил на шею под рубашку. И с той поры никогда не расставался с Божьим посланием.

Так вот — борьба между красными и белыми закончилась. Война в слыхом не слыханные дали занесла Липецкого. Сколько-то времени он скитался по чужим землям, потом вернулся домой. Нет жизни, говорит, без своей земли, где родился и вырос. Не знаю, не помню точно — то ли сразу, то ли сколько-то пожил, — до города дошел слух, что вернулся Леня Липецкий, который сражался за Белого Царя. Впрочем, он и сам не скрывал, что воевал на стороне белых.

Красные допрос ему учинили. Перво-наперво, говорят, скажи Липецкий:

— На войну ходил?

— Ходил, — отвечает Липецкий.

— За белых воевал?

— За белых.

— Ходил освобождать Белого Царя?

— Спасать ходил.

— Чего же не спас?!

— Жаль, не успел.

— Красных бил?

— Бил в бою.

— Будешь за все это отвечать?

— Буду, — смиренно говорит Липецкий.

— Деваться-то тебе некуда, — смеются красные. — Так и так тебе придется отвечать! Вот следствие учиним, соберем все твои грехи в одну кучу, взвесим их, и предстанешь ты перед революционно-пролетарским законом нашего рабоче-крестьянского государства! И ответишь по всей строгости нашего правого суда и закона!

Липецкий молчит. Долго молчит.

Потом говорит:

— Хорошо, но сначала мне объясните то, что я не понимаю.

— Спрашивай, — говорят красные. — Все тебе растолкуем, враз твою темную голову светлой сделаем!

Липецкий и спрашивает:

— Сначала скажите: кто будет держать ответ за убитых белых?

— Белые против народа шли — нечего за них отвечать! — говорят красные.

— Кто будет держать ответ за убиенного без суда и закона Белого Царя? — спрашивает Липецкий.

— Он был тираном народа — туда ему и дорога! — отвечают красные.

— Кто будет держать ответ за убиенную без суда и закона Белую Царицу?

— Она тоже была тираном народа — туда ей и дорога!

— Кто будет держать ответ за убиенных детей Белого Царя?!

— Молчать! — закричали красные.

— Кто будет держать ответ за убиенных дочерей Белого Царя?!

— Молчать!! — взревели красные.

— Кто будет держать ответ за убиенного сына Белого Царя?!

— Молчать!!! — громыхнули красные.

— Вы меня сюда молчать или говорить позвали?! — спрашивает Липецкий.

Когда красные немного успокоились, напомнили ему:

— Ты, Липецкий, не забывайся — ты в наших руках!

— Никогда в ваших кровавых руках не буду, — говорит Липецкий. — Моя жизнь в руках моего Небесного Отца. Как Он решит — так тому и быть.

Посмеиваются красные, не верят ему.

А про семью Белого Царя он не напрасно спрашивал красных. Дело было так. Когда власть взял Красный Царь, то Белого Царя с женой и детьми на нашу землю привезли. Тут им житье определили. Так вот, Липецкий сам рассказывал, как со своими солдатами ходил спасать царскую семью сначала в Тобольск-город, потом в Катерины-Царицы-город¹. Да все не успевал вовремя, все опаздывал. И поэтому в их ужасной смерти он до конца жизни винил и себя.

— В любом случае тебе, Липецкий, придется держать ответ, — говорят красные.

— Придется, но не перед вами, — отвечал Липецкий.

— Перед законом рабоче-крестьянского государства!

— Нет у вас никаких законов: ни революционно-пролетарских, ни рабоче-крестьянских, ни человеческих.

¹ Катерины-Царицы-город — так ханты называли Екатеринбург.

- Ошибаешься, Липецкий: есть у нас справедливые законы!
- ...по которым можно лишать жизни безвинных детей?! И это вы называете справедливыми законами?!
- Молчать!!! — опять рассвирепели красные. — А сам-то в гражданскую чем занимался?!
- Грешен, — сказал Липецкий. — Но видит Бог: с женщинами и детьми не воевал, безоружных не бил и в спину не стрелял.
- А мы победители, — говорят красные. — И ты нам, Липецкий, не судья, не указ! У нас свои вожди! И мы сами знаем, кого нужно засудить, а кого нет.
- Не знаете.
- Почему же не знаем?
- Ваш главный враг — не я...
- А кто же?
- Вы сами.
- Это почему же? Ты скажи нам!
- Липецкий немного помолчал. Прикидывал: сказать или не сказать? Поймут или не поймут? Но все же в конце концов пояснил:
- В вас нет нутра. Вы все — как пустые орешки. Сверху орешек как орешек, а как раскусишь — там пусто, ничего нет. Одна пустота...
- Ты, значит, раскусишь?
- С божьей помощью.
- Смотри, как бы зубы не обломал!
- Одни сразу раскусили вас. Другие — в гражданскую. А вот когда последние люди раскусят вас и увидят, что в вас нет нутра и вы пусты — тогда вам конец придет.
- А чего в нас нет? Что там должно быть?
- В вас нет веры, нет Бога. А без Бога, озверев, рано или поздно, вы перегрызете друг другу глотки и тем кончите себя.
- Но сначала мы перегрызем глотки вам.
- Верно: сначала нам, а потом возьметесь за себя.
- И по-твоему, Липецкий, жизнь кончится на этом?
- Нет, люди останутся. Но не красные, а останутся просто люди с верою, люди с Богом...
- А нас, значит, не будет?
- Нет на вас креста — значит, вас не станет.
- Много на себя берешь, Липецкий — не выдюжишь!
- Вы кровавые — вас просто земля не выдержит, земля не станет носить...
- Ты, Липецкий, от нас теперь не уйдешь, — говорят красные. — Ладно, напоследок хоть языком почешешь...
- Уйду, — уверил их Липецкий.

— Уйдешь — поймаем! — говорят красные. — Ноги обломаем, язык укоротим! Не таких еще ломали...

— Это вы можете. Недаром вас кровью ненасытными кровавыми красными прозвали. Свой цвет оправдали...

— Ты, Липецкий, наш революционный цвет не трожь! Худо тебе будет!..

— Хуже некуда...

— Все равно от нас не уйдешь! Возьмем след!

— Кого пошлете по следу — бить стану.

— Еще посмотрим, кто кого побьет!

— Лучше пожалейте своих людей, оставьте меня в покое.

— Мы тебе такой покой устроим — всем чертям тошно станет!

Липецкий замолчал. Долго молчал. Потом сказал красным:

— Я вам объявляю войну.

— Ты, Липецкий, совсем свихнулся.

— Нет, я при своем уме.

— Ты же один, а нас много. Какая может быть тут война?

— Мое дело: сказать вам.

— За что же будешь воевать? За Белого Царя?

— И за Белого Царя.

— Его же нет — зачем он тебе нужен?

— Вы у народа спросите, какой царь ему нужен: Белый или Красный? Тогда все поймете.

— Ты нам, Липецкий, зубы не заговаривай: не за кого тебе воевать. Все ушли, их уже не вернешь!

— Есть за кого. За жену свою. За дочку свою. За детей Белого Царя. За все ваши безвинные жертвы. Вы считали, сколько людских душ погубили?

— Молчать! — закричали красные. — Это не твоего ума дело. Это дело революции!

— Бог вам никогда не простит того, что вы наделали.

Тут красные в ярости закричали:

— Мы сейчас из тебя, Липецкий, вытряхнем твоего Бога, и ты станешь таким же красным и кровавым, как и мы...

— А это как решит мой Небесный Отец, так и будет! — сказал Липецкий.

И ушел он от красных. И тут за ним началась настоящая охота. «Охотниками» стали энкавэдэ. Сколько на него ловушек ставили — не попадался. Сколько его в разные хитроумные западни заманивали — не заманили. Сколько коней в погоне за ним запалили — не счесть. Сколько оленьих упряжек замучили — никто не считал.

Был Липецкий неуловим.

Однажды его выследили в доме. И энкавэдэ плотной цепью обложили двор. Стояли на почтительном расстоянии и кричали:

— Липецкий, бросай оружие! Выходи!

— Липецкий, сдавайся!

— Дом окружен — все равно не уйдешь!

Дом молчит.

Энкавэдэ стоят, ждут. Потом опять стали кричать:

— Липецкий — сдавайся!

— Липецкий — выходи!

Тут из дома послышался голос Липецкого. Кричит:

— Одеваюсь, сейчас выйду! Ждите!

Энкавэдэ приготовились, подтянулись. Во все глаза смотрят — как бы не упустить. Дело было летом. И на женщину с ведром никто не обратил внимания. Мало ли женщин ходит по воду? Главное — Липецкого поймать.

Стоят, ждут.

Сколько же времени он там одевается? Стали кричать, поторапливать:

— Давай скорей!

— Выходи давай!

Дом молчит.

Снова кричат.

А дом все молчит. Подойти же не решаются. Видно, крепко побаивались Липецкого. Да и наслышаны были о нем: знали, каков он из себя, как владеет оружием. А оружием владел отменно. Казалось, любая железка стреляла в его руках. Да как стреляла! Ни одна его пуля мимо цели не проходила. Мог ночью, в темноте, стрелять. Мог не глядя, с завязанными глазами, стрелять. Мог двумя руками одновременно из двух пистолетов стрелять. Как он умудрялся все это проделывать? Говорят, все очень просто: где глаза не видят, там ухо слышит. Значит, на звук стрелял. Говорит, жить захочешь — всему научишься. Говорит, война многим нужным и ненужным делам научила. Когда попадал в особенно тяжкую переделку, вытаскивал два ствола: одним управлял глаз, другим — ухо. Попробуй возьми такого стрелка. Кому охота свой лоб под пулю подставлять? Особенно в мирное время.

Ловкий был.

Сообразительный был.

Стремительный был.

В первый раз как он от красных ушел? Дело, рассказывают, так было. После «задушевной» беседы красные передали его красным энкавэдэ. Он и не думал сопротивляться. Дал себя обыскать. Смиренно. Пояс отняли, карманы перетряхнули, бока ощупали. И в тюрьму пове-

ли. Спереди энкавэдэ, сзади энкавэдэ. Ведут. Все тихо, мирно. Вдруг, улучив момент, он резко встряхнул руками — из рукавов два пистолета. И двумя стволами одновременно — ба-ах, ба-ах, бах! Перевернулся через голову, колесом юркнул в кусты, оттуда в траву — и нет его.

Скатился в низинку, в небольшую выемку — перезарядил там пистолеты и снова готов к бою.

Так в первый раз ушел от красных.

И эти энкавэдэ, наверное, слышали об этой истории. Поэтому и топтались сейчас в нерешительности. Еще сколько-то времени прошло. Нужно было что-то делать. И наконец, когда их терпение совсем иссякло, двинулись к дому.

Тихо. Ни стука, ни выстрела.

Ворвались в дом.

В доме — полог. Сорвали полог. А в пологу — голая женщина.

А след Липецкого давно простыл. Переоделся во все женское, на глаза надвинул платок — и был таков.

Бывало, энкавэдэ возьмет след Липецкого, мчатся за ним — пока коней не запалят. Но ведь и у Липецкого не крылатый конь. Однако он всегда находил свежего коня и отрывался от погони. А то, бывало, неожиданно исчезал его след. Как сквозь землю проваливался. Преследователи всю округу переворачивали и в конце концов так ни с чем и уходили.

Это лишний раз всех убеждало в том, что ловить Липецкого — дело пустое.

* * *

Воды становились снегами и льдинами, снега и льды — водами.

Так прошли годы.

И тут накатили лихие лета. Остяки вышли из повиновения и поднялись на красных. И красные поднялись на остяков¹.

Из Катерины-Царицы-Города² войска пришли, аэропланы прилетели. И по земле, и по небу вдоль больших и малых рек двинулись.

Так война на нашу землю пришла.

И кто был пулей убит.

Кто был огненным камнем разорван³.

Кто был холодом заморожен.

Кто был лиственничной дубиной-колотушкой забит.

Кто был в камере-темнице истерзан.

Ни один до тюрьмы-лагеря не дожил...

¹ Речь идет о Казымском восстании 1934–1935 гг.

² В те годы Остяко-Вогульский национальный округ входил в состав Уральской области с центром в Свердловске, бывш. Екатеринбурге.

³ «Огненный камень» — так ханты называли гранату.

Прошло, прокатилось лихое время. Но еще долго войска прочесывали многие реки. От устья до верховья, от верховья до устья тянули свои «невода». Все проневодили. Вылавливали всех, кто был причастен и не причастен... Особо не разбирались: попался — отвечай по всей строгости военного времени. После энкавэдэ свои сети-ловушки начали расставлять. Каждую реку, каждое болото и озеро, где восставшие проходили и где бои случались, рьяно просматривали и прослушивали.

Воды-земли многих наших рек были вверх дном перевернуты.

Но даже в эти бесконечные невода и плотно наставленные сети-ловушки Липецкий не попадался.

Но его все искали, все ловили.

Как-то зимой в наш дом наехали путники-гости. Кто в верховье реки едет, кто в низовье. Кто по промысловым делам, кто по родственным. Кто в поселок, кто из поселка. За одним большим столом сидим, чай пьем, новостями обмениваемся. Тут собаки на улице залаяли — новые упряжки подъехали, новые путники в дом вошли. Как это принято, гостям чай налили, за стол их посадили. Дальше разговоры ведем. Выяснилось, приезжие — два или три энкавэдэ с переводчиком — едут на поиски «врагов народа». Один из них, поговорив о том о сем, спросил через переводчика:

— Про Липецкого что-нибудь слышали?

Рядом с ним сидящий охотник, прихлебывая чай из блюдца, похантыйски через переводчика спрашивает:

— Про какого Липецкого?

— Про того, кто за белых воевал.

— Нас там не было: откуда мы знаем, который Липецкий за белых воевал, а который за красных. Поди немало на свете Липецких...

— Про Леню Липецкого спрашиваю, которого ищем...

— А-а, так скажи...

— Так что про Леню слышно?

— Да ничего вроде бы не слышно.

— На вашей реке не появлялся?

— Такого слуха будто бы не было.

— Ну, смотрите!.. — строго говорит энкавэдэ. — Нам нужна его голова.

— Значит, у него какая-то особо ценная голова, да?

— Да, за его голову мы дорого заплатили.

— Кто бы так оценил наши головы, — шутит охотник. — Может, отдал бы свою...

Но энкавэдэ не до шуток. Снова напоминает с нотками угрозы:

— Смотрите, как только появится Липецкий на вашей реке — так немедленно в город нам сообщите!

— Ах-а, как же, немедленно сообщим! — поддакивает охотник-собеседник. — Пусть только покажется здесь! Сообщим, ждите!..

Сидят так энкавэдэ и охотник, коленка к коленке, чай пьют и через переводчика разговор ведут о том, как Липецкого поймать. И невдомек энкавэдэ, что этот жилистый охотник в малице и кисах¹ и есть сам Ленья Липецкий.

Не однажды такое случилось. Сидит Липецкий рядом с энкавэдэ, рассуждает, как его самого в энкавэдэвские «сети» заманить. Между делом, конечно, вопросы вставляет, выспрашивает, что в последнее время слышно о Липецком, то есть о нем самом. Где его видели? Какие слухи о нем ходят? И, конечно, выведывает у энкавэдэ другие нужные для себя сведения.

Пожалуй, ни одному энкавэдэ и в голову не приходило, что он с Леней Липецким за одним столом сидел, чай пил, разные сведения выдавал. Если, разумеется, тот не раскрывался. Бывало, рассказывают, он иногда разные шутки выкидывал над своим преследователем. Поговорит с энкавэдэ, чай с ним попьет, потом скажет на чистейшем русском языке:

«Липецкий тебе нужен?! Я — Липецкий, бери меня!..»

Энкавэдэ обычно вскакивал и кричал:

«Арестован! Руки вверх!»

Липецкий приподнимал руки, потом делал неприличный жест и насмешливо спрашивал:

«А вот этого не хочешь?!»

«Стой! Стрелять буду!» — кричал энкавэдэ и тянул руку к кобуре на боку.

«Х...м, что ль, будешь стрелять?!» — в лицо ему хохотал Липецкий. Кобура оказывалась пуста. Либо револьвер без патронов. Чак-чак — не стреляют.

Тут Липецкий вскакивал на коня или на нарту — и был таков.

Незадачливый энкавэдэ бросался в ярости на народ, на людей:

«Почему не выдали?!»

«На лбу не написано, кто он такой...» — люди разводили руками.

«Почему в дом пустили?!»

«По обычаю каждый путник входит в дом, не спрашивая...»

«Почему чаем напоили?!» — кипятится энкавэдэ.

«Всем гостям чай принято наливать...»

Энкавэдэ, остывая, многозначительно обещает:

«Смот-рите!..»

Обычно же Ленья Липецкий сидит себе спокойно, чай пошвыркивает, посмеивается, энкавэдэ про самого же себя через переводчика рас-

¹ Малица — хантыйская шуба мехом внутрь. Кисы — унты с меховыми чулками.

спрашивает. Мол, для того интересуется, чтобы при случае подсобить в поимке Липецкого, сообщить в энкавэдэ о его появлении.

Таким вот Леня Липецкий был. Ничего не боялся. Никого не боялся.

* * *

Замолкает мой древний зять-старик.

Молчит и дом.

Молчу и я.

Потом, как бы уловив немой вопрос слушателей, мой зять-старик спросил:

— Почему его не могли поймать?

И сам же, выдержав нужную паузу, ответил:

— Простых людей он никогда не трогал, не обижал. Ни ханты, ни русских.

Старик снова помолчал, потом спросил:

— Энкавэдэ кого искали: русского человека, белого офицера. Так?

— Так, наверное, — сказал я.

— Вот-вот, — улыбнулся мой зять-старик. — А Липецкий был совсем как ханты. Ходил в нашей одежде. На оленях ездил. Ножом и топором хорошо владел. На подволоках¹ крепко стоял. Словом, ничем от ханты не отличишь...

Старик задумался, опустил голову. Потом тронул меня за колено, сказал:

— А язык ханты он знал лучше нас с тобой...

— Ну, так скажи...

Пришло время вечернего чая. После, когда все в доме понемногу уgomонились, я спросил зятя-старика:

— История Липецкого имеет ли конец, зять-старик?

— Имеет, — откликнулся старец.

— Так его и не взяли?

— Нет.

— Чем же все закончилось?

— Вот чем все закончилось... — вздохнул старец. — Сейчас расскажу...

Он тяжело помолчал. Помолчав, начал:

— Жил Липецкий у моего троюродного брата Кирилла на соседнем притоке нашей Большой реки. Много про войну рассказывал. В бою как было, если ты не убьешь, то тебя убьют. Война, говорит, дело худое. В ней мы, люди, повинны. И за эту свою вину жизни свои кончали. Это можно понять как-то. Больше всего, говорит, коней было жалко. Ведь кони-то ни в чем не повинны...

¹ Подволоки — широкие охотничьи лыжи, подбитые мехом.

Так вот. Липецкий жил у моего троюродного брата Кирилла. Но там только зимой жил. Как только наступала весна и открывались воды, он на все лето уходил на Обь. Осенью, перед самым ледоставом, с первыми снегами-льдами он возвращался в дом брата Кирилла на зимовку.

Так он и жил: летом на Оби, зимой — здесь.

Так прошло сколько-то лет и зим. Немало воды за эти годы утекло. Вот посчитай.

Закончилась война между белыми и красными.

Закончилась другая война между остяками и красными.

Пролетело еще несколько лет и зим, и началась еще одна война вдалеке от нашей земли. Эту войну мы все хорошо помним. Много наших людей на эту войну взяли. И моих двух братьев на эту войну увезли. Так они и не вернулись, сгинули бесследно, в Нижний Мир ушли. Как русские говорят, погибли.

В первый год этой войны, в начале зимы, Леня Липецкий в доме брата Кирилла заболел. У него руки-ноги стали опухать. И тогда он сказал хозяевам дома: все, больше не выздоровлю. Конец мне пришел.

Потом такие слова добавил:

— Теперь, — говорит, — если хотите, меня в энкавэдэ сдайте. В город сообщите. Ни на кого, — говорит, — в обиде не буду. Вы мне дали, — говорит, — много дней и лет жизни...

Однако, как и полагается за всяким больным и немощным, за ним ухаживали, его лечили. Но сбылись его слова: болел, болел, сколько-то времени прошло — и он умер.

Как и полагается всякому закончившему жизненный путь по Среднему Миру, его со всеми обрядами похоронили на родовом кладбище.

Еще сколько-то времени прошло, но в ту же зиму весть о его кончине дошла до энкавэдэ, до города. И вот из города приехали три энкавэдэ и потребовали, чтобы им показали могилу Лени Липецкого. Привезли их на родовое кладбище на могилу. Тут они приказали, чтобы выкопали покойника. Все ханты, бывшие там, наотрез отказались. У ханты считается самым большим грехом — это потревожить прах ушедшего в Нижний Мир. Поэтому все ханты — хоть убей — не прикоснулись к могиле. Тогда эти энкавэдэ сами начали выкапывать покойника. Видно, немало времени прошло со дня похорон. Земля так промерзла, что ее не брали ни лопаты, ни топоры. Тогда привезли пешни. И пешнями стали долбить землю на могиле. Долбили-то в основном двое. А третий, старший энкавэдэ, прохаживался вокруг, распоряжался, командовал.

Наконец с большим трудом откопали могилу.

Энкавэдэ вытащили покойника, всего обыскали его. Только немного денег при нем нашли. И больше — ничего.

Что они искали — не знаю. Может быть, слышали про Божье послание и его искали? Но и Божьего послания на шее покойного не оказалось. Куда он подевал его перед смертью — тоже не знаю. Никому это неизвестно. Осталось это его тайной.

Так Леня Липецкий, даже мертвый, еще раз надул энкавэдэ, оставил их ни с чем.

Тут старший энкавэдэ взял пешню и всадил острие в голову покойника. И яростно заработал пешней. И разбил всю голову мертвому Лене Липецкому.

Люди, бывшие там, отвернулись в сторону, опустили глаза.

И молчали.

Молчали...

Перед уходом из жизни, будто уже в бреду, Липецкий все вздыхал: «Россия, Россия, сколько людей загубили...» А потом, уже более отчетливо, спрашивал:

— И за что?! И за что?!

Так и не получив ответа на свой мучительный вопрос, Леня Липецкий ушел в Нижний Мир.

После, когда энкавэдэ уехали, люди и эту окаянную пешню похоронили на родовом кладбище.

* * *

Замолк старец.

Молчал и дом.

И это молчание было похоже на то, как чтут память всякого преждевременно и насильственно отправленного в Нижний Мир.

Помощник Сибирякова

Есть повод вновь сказать о ценности старых газет как источников информации об истории края, в данном случае — тобольского «Сибирского листка».

В начале XX в. среди тех, кто вел торгово-промышленную деятельность на Тобольском Севере, одной из заметных личностей был Петр Петрович Алексеев, живший в селении Саранпауль Березовского уезда. В бассейне Северной Сосьвы он торговал мукой и другими товарами, занимался рыбным промыслом, имел сенокосные угодья, лавки, амбары, дома, баржи. Любой свежий человек, оказавшийся в этих местах, не мог не заметить Алексеева. Так, тобольский губернский агроном Н.Л. Скалозубов, сосланный в 1906 г. в Березов, упоминает его в дневнике как собеседника, от которого получил сведения о том, как смолят лодки. Имя Алексеева встречается и на многих страницах путевого дневника исследователя Тобольского Севера Г.М. Дмитриева-Садовникова «Экскурсия по р. Сосьве и др. в 1919 году» (Лукич. 2000. № 4). В 1905 г. Петр Петрович вступил в члены Тобольского губернского музея, позднее — в Тобольское отделение Императорского общества судоходства.

Известно было, что в Саранпауль Алексеев попал как сотрудник знаменитого предпринимателя, мецената, патриота Сибири А.М. Сибирякова в качестве его приказчика, по-видимому, в 90-х гг. XIX в. Но «Сибирский листок» двумя заметками, опубликованными 3 октября 1893 и 29 декабря 1894 гг. и прочитанными год назад, совершенно изменил сложившееся по отрывочным сведениям из разных источников представление о личности Алексеева и содержании его отношений с Сибиряковым. Воспроизводим их в хронологической последовательности. Вторая заметка озаглавлена «К исследованию района между рр. Обью и Енисеем».

«Шкуна «Север»... прибыла в Березов 4 августа. Через несколько дней в этот город прибыл с севера и владелец шкуны А.М. Сибиряков. Из Березова г. Сибиряков отправился 15 августа в Тазовскую губу, куда прибыл 31 августа. Здесь у устья р. Таза экспедицию встретил г. Алексеев, приказчик г. Сибирякова. Г. Алексеев приехал туда из Туруханска на лодке сначала по р. Хете (приток р. Енисея), а потом по р. Тазу... Между верховьями рр. Таза и Хеты пришлось идти волоком. Волок между бассейнами рр. Таза и Енисея небольшой — лишь несколько верст. Ввиду наступления морозов г. Сибиряков решил поскорее вернуться назад, иначе экипажу шкуны пришлось бы провести зиму в замерзшем море. В будущем году, весной, шкуна «Север» вторично отправится в

Тазовскую губу и тогда постарается пройти вверх по р. Тазу насколько это будет возможно. <....>».

«А.М. Сибиряков, стремясь к созданию новых водных путей сообщения Сибири, не жалеет средств на их открытие и исследование. После того как окончательно выяснилось, что Обь-Енисейский канал, несмотря на затраченные на него три с лишним миллиона рублей и 12-летний каторжный труд, не может выполнить своего назначения и для торгово-промышленной жизни страны является величиной отрицательной, А.М. Сибиряков задумал отыскать другой путь, который соединил бы две громадные водные системы и тем оживил край, причем имелся в виду северный путь, по которому бы можно было через волоки Ляпин-Печерский и Илыч-Сосвинский направлять грузы в Россию, а через Обскую губу в заграничные порты. Ввиду этого г. Сибиряковым в течение двух лет посылался г. Алексеев. В прошлом году последний, доехав до Енисейска, в легкой лодочке с четырьмя проводниками-самоедами поднялся по р. Хете, а оттуда по небольшим речкам, таща через волоки лодку на себе, он добрался до р. Таза, где встретился с г. Сибиряковым, ждавшим его на своем пароходе «Север». Ныне из Енисейска г. Алексеев отправился в экспедицию 4-го июня вместе с А.М. Сибиряковым на пароходе «Анна», имея при себе небольшой паровой катер. На пароходе путешественники спустились до притока Енисея Турухана, по которому поднялись частью на пароходе, частью на катере до р. Русской, впадающей в Турухан. Здесь 15 июня г. Сибиряков оставил г. Алексеева, а сам на пароходе возвратился в Енисейск. Г-н Алексеев, оставшись, приспособил для дальнейшего путешествия остяцкую лодку и с пятью рабочими отправился в дальнейший путь. В течение более чем двух месяцев, перетаскивая по болотам и водоразделам лодку из речки в речку, не встречая на пути никого, кроме самоедов, не понимающих русского языка, г. Алексеев наконец достиг р. Пура, а затем и Таза; отсюда, местами в лодке, местами таща и багаж, и лодку на себе, путешественники добрались до с. Обдорска, откуда г. Алексеев в почтовой лодке поднялся до с. Самаровского. Здесь его ждало уже новое поручение — исследовать вершины р. Ваха, притока р. Оби. Сев на пароход и доехав до г. Сургута, откуда, спустившись (*неверно, должно быть — «поднявшись»*). — Ред.) до устья р. Ваха, П.П. Алексеев в остяцкой лодке поднялся более 700 верст вверх по этой реке. Начинались холода, и плыть далее было опасно, вследствие чего г. Алексеев возвратился в Сургут. Г. Алексеевым нанесены на карту все пройденные речки и волоки. В этом путешествии немало помогло г. Алексееву знание им самоедских наречий, благодаря чему он мог ориентироваться в этой массе неизвестных речек, которые протекают по тундрам. К сожалению, результаты произведенных г. Алексеевым изысканий не могут быть пока опубликованы. На следующий год А.М. Сибиряков намерен вновь послать сведущих лиц для изыскания нового пути».

Кодский Троицкий монастырь

В конце XVI века, после похода Ермака, Сибирь была присоединена к русскому централизованному государству. Для управления завоеванным сибирским краем на наиболее важных водных путях был построен ряд городков-крепостей. Подобное крепостное укрепление было построено в Коде, в центре хантыйского Кодского «княжества» (на месте нынешнего п. Октябрьское).

Первым русским поселением в Коде была воинская часть.

До появления на Обском Севере русских кодские городки (а их было семь: Ендырь, Карымкары, Малоатлым, Большеатлым, Кода, Шаркары, Чемашево), или Кодское княжество, управлялись знатными и богатыми «князьцами» Алычевыми. Владения их с городками и юртами простирались от устья Иртыша до Березова по обеим сторонам течения реки Оби с притоками.

За помощь, оказанную Московскому государству в покорении Сибири, кодские князья сохранили свободу правления и вероисповедания, а также были жалуемы небольшими волостями, с которых собирали ясак в свою пользу и производили суд и расправу над остяками (ханты), а сами не подчинялись суду местных русских властей, а лишь подчинялись суду царя и великого князя. Такое положение сохранялось до 1644 года.

В благодарность за царские милости кодские князья время от времени приезжали в Москву на поклон царю с дарами из местных богатств, в основном пушного зверя. В столице они и были склонены к принятию христианства. Так, в 1599 году мать кодского князя Игичея Алычева и один из его сыновей, будучи в Москве, приняли христианскую веру и были наречены первая — Анастасиею, а второй — Петром. По возвращении их в Коду сам Игичей отправился в Москву и тоже крестился.

В 1602 году Алычевы построили в Коде первую деревянную церковь — во имя святых Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев. Княжеская семья переселилась на жительство в Коду, а до сих пор она жила в 20 верстах на юг от Коды, на речке Хадас-Еган, в большом деревянном доме.

В 1656 году в Коде построена вторая деревянная церковь во имя Святой Троицы. Эта церковь действовала ровно 100 лет. В том же 1656

году сибирский архиепископ Симеон обращается к царю Алексею Михайловичу с прошением об устройстве в Кодском городке монастыря.

На эту челобитную последовала от 20 октября 1657 года грамота царя Алексея Михайловича: «...в том Кодском городке монастырю и старцам, дьячку и пономарю быть и ругою и жалованием их устроить...». Эту дату и принято считать временем основания Кодского, впоследствии Кондинского Троицкого миссионерского мужского монастыря.

С момента основания и первые 100 лет монастырь развивается успешно, ведет хорошее хозяйство, располагает значительными средствами, занимается миссионерской деятельностью. В Тобольске монастырь имеет подворье близ церкви Владимирской Богородицы — «по конец Бухарского моста», сказано в указе царя Федора Алексеевича 1679 г., которым подворье освобождалось от постоя. При этом подворье или особо были лавки, которые монастырем отдавались в кортом (аренду), приносящий ему доход до 200 рублей на тогдашние деньги. Указом того же царя от 31 октября 1679 года сам монастырь освобождался от постоя служилых людей, на реку Обь посылаемых из Тобольска боярами и воеводами в ясачные волости для сбора ясака. Царем же Федором Алексеевичем по ходатайству игумена Макария с братиею в январе 1679 года Кодскому-Кондинскому монастырю была отведена земля на все четыре стороны около монастыря по три версты, а также два острова и луг за рекой Обью.

Кондинская Троицкая церковь, современный вид с берега Оби

Тогда же пожалована земля в Тюменском, позднее Ялutorовском округе, в Исетском дистрикте при реке Исети, на левом берегу. На эту землю монастырь принимал бобылей (одинок, приходивших из России в Сибирь), русских пришлых вольных людей, которые и закладывались монастырю за землю. Это была Николаевская заимка Кодского монастыря.

Кроме того, грамотой царя Федора Алексеевича, данной 18 декабря 1679 года, монастырю были переданы 50 семейств крепостных крестьян из Пермской, Вятской и Казанской губерний. Потомками их, очевидно, следует считать часть старожилов п. Октябрьское.

Монастырь помимо пожалованных угодий сам приобретал сенокосные земли и рыболовные пески, большей частью под денежные ссуды.

Н.А. Абрамов, описывая монастырь, отмечает: «...иноческие обители были не только школами нравственных подвигов и душевного спасения, но вместе и рассадниками полезного трудолюбия и благоуспешного хозяйства». И мы видим Кодский монастырь действительно таковым.

В монастыре было развито кузнечное дело. Он имел пять наковален: четыре по железу и одну по серебру. Железо добывалось из камней, лежащих на берегу Оби, и ржавых ручьев. В пяти верстах от монастыря вниз по Оби на речке стояла мукомольная мельница. При ней была солодовня. У монастыря имелись заведения по выделке молочного и семенного конопляного масла, а также для скания свечей. За монастырем был зачислен прииск слюды по реке Оби. Имелся свой оконник, который получал жалованья в год по 3 рубля и хлеба по восьми четвертей. Оконницы в то время делались не из стекла, а из слюды и готовились они здесь не только для нужд монастыря, но и на продажу.

При монастыре было развито скотоводство, рыболовство. Так, в описи имущества монастыря в 1683 году значится 40 пудов рыбьего жиру. Из этого следует, что рыбы добывалось много. Рыба эта на карбазе и лодке в сентябре доставлялась в Тобольск для продажи. Из Тобольска весной, по открытии Иртыша, Тобола и Исети, суда отправлялись в свою Кодскую Николаевскую заимку и, нагрузившись здесь мукой и другими припасами, шли обратно в монастырь.

Николаевская заимка на р. Исеть впоследствии была названа селом Кодским. Сначала в заимке была деревянная церковь во имя Святого Николая, построенная около 1690 года, позднее была построена каменная во имя Святой Троицы с двумя приделами. Здесь постоянно жил вотчинный надзиратель из монахов Кондинского монастыря. Кроме села Никольского (Николаевского), переименованного позднее в с. Кодское, здесь Кондинскому монастырю принадлежали еще

четыре деревни: Кылчанская, Городищинская, Зырянская и Макарьевская.

В Никольской заимке, по переписным книгам 1683 и 1684 годов, имелось пашенной земли 350 десятин и сенокосу на 12 тысяч копен — до 48 тысяч пудов. Крестьян в заимке значилось 679, тягловых луков 263 — в одном луку считалось по одной душе мужского пола от 16 до 60 лет. С каждого тяглого лука собиралось в монастырь в год, кто пашет пашню, «пятинный хлеб», сена — 20 копен и дров на 1 сажень. Было здесь 4 мельничных плотины. Конный завод имел 9 жеребцов, 32 кобылицы и прочих лошадей, всего 124. Коров имелось 45, овец 110, свиней 35.

Кондинский монастырь был основан главным образом для того, чтобы распространять среди языческих племен свет веры Христовой. Несколько лет была там миссия, но впоследствии это святое дело было оставлено. Остяки, хотя и принимали крещение, по-прежнему оставались язычниками. Сибирский митрополит схимонах Феодор (Филофей Лещинский), прибывший в Березовский край в 1712 году, нашел остяков язычниками. Церквей у них не было, а были языческие кумирни с идолами. Три лета 1712, 1713, 1714 годов трудился он, обращая остяков в христианскую веру, и привел к святому крещению несколько тысяч человек. Чтобы изгладить предметы и сами следы язычества в умах остяков, схимонах архиерей на местах, где были кумирни с идолами, устроил церкви: в Белогорье — Святотроицкую, в Сухорукове — Святодуховскую, в Малом Атлыме — Преображенскую, в Шеркалах — Спасскую, в Казыме — Успенскую, в Ляпине — Богоявленскую, в Сосьвинском и Кушеватском селах — Христорождественские. Все эти церкви были построены на казенный счет, а частично на пожертвования самого схимонаха и сибирского губернатора князя Гагарина.

При Кондинском монастыре в разное время имелись школы с различными названиями: латино-славянская, славяно-русская и просто русская. Их нельзя было назвать удачными, т.к. не было учителей, и эти школы переводились то в Березово, то снова в Кондинск.

Миссионеры неохотно ехали в этот отдаленный, холодный и пустынный край. Чтобы добиться успеха в просвещении этого обширного пространства, населенного остяками, нужно было жить среди них, знать их быт, язык, выдерживать все трудности существования в суровом крае. К этому не каждый миссионер был готов.

В 1836, а затем в 1842 году Святейший Синод предписывает архиепископу Тобольскому Афонасию укомплектовать штат Кондинского монастыря людьми, способными к миссионерству среди остяцкого населения. Это было исполнено. В 1844 году настоятелем Кондинского монастыря и начальником возобновленной миссии прибыл иеро-

монах Воронежского Митрофаньевского монастыря Арсений, помощниками ему и учителями в школу — иеромонахи Воронежской епархии Аверкий и Тамбовской Мелетий. Настоятель монастыря укомплектовал монастырскую школу 10 мальчиками-остяками и 10 русскими. Открыл он школы и при других церквях в остяцких селах, а именно в Сухоруковском, Малоатлымском и Белогорском, в каждой по 10 мальчиков-остяков.

Кондинский монастырь, хотя и с большими трудностями, все же исполнял свою миссию как центр просвещения коренного населения Обского Севера.

В монастыре имелась библиотека. По переписным книгам 1795 года, в ней значится 67 книг, 1805 года — 150.

С момента основания монастыря ему уделяли свое внимание и жаловали подарками цари и великие князья. Некоторые из этих даров имели историческое значение. Например, картина Страшного Суда, написанная на полотне, — пожертвование царя и великого князя Федора Алексеевича с надписью: «Великий государь, царь и великий князь Федор Алексеевич всея великия и малыя и белыя Россия самодержец пожаловал по своей Государевой к Господу Богу вере, дал сей Святый Образ Страшного Суда Христова пришествия в Сибирь, на великую р. Обь, в обитель Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, иже нарицается Кодская, на украшение и покаяние в вере Христовой живущих, на просвещение и спасение людей неверных, тамо пребывающих». Этим же царем присланы богослужебные книги и книги «Обед душевный» и «Вечеря душевная» Григория Синаита. Пожертвованы также четыре колокола — один в 15 пудов с надписью: «...лета 7187 декабря... Великий государь Федор Алексеевич всея великия и малыя и белыя Россия самодержец, для вечного поминовения отца своего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Россия самодержца, пожаловал сей Колокол в Сибирь, на великую реку Обь, в обитель Святыя и Живоначальныя Троицы, в пустынный у монастырь, по челобитной того же монастыря Игумена Макария с братиею», и три небольших колокола зазвонных.

Царем Петром I, его братом Иоанном Алексеевичем и сестрой Софьей Алексеевной были пожалованы крест напрестольный серебряный, под золотом; кадило серебряное, весом 170 золотников; куранты.

Были подарены и приобретены другие ценные вещи. Например, два креста напрестольные, серебряные, вызолоченные, с надписью: «Святейшаго Патриарха Кир Андриана, келейного монаха, диакона Митрофана в Сибирь, в Кодский монастырь, по родителям своим в вечное поминовение 7206 г.». Евангелие, печатанное в Москве в 1752 г., замечательное по своему объему и весу (1 пуд 15 фунтов), приобретено по

заказу Кондинского монастыря в 1782 году 20 января. На крышку этого Евангелия употреблено чистого серебра 920 золотников. Из икон наиболее замечательны: «1) образ Присвятыя Троицы, древней живописи, на которой риза серебряная, вызолоченная, весу в ней 5 1/2 фунта, заведена старанием настоятеля игумена (позднее архимандрита) Иоакинфа в 1753—1758 гг.; 2) икона Казанской Божией Матери — древней живописи, на которой риза серебряная, с венцом, вынизанным жемчугом, с разноцветными камешками; 3) образ Святителя Николая Чудотворца, древней живописи, риза серебряная, вызолоченная, весу в ней 10 1/4 фунта и прочие предметы.

В 1723 году Березовский Воскресенский монастырь, просуществовав 19 лет (с 1704 по 1723 гг.), влился в состав Кондинского монастыря, в 1727 году в Кодске была построена третья деревянная церковь — во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Эта церковь действовала до 1766 года.

Церковь в кирпичном исполнении, часть которой сохранилась до наших дней, была заложена в 1731 году по благословению митрополита Тобольского и Сибирского Антония Стаховского при настоятеле монастыря игумене Иоанне во имя Пресвятой Троицы с двумя приделами — икон Казанской Божией Матери и Святителя Николая Чудотворца. Главный Свято-Троицкий храм (холодный) был построен раньше и освящен 22 февраля 1758 года, приделы же освящены только в 1765 году, 8 и 9 июля.

На постройку этого храма от многих благотворителей поступали разного рода пожертвования — деньгами, кирпичом, железом и другими стройматериалами. Во главе благотворителей был преосвященный митрополит Тобольский и Сибирский Антоний Стаховский. «Желая спасения души своей», он внес на постройку новой каменной церкви пятьдесят тысяч штук кирпича и двадцать бочек извести.

Свято-Троицкий каменный храм строил подмастерье каменных дел Далматовского монастыря Иакинф Денисов. Как известно из источников, хранящихся в библиотеках Тобольской духовной семинарии и Тобольского музея-заповедника, во время постройки храма в 1751 году между братией монастыря и каменщиками вышел спор по поводу устройства куполов и глав над храмом. Дело дошло до епархиального начальства. Высокопреосвященный митрополит своей резолюцией повелел: «взять тебе казначею от всей братии онога монастыря за руками их сказки, коими показали бы всю сущую правду». Что показала братия, неизвестно. Консistorией же было предписано сделать под церковью, ввиду опасности под тяжестью, свод и келью, которые впоследствии использовались как место заточения колодников и раскольников.

Так, из колодников здесь находился Иван Ильин, «беглец и злой раскольничий лжеучитель и противник», присланный из Екатеринбурга в 1751 году в «железах» с предписанием: если оно (железо) «расхлябается, то накрепко закреплять, чтобы отнюдь из тюрьмы своей ни для чего выпускаем не был и никого к нему для разговора не допускать». В 1768 году прибыл в наказание иеромонах, расстрига Феодор Мелес. В Кондинском монастыре находился в заточении епископ Анатолий Мелитопольский. Сюда же в 1776 году был сослан колодник Иван Глоба, последний из войсковых писарей Сечи Запорожской, за противозаконные поступки, взамен смертной казни. Он не покидал Кондинск до самой смерти, до 1790 г., и оставил после себя потомство. Глобины жили в Кондинске и в начале XX века.

Помещение под храмом имело и другие назначения. Из дела монастырского архива за 1769 год видно, что оно использовалось периодически как склад вина, кваса, капусты, соленой рыбы и самой соли, что действовало разрушительно на здание храма. Вследствие постоянного присутствия значительной сырости свод и стены стали разрушаться. В приделе Иконы Казанской Божией Матери в потолке по своду появилась большая трещина, о чем велась переписка с епархиальным начальством.

Игумен (позднее архимандрит) Арсений был настоятелем монастыря почти 20 лет и более других потрудился в деле переустройства приходившего в разрушение храма в период между 1857 и 1862 годами. В 1862 году по предписанию Тобольской строительной комиссии инженер-поручиком Иосифом Минхгаузенем было сделано свидетельство строительным работам по Кондинскому монастырю. Причем найдено следующее: «1) Исправлена снаружи церковь и колокольня с заделкою трещин, с исправлением в местах фундамента, оштукатурена и обелена; 2) сделаны на церковь новые стропила; 3) крыша покрыта новым железом и окрашена малахитом на масле; 4) вызолочены пять крестов и глав, из которых четыре сделаны новые — больше, и в восьмерике написано восемь икон, а восьмеричная большая глава выкрашена зеленым кроном, на коей написано восемь шестикрылатых ангелов с вызолоченными крыльями; 5) к церкви и к колокольне пристроены два крыльца новых; 6) церковь внутри окрашена; 7) в приделах устроены два новых иконостаса; 8) в церкви сделаны две новые печи; 9) вокруг монастыря устроен новый забор на пространстве 355 1/2 сажень, с воротами к реке Оби и лестницею вышиною 4 1/2 арш.». «Все эти работы произведены тщательно, — сказано в акте, — прочно и оценены приблизительно в 14 тысяч рублей серебром».

Но придел иконы Казанской Божией Матери позднее вновь стал разрушаться. И после закрытия церкви в 1930 году этот придел, а также колокольня шатровой формы были разобраны для использования

кирпича в строительных работах. Остался центральный зал Свято-Троицкой церкви и придел Святителя Николая Чудотворца. Сохранились и келья и своды под центральным залом, где содержались узники. Сейчас в церкви расположен узел связи. Но в поселке строится новое здание районного узла связи. И когда церковь будет освобождена, возможно, приступят к ее восстановлению, но для этого потребуются годы. А пока она значится в списках памятников истории и архитектуры.

Итак, как было сказано выше, Кодский Троицкий монастырь успешно развивался и функционировал, имел крепкое хозяйство первые 100 лет, а точнее, до 1764 года, когда по манифесту Екатерины II все архиерейские, монастырские и церковные крестьяне и вотчины были переданы в ведение государства. После этого в монастыре был учрежден штат третьего класса; братии положено жалование 459 рублей ассигнациями (131 рубль 49 копеек на серебро) и на штатных служителей особо 56 рублей ассигнациями. Бывшие до сих пор служители за монастырем были обложены оброком и подушным окладом в количестве 19 рублей 80 копеек в год.

Таким образом, все жалованные акты и грамоты с 1764 года теряли свою силу, и Кодский (Кондинский) монастырь должен был содержаться положенным от казны жалованием. Но уже через два года, в 1766 году, монастырю, во внимание к его особому положению среди инородцев на далеком севере и условиям жизни здесь, возвратили обратно курью, находящуюся за Обью, с двумя избами и неводным песком. А потом, при царе Павле Петровиче, в 1797 году отведен остров, называемый «Казенным», и в 1798 году — малый остров — тот и другой с песками для рыбного промысла. Позднее, в 1840 году, отведены в 20 верстах на северо-запад от монастыря, в Вандымском бору, 150 десятин кедрового леса. Но это уже мало помогло монастырю, его деятельность затухала, он шел к упадку. Угодья свои монастырь чаще всего сдавал в аренду за незначительную плату, а сам пользоваться промыслами не мог за неимением рабочих рук. Братии было немного, и она в составе своем не имела лиц, способных к физическому труду и черной работе. В свою очередь настоятели подолгу не жили в монастыре, часто менялись, далеко не все пеклись о его благе, а нередко было и наоборот.

За весь период деятельности монастыря здесь было 40 настоятелей. Известны имена и годы службы 39 настоятелей, неизвестно имя первого из них. Много потрудились на развитие монастыря и оставили о себе добрую память такие игумены, как Иоанн (1661 г.), Макарий (1678 г.), Сергей (1780 г.) и особенно архимандрит Арсений, прослуживший в монастыре с 1844 по 1864 годы.

Но были и такие настоятели, которые приносили монастырю больше вреда, чем пользы. Так, к примеру, игумен Ювеналий (1790—1804 гг.)

уволен от должности настоятеля преосвященным, резолюция которого гласила: «Кондинского монастыря игумена Ювеналия по оказавшимся злоупотреблениям и от времени до времени умножающихся от него беспорядков уволить от настоятельства...». Священник Илья Карпов, управляя монастырем с 1824 по 1826 годы, растратил из казны монастыря 1635 руб. 64 коп. В 1878—1880 годах священник Мало-Атлымской церкви Петр Тарков, замещая настоятеля монастыря, растратил 850 рублей. Иеромонах Анастасий, управлявший монастырем с 1880 по 1884 годы, растратил 2856 руб. 18 коп.

Монастырь пустел, приходил в упадок. Ревизия, проведенная в 1884 году, пришла к мысли о закрытии монастыря, с чем епархиальное начальство и обратилось в Святейший Синод. Однако Святейший Синод постановил преобразовать Кондинский Троицкий мужской монастырь в женскую общину, сделав ее филиалом Иоанно-Введенского монастыря. На преобразование обители казною выделялись средства. Щедрые даяния поступили от Святейшего Синода и частных лиц. Имущество и угодья были переданы новым хозяевам.

По свидетельствам современников, Кондинский монастырь, став женским, пережил новый взлет. Все службы и здания были отремонтированы и ухожены, содержались в образцовом порядке. Обновленное убранство храма сияло золотом и серебром. Для обучения остяцких, вогульских, а также русских детей была вновь открыта монастырская школа.

Вот как описывает К. Носилов свои впечатления от обновленного Кондинского Троицкого, теперь уже женского монастыря, посетив его зимой, перед Рождеством 1894 года, а затем летом: «На обратном пути с севера я застал монастырь уже в летней обстановке: снег стаял, зеленел и сад, в огороде росли картофель, репа, редька, капуста, огурцы, морковь, но, видимо, северное короткое лето не позволяло и этим скромным овощам расти тут как следует, но хотя некоторые из них, как, например, картофель, могут произрастать и на этой широте и служить местному населению инородцев громадным подспорьем в пище...

...Было чудное тихое утро, когда я в последний раз покидал монастырь, плывя на юг; на Оби чуть-чуть только рябило, и белый храм и монастырь так и отражались на зеркальной поверхности воды; мягкие звуки благовеста наполняли воздух. На колокольне звонила монашенка, и этот благовест словно призывал меня откликнуться на его звук, словно говоря, чтобы я не забыл его там, в России, среди шума и вихря другой, более широкой и шумной жизни...».

Кондинский Троицкий монастырь прекратил свою деятельность в 1924 году.

Кондинская Свято-Троицкая церковь перестала действовать в начале 1930 года.

Люди Коды

Участвуя в походах вместе с казаками, шедшими на завоевывание сибирских земель и установление острогов-крепостей на новых границах Российского государства, кодские князья надолго уходили далеко от дома, неся государеву службу. В это время соседние племена пытались искать «поголовщину», «приходить войной»; как писал Михаил Алачев царю в 1604 году, «и его, и людей его побить насмерть». В ответ на эту жалобу Борис Годунов поручил в том же 1604 году березовским воеводам его, Михаила Алачева, «беречи, чтоб ему и его людям ни от кого тесноты и насильства никакого не было». И действительно, в течение ряда лет «для бережения» кодских князей к ним с «Березова посылалось по 10 человек годовальщиков, русских служилых людей с огневым боем».

Русские служилые люди находились в Коде и тогда, когда здесь был основан монастырь, охраняли его от набегов и грабежей. На всех четырех углах деревянной бревенчатой ограды монастыря были построены сторожевые башни. Военская команда вплоть до конца XVII века располагалась в самом монастыре. В ту пору служилых людей присылали не только из Березова, но и из Тобольска.

Сколько монахов проживало в Кодской Троицкой обители в первые годы ее существования — трудно сказать. Но уже к началу 70-х годов XVII века их вместе с настоятелем Макарием, казначеем Васьяном и бывшим черным попом Василием насчитывалось 27 человек.

Местом ссылки, как и вся Сибирь, Кодский монастырь стал уже в XVII веке. В числе проживавших здесь монахов в описи назван исетский ссыльный старец Варфаломей, а в «хлебне» содержался узник Иван Чекиш.

Из 50 семейств крепостных крестьян, переданных монастырю согласно грамоте царя Федора Алексеевича, данной 18 декабря 1679 года, не все жили в Коде. Большая часть этих крестьян была переселена на реку Исеть в Николаевскую, позднее Кодскую заимку для работы на пашне.

Людей сюда посылали крепких, здоровых, могущих противостоять суровым северным условиям. Таковыми были и крестьяне, присланные в Кодский монастырь для разной работы. Как пишет К.Д. Носилов, это были крепкие, высокие, красивые, опрятные люди. Ссылные же, конечно, были люди разные.

Во время Первой ревизии (1719 год) в вотчинах Кондинского монастыря было учтено 290 душ мужского пола, из которых 206 душ лукавые старцы утаили.

В Кодском монастыре, как и во всей Сибири, люди собирались недюжинные. Так, например, в 1717 году в монастыре принял постриг под именем Феодосий бывший томский комендант Федор Родионович Качанов. Поразительна история его жизни. Сын новгородского помещика, сосланного в Сибирь за причастность к делу о «подметном письме» на царского тестя, Федор Родионович начал свою служебную карьеру томским сыном боярским. Позднее производил перепись в Тобольском уезде, а в 90-х годах XVII века, будучи уже московским дворянином, вел розыск о злоупотреблениях якутских воевод, где вместе со своими людьми попал в засаду на съезде двора Якутска, которую организовал князь Иван Гагарин, наглый взяточник и казнокрад. Три с половиной года держали Качанова и его отряд в засаде, пришлось пережить и штурм, и перестрелки, и смерти соратников от нужды, голода и цинги.

Вырвавшись чудом из засады и добравшись до самого Петра I, Качанов представил ему факты невиданного казнокрадства, в результате чего вскоре был учрежден новый всесибирский сыск. В состав сыскальной комиссии был включен и Федор Родионович Качанов.

Позднее, уже будучи илимским воеводой, Качанов руководил розысками в связи с различными уголовными и политическими преступлениями как в самом Илимске, так и в других городах и острогах — Красноярске, Иркутске, Балаганске, занимался расследованием ввоза и вывоза контрабанды — «китайских заповедных товаров и рухляди» — в Иркутске, Якутске и Нерчинске.

За свою деятельность Качанов Ф.Р. не раз получал награды и похвалы от царя, не раз обращали против него «слово и дело государево». И даже в далеком северном Кодском монастыре не обрел он покоя. В сентябре 1720 года «схимонаха Феодосия» (Федора Качанова) особым митрополичьим указом перевели в Тобольск и определили в архиерейский дом наместником «у судных дел». И снова начались допросы и очные ставки, только теперь со священнослужителями, церковными причетниками, монахами. Скучать было некогда.

Живут и сейчас в Октябрьском Качановы. Возможно, кто-то из них — потомок известного «схимонаха Феодосия» — Федора Качанова.

В Кондинском монастыре побывало в ссылке немало людей, чьи преступления носили идейно-политическую окраску. Так, в 1732 году в связи с «делом Родышевского» Тайная канцелярия арестовала известного русского художника Ивана Никитина и его братьев Романа и Родиона. Иван был выдающимся живописцем и личным портретис-

том Петра I. Пять лет братья томились в казематах Петропавловской крепости. Родиона Никитина, являвшегося протопопом московского Архангельского собора, лишили сана и как лицо духовное в 1737 году сослали в Сибирь в «Коцкой монастырь за караулом, в котором содержать его в монастырских трудах вечно, никуда неисходно». Ивана и Романа Никитиных также сослали в Сибирь. Свободу Родион получил только при Анне Леопольдовне, а уже при Елизавете Петровне из тобольской ссылки вернулись и его братья Иван и Роман.

В 1747 году в Кондинский монастырь прибыл закованный в ножные кандалы бывший абалакский протопоп Авдей Михайлов, которого велено было держать здесь «в покаянии и вечных тяжких трудах... безысходно». Его преступления: блуд, два побега, «ложное в показаниях раскольнических учителей доношение», а также кощунственные и невежливые слова в адрес покойных сибирских митрополитов и «других честных особ».

Немало было за монастырскими стенами урало-сибирских старообрядцев. Это названный выше Иван Ильин, раскольник чернец Иона, носивший в миру имя Ивана Григорьева сына Швалова. В «тяжких трудах» содержался в монастыре с 1756 года поп-расстрига Исаак Рыбин, сосланный сюда за «неприлично чинимые... проступки и дерзости», а также за прелюбодеяние, в том числе с «духовными дочерьми».

Находился здесь и «секретный арестант» — безымянный сержант, для которого приказано было «приготовить... удобное и безопасное место».

Самым беспокойным и непокорным узником в монастыре был с 1768 по 1770 годы Федор Мелес, который, мыкаясь закованным в железные цепи по монастырям и канцеляриям, бесследно исчез.

Затерявшемуся в приобской тайге Кодскому Троицкому монастырю немало беспокойства доставляли в XVIII веке беглые каторжане, поэтому не случайно в монастырских арсеналах хранились фузеи и небольшие пушки.

Летом 1745 года партия колодников, «воров и разбойников», из 50 человек, отправленная из Тобольска в Восточную Сибирь в сопровождении капитана Петра Хрушкова и поручика Петра Беянина, сумела освободиться и, отобрав у караульной команды оружие, устремилась вниз по Оби, в Кондинский монастырь. Почему сюда? Да потому, что в числе этих «воров и разбойников» были монастырские крестьяне Рафайловского монастыря и частично Исетской Николаевской заимки Кодского монастыря, деревень Турушовой, Мостовой и других.

Движение монастырских крестьян началось в 1743 году. Барщинные, оборочные и дорожные работы разорили монастырских крестьян.

ян. Их принуждали отрабатывать повинности по 4 и 5 дней в неделю, рабочий день не нормировался. Хозяйства крестьян пришли в вопиющий упадок.

Восставшие крестьяне Рафайловского монастыря пытались арестовать игумена Исакия. Ему удалось бежать в Исетск. Началось следствие по жалобам и Исакия, и крестьян. Летом 1745 года монастырские крестьяне пришли в «крайнее непослушание и неповиновение» — отказались выполнять барщинные работы: возить в монастырь дрова, косить сено и убирать хлеб, а также от уплаты «подушного и штрафного налогов».

По дороге к Кондинскому монастырю разбойники захватили торговое судно, убив при этом одного из работников и ранив тюменского купца Петра Зубарева. Эта ватага из уголовников и восставших крестьян, миновав Самаровский ям, напала на Кондинский монастырь и разграбила его. Чтобы найти дорогу через Уральские горы и скрыться там, ватажники насильно увели проводника из местных крестьян зырянина Михаила. Зная остяцкий язык, он выспрашивал у местных жителей, на каких тропах поставлены самострелы на лося и медведя, чтобы провести незваных гостей именно этим путем. Никто из ушедших с ним в тайгу не возвратился. Не вернулся домой и сам Михаил.

В 1768 году беглые каторжане вновь напали на Кондинскую обитель, за стенами которой развернулось яростное сражение монастырских служителей и местных крестьян с разбойниками. Руководил битвой случайно оказавшийся здесь сержант Ковалев. Описывая эти события, игумен Маркион жаловался в Сибирскую губернскую канцелярию, что «на каждое лето беглые разбойники, следуя мимо монастыря здешнего к Сосве реке», угрожают его спокойствию, и высказывал беспокойство «дабы со временем на здешней реке... не завелись бы волжские многовредительные разбойники».

Но в Кондинском Троицком монастыре бывали не только те, кто прибывал сюда по принуждению, как ссыльные, или по доброй воле, чтобы найти покой и умиротворение. Бывали здесь и представители церковной и светской власти. Кроме преосвященных тобольских, Антония III — в 1805 г., Евгения — в 1829 г., Георгия — в 1846 г., Варлаама — в 1865 г., Ефрема — в 1873 г., Авраамия — в 1889 г., бывали здесь и генерал-губернаторы Сперанский М.М. — в 1820 г., Хрущев А.П. — в 1869 г., Казнаков Н.Г. — в 1878 г., а также губернаторы Бантыш-Каменский Д.Н. — в 1827 г., Нагибин В.А. — в 1829 г., Деспот-Зенович А.И. — в 1866 г., Лысогорский В.А. — в 1881 г., Троицкий В.А. — в 1886 г. Однако в монастыре от их посещения лучше не становилось. Во второй половине XIX века Кондинский Троицкий мужской монастырь пришел в полный упадок.

Бывали здесь и исследователи — Н.Л. Гондатти, Н.А. Абрамов, К.Д. Носилов и другие.

Шли годы, века, менялись цари на престоле Российского государства. С уходом из жизни очередного царя его ближнее окружение попадало, как правило, в опалу и нередко ссылалось в Сибирь. Борьба за престол шла неистовая, порой кровавая. Происходили ли какие-либо политические события в государстве, направленные против существующего строя, их участники пополняли число ссыльных в Сибирь.

Кондинский Троицкий монастырь как учреждение «градообразующее» способствовал развитию селения Кодск, позднее Кондинск (Октябрьское).

Вначале вокруг монастыря селились монастырские крестьяне, казаки, ямщики. Семья кодских князей, потеряв независимость, покинула Кодск. Кто-то, получив царские милости, перебрался поближе к Москве. Остальные переселились в юрты Нангакор и Незямы. Таким образом, в Кодске в основном оседало русское население. Вдоль берега Оби, к северу и востоку от монастырской усадьбы, образовались две улицы: Нагорная (ныне ул. Ленина) и Никольская (ныне ул. Советская).

В Кондинск были сосланы участники восстания декабристов Андрей Федорович Фурман и Владимир Николаевич Лихарев. 23 марта 1827 года А.Ф. Фурман в санной кибитке въехал в Кондинск и, как писал впоследствии, увидел, что большую часть села занимает усадьба монастыря, а около него — чуть более 20 дворов. В Кондинске Фурман прожил восемь лет, Лихарев — два года. Лихарев В.Н. выпросился на Кавказ и погиб там в сражении с горцами. Фурман А.Ф. умер в Кондинске 8 марта 1835 года, на сороковом году жизни. В Кондинске у него остались двое детей — Николай и Фекла, матерью которых была крестьянская девушка Мария Щепкина.

С открытием в 1860 году паровозного движения по Оби сюда, на Север, устремляются торговцы, купцы-рыбопромышленники, обосновываются в русских селах, строят добротные дома, торговые лавки, рыболовные суда. В Октябрьском и сейчас стоит дом рыбопромышленника Горкушова — красивый, привлекающий к себе внимание. И совсем недавно снесен большой красивый дом Киргизова Е.П. Такие дома до недавнего времени были в селах Шеркалы (Новицких), Малый Атлым (Важенина, Андреева).

На территории бывшего Кодского княжества были образованы две волости: Кондинская, преимущественно с русским населением, и Котская, куда входили юрты по всем протокам и притокам реки Обь, где проживало коренное население ханты и манси.

По списку населенных мест Тобольской губернии (г. Тобольск, 1904 г.) в Кондинскую волость входили:

1. Войхалом, пос. при р. Нягань.
2. Еганокурт, пос. при р. Нягань.
3. Каремпост, пос. при р. Большая Протока.
4. Карымкарский рыбацкий песок при р. Обь.
5. Кондинское. Село при р. Обь. Здесь имелись рыбацкий песок, церковь, женский монастырь, полицейское управление, миссионерская школа, министерское училище, волостное управление, инородческое управление, фельдшер, инородческий хлебозапасный магазин, почтовое отделение, земская станция, резиденция станового пристава, пароходная пристань.

6. Матлымское, село при р. Обь. Здесь имелись рыбный песок, церковь, министерское училище, пароходная пристань, винная лавка.

7. Половинный рыбный песок при р. Обь.

8. Сускурт, пос. при р. Большая Протока.

9. Чемашевское, село при р. Обь. Здесь имелись рыбацкий песок, церковь, церковно-приходская школа, фельдшер, пароходная пристань.

10. Шеркальское, село при р. Обь. Здесь имелись рыбацкий песок, церковь, церковно-приходская школа, фельдшер, полицейское управление, казенная винная лавка, пароходная пристань.

Котская волость:

1. Алешкинские юрты, р. Обь.

2. Ахтинские (Митькинские) юрты на Байбалаковской протоке.

3. Багдашинские юрты, р. Обь.

4. Больше-Атлымские юрты, р. Обь.

5. Васпугольские юрты. Васпугольская протока.

6. Вастьехоевские юрты. Троицкая протока.

7. Вежакорские юрты, р. Обь.

8. Воронинские юрты, р. Обь.

9. Егурьях (Васпугольские юрты) и протока.

10. Емынгорские (Шеркальские, Эстальские юрты, р. М. Сосьва).

11. Ендырские юрты на речке Ендырской.

12. Калтысьянские юрты на Калтысьянской протоке.

13. Кальмановские юрты. Ендырская протока.

14. Кармужиханские юрты, р. Обь.

15. Карымкарские юрты, р. Обь.

16. Кеушинские юрты, р. Обь.

17. Комудвановские юрты, р. Обь.

18. Костинские юрты, р. Обь.

19. Кынинские юрты, р. Обь.

20. Леушинские юрты, р. Обь.

21. Лорбинские юрты, Ендырская протока.

22. Лохтоткуртские (Шеркальские) юрты на Лохтоткуртской протоке.

23. Магылевские (Ендырско-Протошные) юрты на Ендырской протоке.
24. Мало-Атлымские юрты, р. Обь.
25. Маткинские юрты на Троицкой протоке.
26. Мулигорские юрты на Мулигорской протоке.
27. Нагакарские (Егань-Курт) юрты на р. Нягань.
28. Нагагорские (Шеркальские, Эстальские) юрты на р. М. Сосьва.
29. Карымкарские юрты на Карымкарской протоке.
30. Нергинские (Шеркальские, Эстальские, Лыршиковы) юрты на речке Хобынь-Еган.

(Далее по алфавиту. Всего около 70 юрт).

По спискам населенных мест видно, как и где размещалось коренное население ханты и манси и то население, которое прибывало в этот край.

Ссылные по-прежнему пополняли число жителей древней Коды, теперь уже Кондинской волости. Во второй половине XIX века, в 70-е годы, здесь появляются две семьи Лавровых. Можно предположить, что они — одни из сторонников или родственников Петра Лавровича Лаврова (1823—1900), идеолога революционного народничества, участника освободительного движения 1860-х годов. «Лавристы» принимали участие в издании журналов «Вперед», «Народная воля», вели пропаганду среди рабочих, распространяли революционную литературу.

Много ссыльных прибыло после революции 1905—1907 годов: Галишниковы, Устюжанины, Меликадзе, Шмигельские и другие.

Но основу русского населения Кондинска составляли семьи тех, которые были сюда переселены в XVII—XVIII веках и здесь осели прочно, имели уже несколько поколений. К таким можно отнести семьи Паршуковых, Капарулиных, Уваровых, Калагуровых, Рычковых, Быковых, Чупровых, Калачевых и других. Эти фамилии значатся в ревизских сказках конца XVIII и начала XIX веков. Около полусотни семей, предки которых имели эти фамилии, мы найдем и сегодня в р. п. Октябрьское.

Раньше в семьях детей, как правило, называли именами дедов, прадедов или родителей. Взять, к примеру, Паршуковых. Чаще всего в их семьях бытуют имена Павел, Николай, Андрей. И так из поколения в поколение, вплоть до наших дней. В переписных книгах, например, значатся: в 1802 году — Паршуков Николай Павлович, в 1833 году — Паршуков Павел Николаевич, в 1857 году — Паршуков Николай Николаевич и т.д. Люди женятся, рождается новое поколение, но фамилии и имена сохраняются на протяжении веков, так как в прежних семьях всегда было много детей, продолжателей рода.

В 1882 году Николай Николаевич Паршуков женится на Лавровой Надежде Карповне. Одна из дочерей — Ульяна Николаевна — выходит

замуж за Чупрова Сергея Палладиевича. В их многодетной семье растет дочь — Чупрова Мария Сергеевна.

По метрическим книгам Кондинской Свято-Троицкой церкви конца XIX и начала XX веков можно насчитать до 30 имен мужского пола с фамилией Калагуров. Но эту же фамилию можно встретить и в переписях XVIII века. В 1816 году в Кондинске старостой был 30-летний Петр Никифорович Калагуров.

В начале 1880-х годов в Кондинский Троицкий монастырь неизвестно откуда привезли мальчика лет 3–4. Он был якобы сирота, родителей своих не помнил. Священник его вновь окрестил и дал ему имя, фамилию и отчество: Калагуров Варфаломей Иванович. Почему Калагуров? Да, видимо, потому, что в Кондинске эта фамилия очень распространенная. Вдруг кто-то вздумает искать ребенка — попробуй разберись. Имя Варфаломей означает: «сын радости». Радостно ли жилось сироте в монастыре, который в то время приходил в полный упадок? Вряд ли. Но мальчик рос, обучился многим ремеслам, стал непревзойденным мастером по столярному и плотницкому делу.

В 1902 году он ушел из монастыря, добрался до Сургута. Здесь он нанялся в работники к местному торговцу Петру Горшкову. У Петра Горшкова была взрослая дочь Настасья. Молодой батрак Варфаломей и Настасья полюбили друг друга. Не мог такое стерпеть отец и выгнал дочь из дома. Молодые перебрались в Селиярово, там обвенчались и прожили, терпя большую нужду, до 1918 года. В 1918 году семья Калагуровых Варфаломея Ивановича и Настасьи Петровны с тремя детьми — Илларионом, Панкратием и Клавдией — приехала в Кондинск, то есть туда, где Варфаломей рос и провел свои юношеские годы. Здесь Варфаломей Иванович построил для своей семьи большой дом в центре села.

11 октября 1929 года старший сын Варфаломея Ивановича Илларион обвенчался в Кондинской Свято-Троицкой церкви с Чупровой Марией Сергеевной, внучкой Николая Николаевича Паршукова и Надежды Карповны Лавровой. Венчание их в прекрасном Свято-Троицком храме было последнее. В начале 1930 года церковь закрыли.

Калагуровы Илларион Варфаломеевич и Мария Сергеевна — родители автора этих строк.

Вот так переплелись фамилии и судьбы людей, которых в большинстве своем собрал Кондинский Троицкий монастырь.

Кода на языке коренных жителей Севера означает — «срединная земля», т.е. центр. Кода — Кодск — Кондинск — Октябрьское — сегодня центр Октябрьского района, который занимает большую часть территории прежнего хантыйского Кодского княжества. Потомки первых русских поселенцев в Коде и сегодня живут на этой древней Югорской земле.

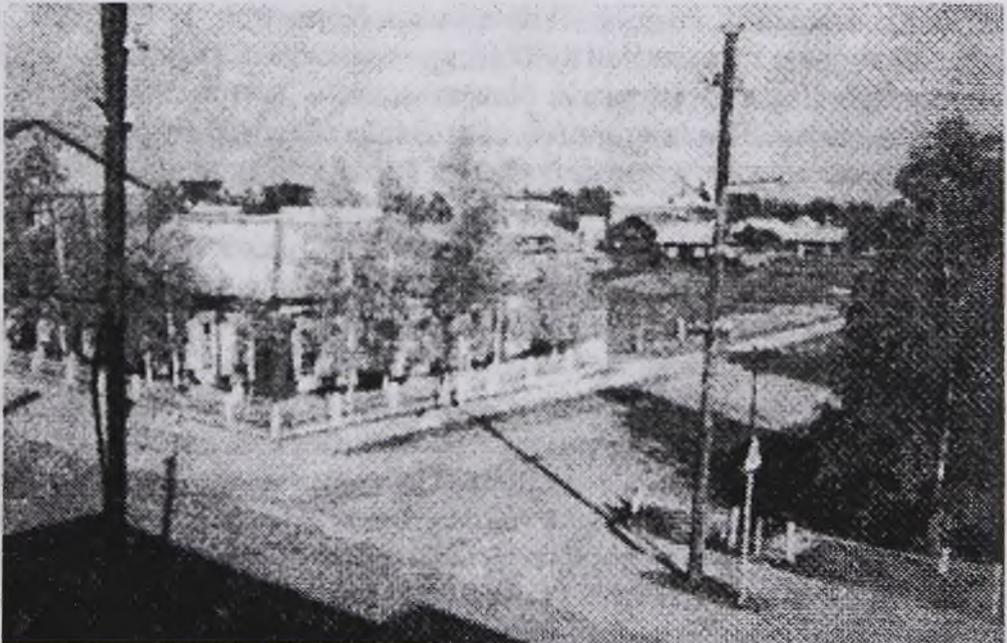
След прошлого

Первое знакомство с этой фамилией может состояться у здания Березовской школы искусств (бывшей музыкальной школы). На нем прикреплена табличка, на которой написано: «Дом купца Плеханова А.С».

Табличка была прибита в 80-е годы, в начале туристического бума на севере Западной Сибири, как знак внимания к русскому деревянному зодчеству конца XIX века. Приехавший как-то искусствовед из Тюмени заметила, что в ажурной резьбе по карнизу этого здания просматриваются норвежские мотивы (пропилины в виде креста). Резьбой с растительными мотивами украшено верхнее полотно наличника, а вместо традиционных для большинства березовских домов «лапок» на нижнем полотне наличника здесь просматривается «глазок».

Ставни с тремя прямоугольниками на каждой ставенке закрывались на длинные тяжелые железные крючья. Традиционная четырехскатная, крытая железом крыша венчает это здание.

Сегодня возле здания исследователю, конечно же, бросится в глаза ручнойковки решетка палисадника. Когда-то она была частью ограждения церкви Рождества Пресвятой Богородицы. К дому А.С. Плеханова

Дом А.С. Плеханова, общий вид здания

ва она была перенесена в тот период, когда в нем располагался районный отдел внутренних дел, после капитального ремонта здания.

Этот купеческий особняк украшал своим фасадом бывшую улицу Базарную, ныне носящую имя Героя Советского Союза Собянина. Сегодня он внесен в число памятников истории и культуры. Внутри здания пять комнат с южной стороны и пять — с северной. С восточной стороны — большой зал. От него в советский период отделен стеной кабинет для директора музыкальной школы. Потолок зала был укреплен арками.

После первого капитального ремонта утрачено крыльцо в стиле ампир. Утрачены амбар, флигель и традиционные для XIX века массивные ворота «под крышей», с толстыми кедровыми столбами. Не стало и печей. Печи-голландки сменили в начале 70-х годов при интересных обстоятельствах, которые стали известны из рассказа бывшего начальника милиции Карсканова. За пару ночей заключенные из медвытрезвителя выкопали траншею от госбанка, что стоял рядом, до здания милиции, а райгаз за два дня проложил трубу и подключил газ. Когда в райисполкоме узнали о подпольном проведении газа, Карсканов получил выговор, но зато в здании стало тепло.

О самом Плеханове Александре Степановиче и его семье очень мало сведений. Немногословные строчки архивов говорят о том, что Александр Степанович был меценатом, давал деньги на лечение и содержание бедных больных в уездной больнице, жертвовал на благосо-

Дом А.С. Плеханова, фрагмент фасада

стояние Воскресенского собора, оплачивал содержание и обучение нескольких учеников уездного училища. Немного словны и памятники на старом березовском кладбище. Есть там небольшая пожелтевшая от времени надгробная мраморная плита, на которой написано: «Младенец Понтелеймон, сын березовского купца А.С. Плеханова, 5 мая 1883 г.». Метрах в пяти от нее севернее — еще такая же плита, но покрупнее, с надписью: «...Елизавета Николаевна Плеханова скончалась в 1892 г...». Остальное не очень разборчиво. Дом же, который построил Александр Степанович, стоит с 1872 г.

За 130-летнюю жизнь стены этого дома слышали немало. Наиболее значимым событием было, пожалуй, следующее. Во время празднования 400-летия Березова в здании музыкальной школы жил митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий с тобольскими семинаристами.

Звуки разучиваемых музыкальных пьес слышны сегодня из окон этого здания. За многие годы школа выпустила немало учеников, дав им начальное музыкальное образование. Бывшие выпускницы этой школы Волненко С.В., Гребенникова С.В., Чагина Т.Г., Кибкало И.А. стали ее преподавателями, а Первова С.Л. — директором. Преподаватели школы участвовали в творческих вечерах, посвященных 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 100-летию Березовской библиотеки, 20-летию открытия Березовского краеведческого музея.

Рассказ об этом здании стал бы неполным без сообщения о попытках найти родственников А.С. Плеханова среди жителей Березова. Недавно в поселковой администрации состоялась по моей инициативе встреча представителей старинных родов города. Валентина Самуиловна Зубкова, в девичестве Силина, рассказала о том, что в ее роду были Плехановы. Плеханова Марфа Евгеньевна — ее родная бабушка по материнской линии, родом из Тобольска, из мещанской семьи. Она была первой женой деда Валентины Самуиловны — Силина Мина Евдокимовича. Ну а Мин Силин, как следует из одного документа, хранящегося в Березовском краеведческом музее, служил приказчиком в винном магазине А.С. Плеханова. Приведем строки из соглашения, заключенного между Плехановым и Силиным при найме на работу: «...Принятые мною вина и питье по выданному от Плеханова реестру обязуюсь я, Силин, продавать оные за наличные деньги, в долг никому не давать, вырученные деньги на свои надобности не употреблять, а по требованию хозяина во всякое время отдавать без недостатка. За все допущенные мною неисправности по виноторговле противу правил, законом установленных, через что если последует штраф, то за оное обязуюсь ответственность я, Силин, нисколько не подвергая к тому Плеханова. Как комнаты здания, так посуда и меры в приличной чистоте быть, с покупателями быть в общении вежливыми, и мне, Силину, на-

ходиться всегда в трезвом виде... За исправное мое служение я, Силин, должен получить с Плеханова двадцать рублей в каждый месяц... Отопление, освещение здания виноторговли, мытье полов, приказчиье свидетельство, столовое содержание должно быть все на мой счет, Силина, а перевозка вина на счет Плеханова... Условие это должно быть сохранено свято и нерушимо, а в противном случае обязуюсь отвечать на основании закона, в том и подписываюсь. Березовский мещанин Мин Силин. Березовский купец А. Плеханов». Соглашение составлено 28 апреля 1888 г.

Валентина Самуиловна Зубкова долгое время проработала в Березовском загсе. В нем и по сей день хранятся церковные книги с записями о рождениях, смертях, вступлении в брак жителей Березова с середины XIX века. Благодаря этому она сумела восстановить родословную своей семьи. В одной из книг написано: «Тобольский мещанин Евгений Михайлович Плеханов умер в 1876 г. от горячки». Бабушка В.С. Зубковой по отчеству Евгеньевна, следовательно, это ее отец — А.С. Плеханов и Е.М. Плеханов, по всей вероятности, были родственниками. Подтверждением этому могут служить записи о рождении. У Силиных в качестве крестных при крещении их детей постоянно выступали Плехановы. Среди сохранившихся записей есть еще и такие: Александр Евгеньевич Плеханов вступил в брак с Ростовщиковой Марфой Семеновной, Ефим Александрович Плеханов родился в 1890 г., березовская казачья дочь Матрена Михайловна Плеханова умерла 2 марта 1876 г. от чахотки. Возможно, где-то есть и прямые продолжатели рода А.С. Плеханова.

Строки эпитафии к этой статье высечены на мраморе памятника А.М. Буторину, который стоит на березовском кладбище. Он в свое время завещал 50000 рублей на строительство кирпичной школы-церкви для девушек, которая и сегодня стоит в Березове в качестве начальной школы. Да не оскудеет рука дающего!

*Валентина Фарносова,
госинспектор по охране памятников*

Записки чиновника

В конце 1999 г. в государственном архиве Омской области в фонде генерал-губернатора Западной Сибири удалось обнаружить несколько записок чиновника Алексея Титова — земского заседателя Кондинского участка Березовского округа. Первая из них была составлена 22 ноября 1877 г., называлась она «Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае». За ней последовали другие: «О значении Самаровской ярмарки для Березовского края», «Обдорская ярмарка. По рассказам очевидцев и деятелей», «По поводу вопроса о Самаровской ярмарке».

Тексты определенно свидетельствовали в пользу автора — видно было, что это человек чуткий к народным нуждам, наблюдательный, думающий, неторопливый в своих выводах — и так и просились «на свет». Но как публиковать их, если нечего сообщить об авторе?

Только в следующем году в Тобольском архиве были найдены скупые строки биографии, и тогда же отыскиались и некоторые газетные публикации, сообщавшие о нем.

Формулярный список¹, составленный 29 июня 1880 г., представляет нам Алексея Васильевича Титова уже зрелым, 45-летним служащим. Родился он в семье мелкого чиновника. В Тобольском полубатальоне военных кантонистов обучился межевому делу и выдержал экзамен по программе, установленной для занятия должности землемера по ведомству Министерства юстиции. В службу вступил 8 ноября 1849 г. младшим чертежником в Тобольскую чертежную. В 1851—1852 гг. командировался во временную межевую партию Сибирского казачьего войска, откуда был возвращен в губернскую чертежную. За усердие к службе получал денежные награды, в 1858 г. заслужил права личного почетного гражданина. В 1868 г. губернатор назначил Титова столоначальником одного из отделений Тобольского общего губернского управления, и ему пришлось оставить межевое дело. Через три года был переведен на службу в Курганский округ, а 8 марта 1873 г. отправлен на север земским заседателем (полицейский чиновник окружного масштаба) в село Кондинское Березовского округа.

С этого назначения и начался для Титова период, в котором им были выполнены весьма ответственные поручения губернского на-

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 187.

чальства и подготовлены отложившиеся в архивах записки. По всей видимости, не случайно этот период совпал со временем, когда Западно-Сибирским генерал-губернаторством управлял Н.Г. Казнаков (1875—1881), повсюду искавший прогрессивно мыслящих и дельных работников. Ведь именно в Омске, а не в губернском центре Тобольске сохранилась большая часть найденных записок Титова. Ниже мы увидим, что были случаи, когда Алексей Васильевич прямо обращался к генерал-губернатору, минуя тобольского губернатора, через его голову. Трудно себе представить, чтобы чиновник столь невысокого ранга мог позволить себе это без санкции начальства. Бросается в глаза еще и то, что по характеру изложения и даже по заголовкам некоторые из этих текстов мало похожи на официальные доклады: они вольнее в изложении информации, не столь последовательны, автор позволяет себе публицистические нотки. Все это дает основания предполагать их полуофициальный характер.

Постоянно находясь по своей должности заседателя среди местного населения — как русского, так и инородческого, — Титов ясно увидел болевые точки народного быта. Экономическое положение Березовского округа было незавидным. Опустошительные лесные пожары подорвали пушной промысел, составлявший прежде основу благополучия края.

Место пушнины в качестве главного товара заняла рыба. Но, как и пушнину в прежние годы, промышленник не вывозил рыбу для продажи, а ждал покупателя на месте. На это были свои причины, и главное — огромное расстояние до ближайшего крупного рынка — Тобольска и отсутствие надежного и удобного транспорта. Это ставило северянина в зависимость от приезжего скупщика, который диктовал свои цены, и в результате рыба сбывалась очень дешево. Конечно, северяне не оставались пассивными вздыхателями о своей незавидной доле, а искали новые зимние транспортные пути и пытались осваивать новые рынки, но все это были очень трудоемкие и маловыгодные варианты.

Березовский край вынужден был взывать к губернскому начальству, чтобы оно повернулось лицом к его проблемам. Одной из таких попыток стала записка А.В. Титова «О значении Самаровской ярмарки для Березовского края», подготовленная в мае 1878 г. Автор был уверен, что экономическое положение вверенного ему Кондинского участка Березовского округа значительно улучшит учреждение Самаровской ярмарки, которая даст возможность для сбыта добытой на севере рыбы в начале зимы. Такое предложение подавал еще в 50-е годы XIX в. березовский военно-окружной начальник Г.А. Колпаковский, но после его отъезда на другое место службы дело остановилось. А.В. Титов вернулся к этому проекту, заново обосновав его. Не остано-

вившись на этом шаге, в декабре 1878 г. он пишет еще одну записку — «По поводу вопроса о Самаровской ярмарке», прямо утверждая, что учреждение ярмарки затягивается по причинам бюрократического свойства, а также из-за сопротивления наиболее богатых самаровских крестьян, чьи экономические интересы расходились с интересами населения низовьев Оби.

Ярмарка в Самарово не была учреждена. Но в том, что проект А.В. Титова имел под собой серьезные основания, убеждает следующий факт. Летом 1893 г. газета «Сибирский листок» в разделе «Городская хроника» сделала сообщение о поступившем в Тобольскую городскую думу предложении об открытии осенне-зимней ярмарки в Тобольске. Аргументы автора были те же: изобилие рыбного товара в северных округах в начале зимы, трудность его сбыта и, следовательно, выгодность ярмарки для товаропроизводителей. Разница лишь в том, что путь северян до ярмарки, если бы она открылась, удлинялся на несколько сотен километров.

Одну из корневых причин отсталости края и медленности преобразований Титов видел в неграмотности населения. Сам пробившийся из низов общества и приобретающий знания не столько за школьной партой, сколько самостоятельно, он считал неременным условием прогресса Тобольского Севера народное просвещение. Это хорошо видно по первому публикуемому в сборнике тексту — «Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае».

Очень насыщенным событиями для А.В. Титова стал 1879 год. 4 января он был определен в штат Тобольского общего губернского управления, а уже 21 января губернатор В.А. Лысогорский поручил ему исследовать местность от Тобольска до Самарова на расстоянии 550 верст в связи с предполагаемым соединением этих пунктов телеграфной линией. Он должен был собрать подробные статистические сведения о торговых и промышленных оборотах Самарова и окрестных местностей, составить маршрут предполагаемой линии с обозначением населенных пунктов и, в конечном счете, дать заключение о возможности или невозможности прокладки линии.

Поручение было выполнено своевременно. Алексей Васильевич представил губернатору не только подробную объяснительную записку, но и письма самаровских торгующих крестьян, согласных сделать пожертвования на устройство телеграфа. 27 апреля в статье без названия, помещенной в «Тобольских губернских ведомостях», К. Г[олодник] писал: «Из собранных по этому делу губернатором через особо командированного Его Превосходительством чиновника сведений видно, что к устройству телеграфного сообщения на вышеозначенной местности значительных препятствий не представляется, а торго-

вое и промышленное сословия в сочувствии своем к столь полезному предприятию изъявили уже желание содействовать ему своими пожертвованиями. Так, крестьянин Николай Шеймин предложил построить на собственный счет для телеграфной станции в с. Самаровском деревянный дом с необходимой для него мебелью; крестьяне Земцов, Башмаков, Протопопов и Мотошин жертвуют каждый по 100 руб., братья Кузнецовы, Мурин и Кайгородов 90 руб.». Заметим, что вопрос о прокладке телеграфной линии до Самарово получил практическое разрешение лишь тремя с лишком десятками лет позднее.

Не успев как следует передохнуть, Титов был снова отправлен губернатором на север — на этот раз для собирания сведений о мирских сборах с крестьян и инородцев и расходах из мирских капиталов по Тобольскому, Березовскому и Сургутскому округам. Рапорт о выполнении этого задания он представил 12 февраля.

Весной коллежский асессор Титов направил в Омск в Главное управление Западной Сибири записку о злоупотреблениях по народному продовольствию в Березовском крае¹, в которой указывал на то, что Березовское полицейское управление допускает на должности смотрителей и вахтеров запасных продовольственных магазинов людей, стремящихся на эти места единственно с целью наживы, отсюда — искажения отчетности и растрата муки смотрителями и вахтерами в свою пользу. Генерал-губернатор Н.Г. Казнаков сделал запрос тобольскому губернатору и просил сообщить о мерах, которые будут приняты. Разбирательство продолжалось несколько лет. К сожалению, в архивном деле нет сведений о его результатах.

Летом этого же года умер сургутский окружной исправник Немцов, и для временного исправления этой должности был послан все тот же Титов. Здесь судьба уготовила ему серьезное испытание. Осенью 1880 г. ледостав на Оби наступил необычно рано, и в пределах Сургутского округа, на огромном расстоянии, начиная от границы с Нарымским краем почти до Самарова, в малонаселенных местах, были остановлены скоплениями льда сразу 8 пароходов с торговыми грузами, почтой, а главное — пассажирами и экипажами. Создалась чрезвычайная ситуация. Необходимо было срочно освободить людей из ледового плена и доставить в близлежащие населенные пункты, что и сделал исправник Алексей Васильевич Титов, проявив завидную распорядительность. Пассажиры почти всех этих пароходов были размещены в Сургуте по квартирам, заболевшие получили помощь. О действиях исправника писали «Тобольские губернские ведомости» в № 49 за 1880 год.

В Сургуте А.В. Титов служил более двух лет. Здесь он 28 августа 1881 г. закончил записку на все еще занимавшую его тему — «Ярмарка в

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 39. Д. 193.

с. Самаровском Тобольского округа и значение ее для Березовского края и уральских горнозаводских местностей Пермской губернии».

В конце 1881 г. Титов был переведен из Сургута окружным исправником в Туринск¹, а оттуда через два года переехал в Тару на должность окружного судьи. По «Адрес-календарю Тобольской губернии на 1888 год» установлено, что до этого времени он служил в Тарском окружном суде, но на момент издания календаря должность была уже вакантна. Узнать что-либо о дальнейшей судьбе этого незаурядного чиновника пока не удалось.

Ниже публикуются записки А.В. Титова «Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае» и «Обдорская ярмарка. По рассказам очевидцев и деятелей». Оба текста подвергнуты небольшим изменениям — приведены к современным нормам орфографии и пунктуации. Вставленные недостающие слова заключены в квадратные скобки. Подстрочные примечания, помеченные звездочками, принадлежат автору.

¹ Тобольские губернские ведомости. 1881. № 47.

Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае

Если мы, запрягая в колесницу цивилизации все наличные средства, чтоб поскорее двинуть ее по пути прогресса, будем в то же время представлять этому поезду равносильные противовесы — тормозы, то, естественно, он не пойдет, не двинется вперед. В таком виде представляется распространение реформ в Березовском крае, предложенных правительством в настоящее время для Западной Сибири вообще. Березовский край с его полудиким инородческим населением находится перед другими местностями, населенными крестьянами и другими сословиями, совершенно в особом, исключительном положении и требует для привития реформ иных способов и иных условий, [чем те], какие могут быть употреблены для этого в других местностях. Здесь привитие одной реформы, безусловно, зависит от другой, а эта последующая — от третьей и т.д.

Например, распространение ссудо-сберегательных касс между населением края, представляющееся настолько необходимым, что вместе взятые местности других округов не могут представить причин более важных, чем этот малолюдный край, — не может быть осуществлено настолько, насколько желательно и потребно для жителей, и собственно не потому, чтобы не желали этих учреждений и не понимали всей их важности и полезности жители, хотя в большинстве и инородцы, а именно потому, что не только в среде их, но и во всем крае нет грамотных людей, способных занять обязанность бухгалтеров при кассах*. В этом отношении Березовский край представляется хуже беспомощного нищего: он имеет самый убогий процент грамотных, и таких грамотных, которые умеют читать и писать настолько, чтоб подписаться за неграмотных. Здесь нет даже достаточного числа таких людей, которые могли бы занять должности волостных писарей и их помощников в малолюдных волостях, так что при открывшейся вакансии в каком-либо волостном правлении всегда является затрудне-

* При кассе ссудо-сберегательного товарищества Елизаровского (крестьянского) обязанность бухгалтера на первое время принял на себя член этого товарищества — волостной писарь, устав же Кондинского еще не утвержден правительством, и кандидата на должность бухгалтера пока в виду не имеется.

ние в приискании кандидата, и за неимением лучшего необходимость заставляет замещать эту вакансию малограмотным, не знающим дело лицом, а в противном случае пришлось бы запереть на замок канцелярию волостного правления.

В видах избежания кризиса и чтоб не часто встречаться с затруднениями в приискании кандидатов, местные операторы, не думая о естественных причинах, от которых являются эти затруднения, придумали лечить этот недуг домашними паллиативными средствами по способу крыловского Тришки, и именно сокращением должностей писаря, возлагая делопроизводство нескольких правлений на одно лицо. По этому новому способу Кондинское крестьянское волостное правление и Котская инородная управа стали иметь одного писаря, Ляпинская и Сосвинская — тоже, Казымская, Подгородная управы и городское крестьянское правление — одного.

Но прежде чем явилось это преобразование, была принимаема местным управлением еще одна мера, а именно напечатана была в «Губернских ведомостях» реклама, вызывающая желающих занять должности волостных писарей в Березовском крае. Но эта мера оказалась недействительною, потому что суровый пустынный край с его лишениями привлекает к себе только эксплуататоров, а не канцелярских тружеников, предоставляя первым все способы наживы, а последним оставляя лишь такое обеспечение за труд, которого не устранился бы разве только убогий нищий, видя в нем постоянный насущный кусок ржаного хлеба.

Реклама эта заключала в себе следующее, хотя и не теоретическое содержание: желающие занять должность писаря должны быть совершеннолетние, не судимые, трезвые, с хорошим поведением, вполне честные и знающие канцелярский порядок и делопроизводство; кроме того, кандидаты на писарей инородных управ должны быть знакомы с уголовным и гражданским судопроизводством, так как этим учреждениям предоставлено законом право решать дела и производить исследования о всех кражах, даже со взломом, учиненных инородцами в своих улусах и кочевьях, а также и о самоубийствах, случайных смертях и проч., кроме важнейших, указанных в законе. За исполнение писарской обязанности положено от казны годовое содержание в волостных крестьянских управлениях Елизаровском, Кондинском и городском — по 150 рублей, в инородных управах Котской и Казымской — по 100 руб., а в Ляпинской, Сосвинской и Подгородной — по 60 рублей. Кроме того, писари обеспечиваются на собственный свой счет квартирой, отоплением, освещением и столом. При чем желающие предупреждаются, что за неимением при зданиях волостных управлений и управ квартир для писаря им весьма трудно будет отыскать таковую у

жителей*. Само собой разумеется, что подобная реклама, столь много требующая от кандидатов и ничего не дающая взамен, не могла не остаться «гласом вопиющего в пустыне».

Что же касается до последующей меры, сокращения писарских должностей, то и она недолго просуществовала в своем первообразе без требований дополнения. По сосредоточении делопроизводства двух или трех волостей на одном лице само собой разумеется, что и труд этого лица увеличился настолько же и потребовал найма помощника, так как писарь стал более часто и долговременнее отлучаться от канцелярских занятий по другим обязанностям службы: то с волостным старостой, то со старшиной инородной управы по районам их управлений, которые, как, например, по Кондинской волости и Котской инородной управе, заключают в себе протяжения первый на 155 верст, а последний около 500 верст**. Кроме же такой разбросанности населения районы эти заключают в себе еще несколько рыболовных песков; например, по Котской волости их имеется до 18, которые почти все отдаются инородцами в арендное содержание иногородним и местным рыбопромышленникам и во время лета, наполненные наплывом рабочих людей с разных мест и сторон, представляют собою бойкие населенные пункты, требующие часто временного присутствия местной полиции: то для поверки рабочих против билетов, то для генеральной поверки торговли, то для исследования происшествий и т.п...

В зимнее же время, кроме краткосрочных отлучек, писарь отвлекается от канцелярских занятий с половины ноября по 25 число декабря по сбору с крестьян податей и с инородцев ясака. Затем все остальное время писарь, занимаясь обыкновенным текуществом, ведет еще и маклерскую часть, которая, в особенности по Котской управе, весьма значительна, так как ежегодно свидетельствуется разных денежных документов более 200. Так, например, в 1875 году было засвидетельствовано управой с взятием пошлин и с записью в маклерскую книгу 221 документ на сумму 7592 рубля***. Из очевидной необходимости, нанявши помощника, писарь должен был разделить с ним и увеличившееся жалованье (250 руб.) и таким образом остался почти ни при чем, так как он, занимая должность писаря по одной только Кондинской волости, получал более (150 руб.), чем исполняя обязанность по

* Участковый заседатель в отношении квартиры поставлен в те же условия.

** Районы остальных волостей и инородных управ Кондинского участка, как-то Елизаровской — 85 верст, Ляпинской — более 300 верст, Сосвинской — более 500 верст, Казымской — до 350 и Подгородной — до 40 верст.

*** Эта почтенная цифра 7592 рубля, выражающая инородческий кредит, осязательно показывает, насколько необходимы и важны для инородцев Котской волости ссудо-сберегательные кассы, которые избавили бы их от зависимости [от] эксплуататоров.

двум, а потому, не желая в ущерб себе нести принятую им обязанность, подал отзыв, чем и поставил в прежние заботы тех, кто лечил больного не радикальными средствами...*

Но случай помог, и кандидат нашелся, но только уже сам предложил условия, а именно потребовал прямое и верное обеспечение, как себе, так и помощнику, в цифре 500 рублей, т.е. двойное положенного от казны. Видя безысходность положения, операторы, наученные горьким опытом, должны были согласиться на эти условия и все-таки, не затрагивая коренных, веками созданных причин, обратились за прибавкой к волостным обществам, предоставив им право назначить от себя добавочное жалование писарю, что и было исполнено.

Казалось бы, на первый взгляд, дело это покатилося как по маслу и успокоило операторов, которые, поспешив поздравить себя с успехом, забыли пословицу, что «не так живи, как хочется, а как Бог велит». Казенная палата, разрешая представление и следуя раз принятому по этому предмету распоряжению по губернии вообще, подчинила оному и находящийся в исключительном положении Березовский край и урезала просимое пособие наполовину, не предвидя при этом, что лицо, принявшее добровольно на себя обязанность писаря, [не] будет согласен на такое уменьшение платы за его труд, чем и вызвала новый отзыв и старые заботы в приискании кандидата.

Из этого экономного распоряжения палаты можно положительно заключить, что ей совершенно неизвестен Березовский край, в котором нужно искать грамотного днем с фонарем, как Диоген искал совершенного человека, и что это вековое безграмотное состояние его, так резко отразившееся на требованиях нынешнего времени, что даже стало тормозить не только вводимым реформам к поднятию уровня экономического быта, но даже и правительственным учреждениям, угрожая сим последним закрытием по ненахождению кандидатов на должности делопроизводителей.

Если уже действительно палата настолько незнакома с Березовским краем (что, впрочем, и неудивительно, палатской ревизии или обзора благоустройства край не помнит), то неужели не могли привлечь ее внимание цифры содержания писарям волостных правлений, назначенного в то давно прошедшее время, когда существовало еще «кормление от мест», как-то: 60, 100 и даже 150 руб., и не привести к заключению, что означенное содержание не может соответствовать требованиям нынешнего времени и удовлетворить потребностям самой скудной жизни, ибо подобная плата за труд уже не стала удовлетворять простого хорошего работника, который, взявши с хозяина годовую плату от 60 до 100

* Сложивший с себя обязанность писаря по недостаточности платы за труд был калека, лишенный всех пяти пальцев правой руки и плохо знающий дело.

рублей при хозяйской квартире и содержании, выговаривает себе еще и необходимую одежду, соответственную времени года.

Приведенные цифры вознаграждения за писарский труд должны быть приняты во внимание при одном взгляде на них еще тем более потому, что обязанность писаря при настоящем положении вещей является уже ни для кого не обязательной и совершенно зависящей от желания посторонних лиц принять или не принять на' себя эту обязанность. Хотя в основе ее и лежит выборное начало, но оно в большинстве случаев находится в пассивном состоянии, ибо волостные общества по безграмотности своей не в силах дать из среды своей прямого кандидата и при встретившейся необходимости ждут и ждут, пока не явится желающий, а при указанных выше обстоятельствах, пожалуй, и не дождутся.

Такому безграмотному состоянию Березовский край обязан вниманию местного управления и казенной палаты. Последняя, разделяя находящиеся в ее распоряжении специальные суммы на народное образование по всем округам, забыла совсем о Березовском, а местное управление напомнило ей об этом только лишь в 1872 году, когда наступал уже кризис и стали сосредоточивать делопроизводства волостных правлений на одном лице, палата открыла приходское училище в селе Сухоруковском Елизаровской волости. Однако ж и это единственное во всем округе народное училище (кроме двух миссионерских школ) не принадлежит инициативе ни местного управления, ни казенной палаты, а в основе его лежит благотворительность частного лица, которому обязан Березовский округ за ту частичку грамотных, имеющих в среде крестьян и инородцев, кроме меньшинства, данного миссионерскими школами.

Первоначальное открытие в селе Сухоруковском училища принадлежит покойному Василию Васильевичу Сургутскому, к давно забытой деятельности которого грешно бы было в данном случае не отнестись с должным сочувствием и не почтить память этого простого, почти малограмотного русского человека, добрым словом рассказав краткую биографию его перед теми, кто в настоящее время глубоко сочувствует народному образованию и всецело преданы этому святому делу.

Покойный Василий Васильевич, как рассказывают его современники и как свидетельствуют памятники его деятельности, был в высшей степени живой, энергический и выше своего времени человек. В 40-х годах, будучи лет тридцати, не более, он вел довольно большую и удачную торговлю пушным товаром, который приобретал в Березовском округе. Вращаясь по своим делам по большей части среди крестьян и инородцев, охотников-звероловов и рыбаков Березовского края,

он и в то темное еще для края время провидел, что для лучшей будущности оного нужны радикальные реформы, нужно пробить, хотя и с великим усилием, окно, через которое бы пробился светлый луч цивилизации. Но достигнуть что-либо подобное в то время было если не совсем возможным, то совершенно трудным делом.

Под влиянием своих светлых идей и окружающей темной обстановки он вздумал частным путем сделать что-нибудь полезное для края и начал именно с главного — принялся за распространение грамотности в народе как среди инородцев, так и крестьян. Он открыл одновременно на свой счет три бесплатные школы, а именно в селах Мало-Атлымском, Сухоруковском и Самаровском (в последнем — как пограничном с Березовским округом и месте его жительства). Нанявши помещения для школ, омебелировав их и заручившись согласием учителей, он вошел в сношение с московскими книгопродавцами, которые и стали доставлять ему все необходимые учебные пособия. Прямыми сотрудниками по открытым школам были местные причты. Но недолго существовала (лет пять) полезная деятельность Василья Васильевича, смерть рано уложила его в могилу. Широкая энергическая натура, жаждущая простора, света и истины во мраке того времени, скоро разбилась о подводные камни моря житейского.

Из основанных В.В. Сургутским школ остались и превратились в правительственные только две — Самаровская и Сухоруковская, последняя с 1972 года, почти через 30 лет после ее образования, а Мало-Атлымская и поныне находится только лишь в проекте ее возрождения*.

Сколько ни трудно было в старое темное время достигнуть что-либо в этом роде, то и в настоящее светлое, при всех искренних заботах и настояниях правительства, дело народного образования в Березовском крае идет не гигантскими шагами, что видно из последствий возбужденного вопроса о возрождении Мало-Атлымского училища. Казенная палата по рассмотрении представленного на ее разрешение приговора прихожан Мало-Атлымской церкви, частью крестьян и большею половиною инородцев, составленного в декабре прошлого года о желании иметь в селе Мало-Атлымском приходское училище на тех же основаниях, на каких открыто таковое в селе Шеркальском, т.е. на счет казны, постановила возвратить приговор составителям и объявить им, что если они желают иметь в своем приходском селе училище, то обязаны, согласно общему распоряжению по губернии, кроме

* В селе Сухоруковском в настоящее время имеется грамотных, учившихся в школе Сургутского, до 15 человек, в селе Мало-Атлымском и окрестных юртах 19 человек, из них 9 человек инородцев. По разным юртам Котской управы имеется грамотных инородцев, учившихся в Кондинской миссионерской школе, открытой в 1845 году, — 25 человек.

постройки на их счет здания принять и будущие расходы по оному, как-то: ремонтровку, отопление, освещение и наем прислуги, и с этими условиями составили бы новый приговор.

Казенная палата, поставив такие условия к открытию училищ, снова предоставила Березовский край самому себе, тому же мраку, какой существует целые столетия, ибо трудно ожидать, в особенности от полудиких туземцев, сознательных жертв на свою грамотность. Иноходец во всю свою жизнь привык иметь все казенное: у него и хлеб, и соль, и охотничьи припасы, и медикаменты для лечения, и здания для помещения их казенные, и даже самые церкви устроены для них на счет казны. Хотя на первые перечисленные потребности и употребляется его же капитал, но так как он этим капиталом не распоряжается и не знает даже цифр его, то и признает казенным*. Что же касается до последних, т.е. церквей (хотя и построенных не на счет инородцев и без их желания, как необходимость), то он, находясь к ним в таком положении, что если бы представили ему, как в данном случае об училищах, на его свободную волю, иметь или не иметь их у себя, недолго стал бы думать над выбором, и в одну ночь их бы не стало, шаманы сделали бы свое дело.

Чтоб провести еще более резкую черту между требованием от инородца свободной воли в отношении его грамотности и его духовным развитием, мы приведем здесь выдержку из записки, представленной преосвященному Ефрему, епископу Тобольскому, по поводу устройства при приходских церквях походных церквей. В записке этой изложено между прочим следующее:

«Инородцы, считаясь по крещению православными, не могут без посторонней помощи не только научить своих детей, но и дать им хотя малейшее понятие о воспринятой ими христианской религии: они сами стоят не на твердой почве, ибо не знают самых первоначальных правил религии, в особенности обитатели западной и восточной частей, не говоря уже о северной половине округа. Между тем это уже X поколение первых христианских инородцев».

Я в продолжение пятилетнего моего пребывания в южной половине округа никогда не видел в Сосве, Ляпине и Казыме, чтоб инородец,

* В видах всего этого и расходы по училищной части могли бы быть отнесены к таким источникам, которые, принадлежа инородцам, не находятся в прямом их распоряжении, как, например, их экономический капитал (более 12000 руб.), проценты с которого могли бы вполне удовлетворить всем требованиям по этому предмету даже на три училища в инородческих пунктах, как-то в селах Мало-Атлымском, Шеркальском и Чемашевском. Капитальная же сумма, увеличиваясь ежегодно от остатков ясака, дала бы возможность на открытие училища и в других инородческих пунктах.

в особенности остяк, когда-либо молился или, правильнее сказать, крестился в отсутствие священника, хотя в каждой юрте есть, только как вывеска христианского жилища, образок.

Бродя и кочуя по разным отдаленным местам своих лесов и тундр, инородец редко видит своего пастыря, и едва ли не один раз в год — во время положения ясака. Уединенный, он идолопоклонствует, исполняя свои древние обычаи, не постует, не говееет, умирает без исповеди и зарывается в землю, как животное, без отпетия; он не брачится духовным браком, а, соединяясь с женщиной, живет с ней до тех пор, пока не надоест. В последнем случае он оставляет ее — берет себе другую. Безбрачная жизнь инородца, непонимание и неисполнение им христианских обязанностей (кроме крещения) находится в прямой зависимости, как я наглядно убедился, от слабых средств, какими располагают приходские священники, и от степени их образования и искренней преданности Святому делу. Самые необходимые христианские обязанности выполняют только те инородцы, которые живут поблизости их приходских церквей.

С первым посещением Березовского края в 1873 году преосвященным Ефремом дело христианской религии вышло из своей апатичной неподвижности. На далеких окраинах инородческого кочевого населения, в сборных пунктах инородцев для положения ясака появились храмы и молитвенные дома, а некоторые существующие получили лучшее обновление. Старое священство, родичи березовские, за смертью их, заменено по большей части молодым, с богословскими познаниями священством. Некоторые из них хотя и не имеют богословских познаний, но по практичности своей вполне соответствуют своему назначению.

В прежнее патриархальное, хотя и не так старое время, как говорит предание, исповедные записи были наполняемы именами инородцев, заплатившими за запись несколькими белками, а не действительно бывшими на исповеди и у Св. Причастия, а за тридцать лет назад даже родившиеся таким образом крещены, т.е. одной лишь записью. И теперь помнят инородца «Марью», записанного этим женским именем в метрике Сосвинской церкви.

Нынешние новые пастыри не только не позволяют себе ничего подобного, но стараются наполнять исповедные листы именами своих прихожан, действительно бывших у Св. Причастия, и чтоб достигнуть большого числа таковых, они в Великий пост отправляются, согласно указаний преосвященного Ефрема, на места жительства инородцев и там отправляют богослужение, причащая исповедников запасными Дарами, чему я был очевидцем не один раз в приходах Мало-Атлымском и Чемашевском. Этим способом священнослужители до-

стигли в настоящее время в своих запущенных приходах до желанных результатов: ни один инородец не остался не исполнившим этих великих христианских обязанностей.

Насколько были запущены березовские приходы вообще, свидетельствуют следующие весьма важные факты. Десять лет тому назад, до приезда нынешнего священника, было совершено в Мало-Атлымской церкви собравшимися прихожанами-инородцами ветхозаветное жертвоприношение — заклание жеребенка. Когда же новый священник Чемашевской церкви о. У., следуя тем же указаниям преосвященного, стал призывать в праздничные дни инородцев-прихожан в церковь на молитву и обязательно требовать, чтобы они ни под каким видом не брачились вне церкви и исполняли бы все по возможности христианские требы, то встретил со стороны их упорный протест на эти, по их понятиям, нововведения. «У нас до тебя жил о. Павел 30 лет, да никогда этого не требовал, а ты только что приехал и заводишь какие-то новости». Так возражали о. У. на первых порах пасомые им овцы. Много трудов и усилий потребовалось со стороны о. У. для того, чтоб привести свою одичалую паству к должному порядку. Он все сожительные браки перевенчал в церкви, и при этом были и такие случаи, что сын с отцом одновременно венчались.

Чтобы усилить эту похвальную деятельность священнослужителей Березовского края и получить еще более и скорее существенные результаты в духовном развитии инородцев, необходимо увеличить средства к этой деятельности и именно пополнить необходимый для пастыря требник походною церковью.

Введение этой новой реформы в деле утверждения христианства в Березовском крае, а в особенности в западной и восточной частях оного — в Сосве, Ляпине и Казыме, — представляется самой существенной и настоятельной необходимостью. Приходы этих частей, растянутые на обширных пространствах, заключают в себе прихожан — кочующих и бродячих инородцев, которых сзывать в их приходские церкви с расстояний от 300 до 500 верст для исполнения всех христианских обязанностей не представляется возможным, а тем более сзывать словом и таких прихожан, которые не понимают разумно, во что они веруют и что исповедуют. А чтоб приблизить их понятия о воспринятой ими религии и отучить их от старых языческих преданий, необходимо преследовать их шаг за шагом неустанно с св. походной церковью.

Народ, постоянно обитающий в лесах, — единично-чувственный народ! Ему необходимы вещественные обрядности религии. Если б в нем было более духовных элементов, он не веровал бы в болванчиков и не признавал бы в них добра и зла.

С большим развитием в инородцах духовных начал они очистятся от предрассудков и внесут в свой семейный быт более чистые и нравственные элементы. Религия спасет их от постепенного уменьшения их рода, а гражданские реформы возвысят уровень их экономического быта. Все же эти вместе взятые великие силы поставят Березовский край в недалеком будущем в самое лучшее положение.

Желательно бы верить, что это лучшее будущее действительно не так далеко для края, но ввиду тех ненормальных явлений, ставших в настоящее время общим тормозом всякого движения, не исключая даже и религиозного развития инородцев, едва ли возможны какие-либо ожидания.

Включив здесь в общий итог дело религиозного развития инородцев, мы покажем и причину, по которой, несмотря на принятые уже меры по скорейшему движению, дело это неожиданно остановилось настолько, что все деятели — местные священники — оказались бессильными помочь этому делу, потому что их лишили единственной, по местным условиям, возможности к передвижению по их приходам от улуса к улусу, от кочевья к кочевью, разбросанных по громадным пространствам, — воспрещением брать для переездов обывательские подводы. А как особых приходских подвод нигде не учреждено и священники особых средств для этого не имеют, то и принуждены сидеть в своих селах, ограничиваясь одними богослужениями при церквях, предоставив своих прихожан-полуязычников заботам их языческих шаманов.

Заканчивая нашу заметку, мы приведем буквально слова почтенного инородца юрт Воронинских Косьмы Ангытова, метко обрисовавшего положение Березовского края: «Почем знает земский суд, что нам надо? Мы не просим, а ему где знать, у земского суда и своих дел много».

Только что мы успели закончить нашу заметку словами инородца Ангытова, как явился на сцену новый животрепещущий вопрос. Из низовых селений за 90 верст от Кондинска и ближе прибыли несколько человек крестьян и инородцев и объяснили, что они с общественниками за время осени наловили большое количество разного сорта рыбы: нельмы, язя, частью осетра и щуки — и, не имея куда сбыть таковую, поехали вверх по Оби до села Самаровского Тобольского округа искать на рыбу покупателей. Местные же торговцы рыбой, к которым они обращались, объявили им, что они купить рыбу не намерены, ибо своего лова им достаточно, да еще и потому, что извозные ямщики, нанимаемые ими в Тобольском округе, отказываются ехать под кладь в отдаленную местность, а если и есть желающие, то требуют дорогую плату за провоз. Следовательно, ценность рыбы должна быть самая низкая.

Против этих данных были собраны сведения, по которым оказалось, что на 400-верстном протяжении от села Самаровского до Чемашевского и юрт Протошных наловлено рыбы разных сортов, не имеющей спроса, до 40000 пудов и что такая почти ежегодная пропорция добываемой рыбы всегда поставляет в затруднительное положение жителей к сбыту, так как нет вблизи ни одного торгового пункта, куда бы можно было вывезти своими средствами рыбу для продажи и получить заранее надлежащую цену, соответственную труду, времени и материалам, употребленным для лова. Такое безысходное положение края требует скорейшей радикальной меры. Эта мера, по нашему мнению и по сознанию самих жителей, должна заключаться в открытии в одном из удобных пунктов края ярмарки. Одним из этих пунктов, по всем соображениям, преимущественнее перед другими является большое богатое село Самаровское Тобольского округа, пограничное с Березовским, как сосредоточие двух трактов — Сургутского и Березовского на Тобольск, отстоящее от городов Сургута — в 380 верстах, от Тобольска и Березова — в 500 верстах.

Время открытия ярмарки должно быть сосредоточено на второй половине первого зимнего месяца — ноября — и не ранее 24 числа (день св. Екатерины), так как к этому времени сообщение по зимнему пути становится уже совершенно безопасным и свободным.

С открытием ярмарки всякий житель, сколько бы ни наловивший рыбы, не будет ждать на месте покупателя и брать за свой заработок такую плату, какую дает ему покупатель, а повезет ее на ярмарку, которая и определит ему цену.

В селе Самаровском открыта уже ярмарка, но так как время ее ограничено октябрем, т.е. самой распутицей, то она и существует только на бумаге, не принося ни для местных, ни для окрестных жителей пользы. В это время главный продукт, который бы мог быть привезен на ярмарку, находится еще в воде.

Единственными покупателями обской и речной рыбы на указанном пространстве Березовского округа ежегодно являлись торгующие крестьяне Самаровской волости Башмаков, Мотошин, Шеймин и Кузнецов, из местных — купцы Новицкие, крестьяне Протопопов и Кайгородов да два или три приезжающих из Верхотурского уезда крестьянина. Все эти перечисленные лица, не имея себе конкурентов, стали постоянными хозяевами и распорядителями цен на рыбу. В настоящее время первые не явились, а местные отказались — заловленная рыба и осталась на руках ловцов, которые и поехали искать покупателей, чтобы продать ее во что бы то ни стало*.

* В 1873 году по неимению покупателей цена на рыбу (щуку) в Кондинске была сначала до 7 коп. за пуд, а впоследствии ее уже никто не покупал.

Об открытии предполагаемой ярмарки не должно быть ограничено одной публикацией в губернских ведомостях и в сжатом виде, но подробным разъяснением и в особых объявлениях цели ярмарки с показанием приблизительного количества возможных к привозу из Сургутского и Березовского округов продуктов, как-то: рыбы, ореха, ягод и частию звериных шкур и проч.

А. Титов

Село Кондинский монастырь, 22 ноября 1877 г.

Обдорская ярмарка

По рассказам очевидцев и деятелей

Последнее оседлое поселение, пограничное Ледовитому морю в Березовском округе, есть село Обдорское, расположенное на правом, горном берегу реки Оби, близ впадения оной в Обскую губу. Этот пункт, лежащий от г. Березова в 450 верстах, за 66° с. ш., сначала был как резиденция обдорских князей Тайшиных, потом суглан (сборный пункт инородцев для положения ясака), а затем — ярмарка и православный миссионерский стан с церковью. Суглан по закону сам собою обращается в ярмарку, когда на него станут приезжать торговые люди.

20—30 лет тому назад Обдорск не представлял той оседлости, какую мы видим в настоящее время: миссионерский стан да кучка домов, из них два-три порядочных, и только. Ныне же одних хорошо выстроенных домов, показывающих довольство и зажиточность их хозяев, можно насчитать до 30.

На увеличение обдорской оседлости и на наживу состояний непосредственно влияла ярмарка, куда стекаются все бродячие кочевники самоеды и остяки для положения ясака и сбыта разного рода звериных шкур. Пушной зверь, шкурами которого платится инородцами Обдорского края ясак, преимущественно песец разного вида: голубой, синяк, крестоватик, норник и белый, а из ценных — чернобурая лисица. Последняя лет за 15 составляла довольно редкую ценность: от 50 до 150 рублей за шкуру. Песцовая и другие неценные шкуры, положенные в ясак, тут же на месте продаются старшинами с публичных торгов, и деньги, вырученные от продажи, вносятся в казначейство по оценочному листу, а получившаяся против оценки прибыль поступает в экономический капитал.

Стечение в Обдорск на ярмарку нескольких тысяч бродячих и кочующих инородцев с их товаром вызвало в этот отдаленный пункт торговых людей: сначала временно, а потом и на постоянное жительство. К последнему случаю стали прибегать не только торговые лица Березова и Тобольска, но и все, кто понял, раскусил слабую сторону инородца, пристрастного в сильной степени к вину, за которое он, попробовавши раз, готов отдать все достояние.

Для постоянной жизни в Обдорске необходимо иметь на круглый год в запасе два продукта, два фактора эксплуатации инородца — хлеб

и вино. Для приобретения первого необходим небольшой капитал, а для последнего — несколько десятков рублей; первый возможно приобрести только один раз в год с открытием навигации, а последний во всякое время, по мере расхода посылая деньги в березовские склады. Не имеющим ни одного из этих продуктов незачем оставаться в Обдорске, так как инородцы один только раз в год, на ярмарку, собираются в Обдорск для продажи звериных шкур, по окончании ярмарки в начале февраля они разбредаются по своим обширным тундрам до лета, с наступлением которого появляются на берегах реки Оби и Обской губы на летних своих дачах для промысла рыбы, которую и сдают крупным рыбопромышленникам, приплывающим в обские воды на своих судах и паузках. Эти последние, ознакомившись вполне с характером и слабостью инородца, для легчайшей и выгоднейшей эксплуатации его труда стали привозить с собой в числе других продуктов и запасы вина.

Поучаясь примером судовладельцев-рыбаков, мелкие их приказчики и засольщики, заручившись за лето несколькими десятками рублей, стали оставаться на зиму в Обдорске, имея в виду, что если хозяева их капиталисты находят выгодным во время трехмесячной рыбалки торговать вином, обменивая оное инородцам на рыбу, то в течение продолжительной зимы в Обдорске им будет еще выгоднее обменивать вино на звериные шкуры или продавать оное по возвышенной цене на деньги. Пробывши две-три зимы в Обдорске и сделавши несколько удачных оборотов по виноторговле, ознакомленные с инородческим языком, они уже больше не возвращались к своим хозяевам, а оставались на постоянное жительство, продолжая свое выгодное дело и во время лета развозя вино по становищам инородцев, обменивая оное на рыбу.

Таким образом, год от году эти смелые авантюристы, один за другим оставаясь на жительство в Обдорске, и составили нынешнюю зажиточную оседлость, не прекращая виноторговли, запрещенной законом в этом пункте.

Самое деятельное время в Обдорске — это зима. С конца октября все жители принимаются за печенье хлеба для инородцев и продолжают это дело до конца ярмарки и далее — почти всю зиму, пока окончательно не разъедутся инородцы по стойбищам.

С наступлением ноября кочевники ближайших тундр начинают появляться в Обдорске ватага за ватагой для покупки хлеба и вина, а также и для подряда на доставку из г. Березова вина, которое в это время заготавливается обдорскими жителями для ярмарки пропорционально состоянию каждого: одни, кто покрупнее, заготавливают вино для оптовой (ведерной), а другие — для мелочной продажи.

Березовские виноторговцы-складчики ждут не дождутся этого времени как из печи пирога! С прибытием в город первых подвод из Обдорска и до февраля месяца, т.е. до конца ярмарки, им нет покоя ни днем, ни ночью: все время занято отпуском вина. Едва успеют покончить с первыми транспортами, ведер в 100, 200 и 300 каждый, как начинают являться за покупкой горожане и другие, едущие в Обдорск на ярмарку, и этих нужно удовлетворить: кому 10, кому 15 и 20 ведер. А затем снова отпуск вина, и все в тот же Обдорск, но на этот раз уже не обдорсянам, а крупным березянам, например, хоть городскому голове с братом, которые при поездке, захвативши с собою немного вина, нанимают в Обдорске подводы и посылают их в Березов с письмом к кому-нибудь из складчиков, прося отпустить вина в кредит до возвращения с ярмарки.

Любопытно взглянуть за это время в торговые хозяйские книги, где записывается отпуск вина в долг лицам, едущим или уже уехавшим на ярмарку. Там можно встретить довольно приличную цифру отпущенного вина и ряд покупателей-должников, ибо почти все мелочные покупатели, не имея в излишке наличных денег, берут вино в долг до выручки, а наличные употребляют на проезд в Обдорск, который стоит им от 10 до 15 рублей с нарты, запряженной в два и три оленя.

Подрядчики же, доставляющие обдорсянам вино, берут плату не с нарты, а с ведра, от 40 до 60 копеек, да по бутылке вина с каждого. Последнее они выражают себе по большей части для того, чтоб не отвечать своей собственностью за дорожную трату и за обмер при отпуске из складов, которые никогда не брезгают воспользоваться удобным случаем, в особенности при отпуске большого количества ведер, где $\frac{1}{20}$ с ведра едва ли может быть замечена покупателем-подрядчиком, напоенным предварительно вином в виде пробы досыта.

При всем этом нельзя не отнестись с полной справедливостью к чести инородцев-подрядчиков, всегда исправно доставляющих кладь, к которой они пристрастны и на покупку которой им вручается обдорскими жителями от 500 до 1000 рублей зараз. А чтоб удовлетворить 5000-ю ярмарочную публику в течение целого месяца, которая, не довольствуясь выпивкой на месте, увозит вино еще и в свои стойбища, то показанные цифры 500 и 1000 рублей не раз, не два и не три перебиваются в руках подрядчиков, каждый раз обмениваясь на вино.

К январю Обдорск начинает постепенно полнеть и оживляться приезжею публикою, ближайшие кочевники то и дело снуют: днем появятся, потолкуются по селу, напьются и к ночи мчатся на быстроногих оленях и легких нартах в свои чумы. Архангельские инородцы, зыряне и самоеды отдаленнейших тундр, в это время начинают приближаться к Обдорску со своими подвижными домами-чумами, стадами

олений и всем подвижным инородческим хозяйством. Во время положения ясака все окрестные к Обдорску тундры представляют почти сплошную оседлость, они замещены самоедскими и зырянскими чумами — тут кочует многотысячная инородческая семья.

Пока еще не начинался сбор ясака, смелые контрабандисты, промышленяющие запрещенным товаром — вином, отправляются со своим продуктом в далекие чумы, навстречу самоедам, поздравить со счастливым прибытием своих жертв, и чтоб не делать частых переездов из чума в чум, ставят на распутье, при скрещивании или разветвлении оленьих проследьев (тропинок), ведущих к различным чумам, маякшест с привязанным вверху пучком сена наподобие бутылки и наклоняют его по направлению, куда провезено вино. Инородцы, самоеды-дикари, приученные более, чем цивилизованные люди, к бутылке как единственной дробной мере в их местности, проезжая мимо этого знака, сразу понимают, в чем дело, поворачивают оленей по указанию маяка и скоро находят походный кабак с любимым их напитком.

Когда же начнется положение ясака, то инородцы, подымаясь со стойбищ со своими семействами, наполняют Обдорск, размещаясь по дворам жителей — их дружков, которые давно ожидают и рады дорогим гостям.

Возьмем для примера на выдержку несколько лиц из разной среды гостеприимных хозяев — крупных и мелких, чтоб яснее обрисовать всю суть их гостеприимства. Например, к обдорянину, тобольскому мещанину Чурилову, смелому, нахально-дерзкому контрабандисту, которому и черт не в копейку, называемому вообще откупщиком по обширности его винных дел, приезжает знакомая ватага, положим, хоть Мамруева, запруживает его обширный двор оленями и валит в дом, где ожидает приезжих угощение: вино и мороженая рыба на закуску. Угостившись вдоволь вином, гости тут же отдаривают радушного хозяина: кто дает песца, кто — неплюя (шкура молодого оленя-теленка), кто — постель (шкура старого оленя), и т.п. Все же эти подарки в сложной и средней ценности составляют каждый не менее двух рублей. Затем гости начинают требовать от хозяина вина уже за плату, но сметливый хозяин, не допуская в своем доме напиваться гостям до положения риз и не нарушая порядка оптовой торговли, выдает каждому по крупной мере вина и отправляет их в свои чумы. За отъездом этих являются другие и третьи, и так продолжается во всю ярмарку, за которую хозяйские амбары наполняются пушным товаром.

Заходит в дом скопцов, положим, хоть священник-благочинный по делу; двор, наглухо закрытый, полон инородцев, но в самом доме тишина и спокойствие примерные, не так, как у соседей: шум, гам и пьянство. Его встречают хозяева чинно, угощают чаем и десертом, состоя-

щим из свежих фруктов — винограда, дулей, груш и варений разного сорта, но насчет вина хозяева постоянно извиняются, что по их вере и положению вино ими не запасается. Уходит гость из благочестивого дома и впоследствии видит, как из двора скопцов выезжают инородцы с бочонками вина.

Семейство скопцов лет 20 тому назад сослано по распоряжению правительства в Березовский округ на жительство с условием не оставлять этих вредных сектантов более года в одной местности. Сначала они жили в г. Березове, нанимаясь в работы, потом переселены в Обдорск, где и завелись оседлостью и по настоящее время живут спокойно, не трогаясь с места на место, и из простых работников стали капиталистами, и, как говорят, с капиталом за 60 тысяч руб., что, впрочем, они и сами не скрывают.

Коснувшись случайно биографий двух оптовых виноторговцев, нелишним будет для большей ясности ярмарочного дела и обдорской жизни привести и еще две-три краткие биографии.

Смотритель Обдорского хлебозапасного магазина отставной березовский казак Первов сначала был слугой у окружного начальника, потом вахтером кондинских магазинов, где, пробившись года два на шестирублевом жалованье, перепросился тем же званием в село Кушеватское Обдорского участка, а отсюда в Обдорск смотрителем. Пробывши здесь лет около десяти, он в настоящее время имеет обширный дом, стоящий не одну тысячу рублей, и ездит в Ирбит на ярмарку для продажи пушного товара.

Тобольский мещанин Попов, мелкий приказчик рыбака-судохозяина, лет восемь тому назад оставшийся на жительство в Обдорске, в настоящее время имеет приличный дом, ведет торговлю, ездит в Ирбит на ярмарку с пушным товаром, которого в нынешний год, как говорят, продал уже на пять тысяч рублей.

Березовский купец Федор Карпов, сын дьячка, записанный в податное состояние, был лет за 20 простым работником — ныне главный капиталист березовский и торговец обдорский, кроме скопцов. На быстрый переход Карпова-работника в капиталиста-купца влияло непосредственно близкое знакомство его со скопцами, чрез которое у Карпова сначала побледнело лицо и лишилось растительности, а потом завелись и деньги. Постоянное пребывание скопцов на одном месте, как видно, приносит свои отвратительные плоды.

Покончив с выдержками из биографий наименьшей части обдорских жителей, возвратимся к главному предмету — ярмарке, где теперь сумерки и все пьяно, кричит, поет, дерется!

Вот подходит инородец к небольшому домику, стучит в окно и говорит: «Еврей, а еврей!» Хозяин, осветивши окно свечкой, видит при-

ложенный к стеклу рублевый кредитный билет и, понявши, в чем дело, берет из ящика бутылку с вином, выносит на улицу, и инородец, выпивши вино, возвращает бутылку. Или приходят в какой-либо дом два-три инородца, молча подают хозяину шкуру песца; хозяин, повесивши шкуру на вешалку к другим, подает бутылку с вином, гости, распивши вино, подают снова песца, и снова неистощимая бутылка полна — и до тех пор, пока не истощатся карманы потребителей или пока не опьянеют до того, что хозяин вынужден будет гостей выпроводить на улицу.

А вот и курьезный случай: инородец, заплативший песцом за бутылку вина, вышел на улицу, держа открыто в руке бутылку, а по улице идет начальник; хозяин, видя неосторожность покупателя, тотчас же вернул его в дом, говоря: «Зачем ты открыто держишь бутылку? Видишь — идет начальник?» Инородец с удивлением посмотрел на хозяина и, подошедши к месту, где висел отданный им песец, показал на него рукой и сказал: «Я не украл, а купил, чего мне бояться начальника?»

Подходит инородец к нарте или ярмарочному амбару торгового лица, покупает у него на несколько копеек игл, медных колец, кремней, дает за все шкуру песца и говорит, что за сдачей он придет после, а теперь ему нужно купить еще у другого. Торговец, не желая отпустить покупателя нерассчитанным, берет из-под нарты бутылку с вином и говорит, что расчет закончен, а инородец всегда рад такой привлекательной сдаче.

Приехавшие на ярмарку разные лица собственно для торговли вином продают его вразнос. Взявши с собою под просторную туземную одежду несколько бутылок с вином, они шныряют от одной инородческой группы к другой, получая взамен вина песцовые шкуры или неплюи, которые и сдают местным и приезжим скупщикам.

Миновал короткий день, наступила долгая полярная ночь, но ночь только в природе, а не на ярмарке, ибо Обдорск в это время не знает ночи, ему некогда замечать этого физического явления — он продолжает свою деятельность, как днем, и даже более: в это время разгар инородческого пьянства. Показалась на горизонте луна и осветила безобразную картину: везде у дворов, на улице, на ярмарочной площади (в тундре) видна пьяная инородческая публика! Кто идет, шатаясь и мурлыча, кто где попало спит, валяется, кто сидит, качаясь из стороны в сторону, напевая свои заунывные песни-импровизации.

Подобную же картину представляет Обдорск и в конце лета, в последних числах августа и начале сентября, при возвращении рыбацких паузков и барж с рыбалки из Обской губы. Здесь за это время в продолжение недели бывает до двух тысяч рыбацких рабочих, русских и инородцев, которые, наморившись во время рыбалки без вы-

пивки, жадно нападают на вино и проживают последнюю копейку тяжелого труда. Эту последнюю картину в прошлом году видел и наш ученый-путешественник г. Поляков и, вероятно, подробно описал в своих заметках.

Заканчивая собранные материалы об обдорской виноторговле, мы позволяем себе сказать еще несколько слов, а именно: при чем же здесь закон, преследующий беспатентную торговлю вином вообще и запрещающий всякую торговлю вином в стойбищах и на ярмарках сибирских инородцев? И прибавить, что закон о виноторговле строг даже к малейшим нарушениям его. Например, в патентной, оплаченной пошлинами, торговле вином он преследует даже [за] десятые доли градуса, недостающие в установленной норме крепости вина для продажи, как-то: 39° и $\frac{3}{10}$ есть уже нарушение нормы, потому что здесь недостает $\frac{2}{10}$ градуса. И нарушение влечет за собою денежный штраф на первый раз от 40 до 60 руб. или же трехмесячное лишение свободы, несмотря на то, что нарушение это обнаружено было в посуде, вмещающей, положим, хоть $\frac{1}{40}$ ведра.

Применяя настоящие выводы юридической практики к обдорской виноторговле, снова можно сказать: «При чем же здесь закон о виноторговле вообще?»»

А. Тутов

Примечание 1.

Обдорская ярмарка имеет свою особенность, а именно — изменять свой вид при посещении [ее] главными высокопоставленными административными лицами. Например, в 1853 году, когда посетил ярмарку генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, прибывший в Обдорск в начале января и пробывший тут до 15 числа, [он] не мог дожждаться главных представителей ярмарки — отдаленных кочевников-самоедов. Несколько раз были посылаемы в тундры нарочные, чтоб вызвать этих дикарей в Обдорск, но все было тщетно, дикари не являлись. Наконец, некоторые из обдорян предложили угостить бывших на ярмарке остяков водкой. Предложение было принято, и водки привезли из Березова до 6 ведер и угостили. Спустя дня два начали появляться и самоеды, ибо инородческое ухо чутко и слышит на далекое пространство в своей пустыне. За все время ярмарки инородческие агенты то и дело снуют от одного до другого пункта и таким образом составляют живой телеграф, передающий о всех событиях на ярмарке. Когда же было распито все привезенное для угощения вино, то пьяных в Обдорске оказалось на целую бочку, и вопрос, кто превратил обдорскую воду в вино, был уже излишним: все ссылались на угощение высокого посетителя.

Подобное явление знатоки инородцев определяют так: инородец вообще пуглив и боится всего, его можно переполошить какой угодно нелепостью. Например, стоит только распространить слух, что в Обдорск на ярмарку приедет большой начальник от Белого Царя и будет брать самоедов в солдаты, — этого будет достаточно, чтоб ни один отдаленный кочевник-дикарь не показался в Обдорске до тех пор, пока не уедет высокий посетитель. Или стоит только сказать, что в Березове была большая болезнь, какая бывает на оленей, от которой все люди вымерли, так что некому брать ясаки, — дикари поверят, и ни один не явится на суглан, как это и случилось в нынешнем году по Казымской волости: в Июльский городок (в вершинах Казыма) ни один самоедин-идолопоклонник не прибыл, и ясак за неприбывших заложил по желанию писарь Казымской управы.

Распространение подобных слухов обдорянами делается затем, чтоб не показать начальнику края главную суть ярмарки — повальное пьянство, от которого инородца трудно воздержать хотя и временно, а если не давать ему водки, то не видать и товара, он уйдет весь оптовым гуртовщикам на деньги.

В видах этих обдорянами и принимаются меры удержать дикарей в стойбищах до отъезда начальника из Обдорска. Так это и было в 1853 году. Когда начальник края отбыл, Обдорск совершенно изменился: он переполнился самоедами, и ярмарочное колесо завертелось своим обычным порядком.

А. Т.

*А.А. Жиров,
кандидат исторических наук*

Рыбопромышленность и рыботорговля как сферы предпринимательской деятельности населения Тобольской губернии в XVII — начале XX вв.

Несмотря на активизацию исследовательской работы в последнее десятилетие, слабо изученной остается история предпринимательства Сибири. Зная десятки купеческих фамилий, отдельные стороны предпринимательской деятельности (сферы, торговые обороты, данные о недвижимости и капиталах и т.д.), мы все же имеем пока поверхностные представления о социально-психологическом облике и менталитете наиболее экономически активной части населения этого региона. Для расширения таких представлений требуется знание мотиваций активной предпринимательской деятельности, сложных переплетений родственных и деловых отношений, основных критериев компаньонских отношений, важнейших составляющих социокультурного облика предпринимателей. Одним из главных препятствий на пути создания нового знания в области истории предпринимательства является недостаток работ реконструктивного типа, особым образом организованной совокупности сведений о жизни и деятельности деловых людей старой Сибири.

Выявить целый ряд тенденций, связанных с закабалением купечеством северных промысловиков, с формами товарообмена, тесным взаимодействием купцов и священников на Тобольском Севере, помогают материалы, накопленные исследователями севера К.Д. Носиловым, Н.А. Абрамовым, А.А. Дуниным-Горкавичем, ирбитским краеведом И.Я. Антроповым, документы фонда Тобольской казенной палаты ТФ ГАТО, отдельные материалы семейных архивов Мотовиловых, Новицких, Подзолкиных (г. Тара), Филоненко-Чоповских, О.Н. Разумовской, К.Н. Цыгановой (г. Омск), Е.А. Овчинниковой (г. Красноярск).

1. Рыбные запасы и формы организации рыбного промысла в XVII—XIII вв.

В конце XVII в. Обь и Иртыш, основа речной системы Западной Сибири, изобиловали многими видами ценной рыбы. В этих реках и их притоках водились осетр, стерлядь, нельма, таймень, муксун, сырок. Большими косяками в Обь заходила сельдь. В реках, речушках и в многочисленных озерах ловили карасей, налимов, окуней, шук, язей и другой

рыбы. Сибирский историк Семен Ульянович Ремезов в своем труде «О грани и межах всей Сибири» писал: «Рек великих и средних, заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множественно и ловитвенно...» (1).

Рыболовство и торговля рыбой с самого начала промыслового освоения сибирского края стали распространенным хозяйственным занятием русского населения. В XVII — начале XVIII вв. промыслом и торговлей рыбой активно занимались посадские и другие категории сибирского населения: служилые, промышленные и торговые люди, крестьяне. Эти категории населения в дальнейшем стали основным источником пополнения населения городских посадов, в том числе и формирующегося купечества. Наиболее распространенной формой организации рыбного промысла в XVII — начале XVIII в. были рыболовецкие артели, участники которых на собственные средства приобретали рыболовные снасти, суда, своим трудом вели промысел, а улов рыбы делили между собой в зависимости от денежного и трудового вклада каждого члена артели. В тех местностях, где рыболовный промысел приобретал промышленные масштабы и принимал предпринимательские формы, получила распространение покрута. Эта форма организации промысла предусматривала финансирование добычи рыбы крупными рыбопромышленниками, снаряжавшими на промысел работников-покрученников. Промысловики получали в этом случае за свой труд половину улова рыбы. Кроме вышеперечисленных способов организации добычи рыбы почти повсеместное распространение получил и мелкотоварный индивидуальный (либо семейный) лов рыбы, который в ряде случаев служил источником накопления начального капитала, приумножаемого затем вложениями в торговлю не только рыбой, но и другими товарами.

Первый из вышеперечисленных способов добычи рыбы — артельный — был преобладающей формой организации рыбного промысла на Тобольском Севере. Но большинство артелей были мелкими. В 1703 г. на долю 8 рыболовных артелей, промышлявших ловлей рыбы на Оби, Иртыше и Тоболе, приходилось до 90% явленного в Тобольской таможене улова рыбы (по таможенной оценке, на 680 из 768 руб.). По данным таможенной книги на этот год, стоимость объявляемых в таможене партий рыбы, икры, рыбьего жира составляла в среднем от 60 до 120 руб. (таможенная оценка 600—1200 пуд. рыбы) (2).

Примером крупных по тому времени партий рыбы «своего улова», явленных индивидуальными рыбопромышленниками, может служить такой факт: тобольский сын боярский В. Аврамов явил 25 тыс. шт. рыбы по таможенной оценке на 25 руб. (3).

Данные за 1703—1713 гг. свидетельствуют о том, что для многих тобольских жителей промысел рыбы становится профессиональным занятием. В начале XVIII в. в таможенных книгах неоднократно фикс-

сировалась явка рыбы или денег «на рыбный промысел» Федором Баженовым, Фомой Грошковым, Матвеем Захаровым, Фадеем Корниловым, Иваном Лошкиным, Андреем, Иваном и Дмитрием Тайшиными, Андреем Шумковым, Родионом Трошиным и др. Среди них были посадские, служилые люди и подгородние крестьяне (4).

В начале XVIII столетия в Тобольске уже оперировали профессиональные скупщики рыбы. Отдельные из них сочетали промысловые занятия со скупкой рыбы. Доходы, получаемые от торговли рыбой, являлись одним из важных источников формирования категории так называемых прасолов — торговцев, одновременно занимавшихся скупкой и перепродажей разных продовольственных товаров (хлеба, мяса, рыбы, соли и пр.). Сочетали скупку и продажу рыбной продукции с торговлей мясом тарские торговцы Сборщиковы и Чаунины, тюменские прасолы В. Беднягин и К. Копотилов, тобольский С. Савин, сургутские торговцы П. Тверетинов, Ф. Вергунов, О. Тупылев. Некоторые торговцы обменивали рыбу на хлеб. Хлеб они закупали в земледельческих районах Сибири. Променивали или продавали его в промысловых северных районах.

Рыботорговлей занимались жители Тобольска Д. Груздев, И. Лошкин, А. Решетников, служилые люди И. Таскин, Л. Шмонин, О. Селиверстов, И. Мыльников и др. Местными рыботорговцами скупалась почти вся рыба, пойманная рыболовами Березова. По данным березовской таможенной книги за 1701 г., тобольские рыбопромышленники Д. Груздев, И. Малахов, И. Мельников, Д. Трофимов скупили в Березове и отправили в Тобольск рыбы, икры, рыбьего клея и рыбьего жира на 45 руб. 7 гривен. Партия товаров, скупленных и отправленных в Тобольск жителями самого Березова, была в 10 раз меньшей (5).

К началу XVIII в. профессиональные промысловики и торговцы рыбным товаром имелись в других сибирских городах. В Тобольске покупали рыбу тюменские рыботорговцы. В обмен на рыбу они закупали в Тюмени хлеб и мясо. В. Беднягин отправил для продажи «в слободы» 600 язей (6). Мелкий характер имели рыбный промысел и торговля рыбой в Таре, Туринске, Ишиме. Большую часть поступавшей здесь на местные рынки рыбы составляла рыба «своего улова», поставляемая мелкими партиями от 1 до 20 пуд. Крупные партии рыбы были редким явлением. Самой крупной партией рыбы, зарегистрированной в 1702 г. на тарской таможне, были 50 пуд. щуки, явленные отставным тарским пятидесятником Иваном Можайтиновым «с товарищи» и оцененные в 7 руб. 16 алт. 4 ден. Но среди мелких торговцев рыбой мы находим Белобородовых, Нерпиных, Потаниных, Можайтиновых (Можантиновых), которые впоследствии записались в гильдейское купечество по г. Таре (7).

Крупные партии рыбы в этот период продавались западносибирскими скупщиками (в основном тобольскими и тюменскими) на Ирбит-

ской ярмарке и в сибирских городах. Тобольский сын боярский И. Шишкин выручил за продажу на Ирбите закупленной им в 1702 г. в Самарском яме рыбы 28 руб., а нераспроданные на ярмарке 70 пуд. нельмы, осетрины и шуки отправил для реализации в Ялutorовскую слободу (8). Самая крупная партия рыбы зафиксирована в таможенной книге Ирбитской ярмарки 1703 г. Она принадлежала тюменскому торговцу Василию Зайкову. Он продал рыбы на 13 руб. Тогда пуд шуки оценивался ярмарочной таможней в 6 алт. 4 ден., 1 пуд чебаков — в 5 алт. 2 ден. (9).

В монографии О.Н. Вилкова отмечено, что уже в XVII в. сибирские прасолы вывозили рыбу в Европейскую Россию. Рыбу отправляли из Тюмени, Тобольска, Верхотурья (10).

Торговля рыбной продукцией и занятие рыбным промыслом зачастую сочетались также с торговлей солью. Часть ее предназначалась для засолки рыбы. В Западной Сибири особенно значительные масштабы (до введения в 1705 г. государственной монополии на торговлю солью) имела торговля солью, добываемой в Ямышевском озере. Добычей и продажей соли с применением наемного труда активно занимались тарские, тюменские и тобольские предприниматели. Так, в таможенной книге г. Тары за 1701 г. зафиксирован отпуск «вверх по Иртышу к Ямыш-озеру для рыбного и соляного промысла» тарских жителей С. Катова, Д. Костелецкого, В. Неворова. Каждый из названных предпринимателей имел дощаник с 7 «работными людьми». Тарский сын боярский И. Ставсков в 1706 г. «нанял идти с Тары до Ямыш-озеру для рыбного лову на охочем дощенике казачья сына Бориса Казанцова и дал найму 2 рубля». Большая часть добываемой соли отвозилась тарскими солепромышленниками в Тобольск. Там соль продавалась местным жителям, в частности рыбопромышленникам. В 1702 г. тарский служилый человек А. Винокуров продал в Тобольске соли на 55 руб., Д. Костелецкий — на 60 руб., П. Катов — на 30 руб., И. Усков и Ф. Черкашенин — на 70 руб. Еще большие суммы выручили от продажи рыбы П. Шмаков и И. Щеглов (195 руб.), Д. Конный (более 110 руб.). В 1702 г. тарские казаки В. Неворова и И. Черкашенин вывезли из Тары в Тобольск 3025 пуд. соли, сотник Ф. Нефедьев — 675 пуд. Из таможенных книг следует, что добычу соли и продажу ее в Тобольске вели тарчане В. Артемьев, Д. Баженов, М. Дмитриев, П. Логинов, М. Неклюдов, А. Немчинов и др. По подсчетам В.Н. Разгона, соляной промысел в качестве источника первоначального накопления капитала в начале XVIII в. использовали до 20 жителей Тары. Часть из них впоследствии вступила в гильдейское купечество. Совокупный размер их торговых операций достигал 1000 руб. в год (11).

В торговлю солью вкладывали свои капиталы и основатели известного тюменского купеческого рода Переваловых. В июле 1703 г. Григорий Перевалов вывез из Тюмени для продажи в слободах 1 тыс. пуд. соли,

добытой в Ямышевском озере, и 500 пуд. соли, купленной в Тобольске на деньги, полученные от продажи там хлеба. В ноябре 700 пуд. соли для распродажи в слободах отправили Иван и Андрей Переваловы (12).

Из Тобольска соль поставлялась в районы рыбного промысла, расположенные на севере Западной Сибири, — в Обдорск, Сургут и Березов.

Комплекс таможенных книг начала XVIII в. дает возможность исследователю представить общую картину состояния рыболовства и рыбной торговли в Сибири в этот период. Отложившиеся в архивах данные за более поздний период уже не носят столь систематического и детального характера. Разрозненные таможенные выписи за 1740—1741 гг. содержат фрагментарный материал о рыбном промысле и рыбороторговле некоторых тобольских и тюменских купцов. По березовской таможене за 1741 г. учтен отпуск из Березова в Тобольск работника тобольского купца Д. Ширкова с партией в 10 тыс. соленых чирков, 1 тыс. муксунов, 100 осетров, 5 пуд. рыбьего жиру и 5 пуд. икры на сумму 58,5 руб. (13).

Из Тюмени на Ирбитскую ярмарку, согласно выписям тюменской таможи, в декабре 1740 г. отправляли рыбу тюменские купцы И. Зубарев (10 возов) и Т. Каргаполов (2 воза карасей и 7 возов щуки). Крупные партии рыбы отправлял тюменский купец А. Стукалов. Из Сургута и Тобольска им была отправлена крупная партия рыбы (8,5 тыс. щук, сырков и язей, 250 муксунов, 60 нельм, 20 осетров, 5 пуд. икры и 2 пуда рыбьего жиру) на Ирбитскую ярмарку и в Екатеринбург (14).

Помимо купечества на западносибирском рыбном рынке середины XVIII в. оперировали представители других категорий населения. Активно занимались рыбным промыслом и рыбороторговлей ясачные татары. Они имели обширные рыболовные угодья. В 1741 г. отправляли в Ирбит рыбу татары Шикчинских юрт И. Кутуков и А. Бахметев «с товарищи» (7 возов чебака) (15).

2. Развитие рыбопромышленности в Тобольской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв.

В XIX в. Западная Сибирь по-прежнему обладала огромными природными богатствами, но, несмотря на это, как писал Ипполит Завалишин, «...при таких водных богатствах здешняя рыбопромышленность находилась еще в сущем младенчестве» (16).

Если в начале XVIII в. в Тобольске и низовьях Оби ведущую роль в добыче рыбы выполняли рыболовецкие артели, то в начале XIX в. главенствующее положение в рыбном промысле постепенно заняли купцы-рыбопромышленники. Они вели промышленный лов рыбы с применением наемных работников. Значительно выросли и объемы добычи рыбы.

Промысел рыбы в низовьях Иртыша и Оби хоть и был организован на основе применения наемного труда, но он еще не был монополизирован крупным капиталом в такой степени, чтобы оказаться недоступным мелким рыбопромышленникам. В то же время рыбный промысел предоставлял определенные возможности для первоначального накопления капиталов предпринимателями из разных сословий. Этот вывод подтверждается тем, что многие рыбопромышленники пополняли ряды купеческого сословия.

Период конца XVIII — начала XIX вв. отмечен жалобами ясачных Березовского ведомства на злоупотребления тобольских купцов, которые вели промысел рыбы в их рыболовных угодьях. Его вели тобольские купцы Брагины, Дьяконовы, И. Дранишников, О. Куклин, К. Колосов, Я. Никанов, А. Тюленев, туринский купец Коновалов, березовские купцы Нижегородцев и Сверчков, сургутский купец И. Вергунов, многие мещане (17).

В записке тобольского купца Селиванова, составленной в 1806 г. по запросу Министерства финансов, дано описание рыбных промыслов в низовьях Оби. Из сообщения Селиванова следует, что в 1804—1805 гг. рыбный промысел в низовьях Оби вели 17 судов. Из них 8 принадлежали жителям Тобольска, 3 судна — жителям Туринска, 3 — жителям Ирбита, 2 — жителям Ялуторовского уезда, 1 — жителю Тюмени (18). Длительное время использовали рыболовные пески инородцев в низовьях Оби купцы Брагины, Дьяконовы, Куклин. Более 20 лет подряд вкладывал в рыбный промысел крупные капиталы тобольский купец О. Куклин. Он направлял в район промысла суда с числом рабочих до 100 и более человек. Снаряжение каждого из таких судов обходилось в 12 тыс. руб. (19).

В 1820-х гг. к купцам Брагиным, Никоновым, Дьяконовым, Нижегородцевым, Зыряновым, ведущим промысел рыбы на севере губернии, добавились фамилии тобольских купцов Мальковых, Сухановых, Бронниковых, мещан Плотниковых, Калмыковых, тюменских и туринских рыбопромышленников Дворниковых, Ивановых и некоторых других (20). В 1840—1850-е гг. в ряды тобольских купцов-рыбопромышленников влились Плехановы, Невотины, Ершовы, Плотниковы. К началу 1860-х гг. рыбным промыслом на Иртыше и в низовьях Оби занимались 8 тобольских купцов и 7 мещан. Они задействовали в промыслах капитал в 55,5 тыс. руб. Рыбопромышленники нанимали на свои суда в среднем в сезон около 40 приказчиков и около 1 тыс. рабочих (21).

В 1800—1810 гг. в Березовском крае ежегодно добывалось от 1,5 до 2 млн. шт. различной рыбы, при этом затраты на ее промысел составляли 75—80 тыс. руб., а выручка от реализации 85—100 тыс. руб., что приносило владельцам рыболовных судов прибыль в размере 13—25% от объема затрат (22).

В конце 1850-х гг. активизировалось участие в рыбных промыслах березовских купцов и мещан. Русских рыбопромышленников, которые вели добычу рыбы в середине XIX в. на березовских промыслах, насчитывалось около 50 человек. Крупных промысловиков было не более десятка. Добыча и вывоз рыбы из отделений Березовского округа хотя и медленно, но возрастали. В одном Обдорском комиссарстве в 1816 г. было выловлено рыбопромышленниками, имевшими пять судов, и мелкими рыболовами (не считая туземцев) 25–40 тыс. пуд. рыбы на сумму от 100 до 150 тыс. руб. асс. (23).

За окоротомление (аренду) песков у инородцев в Березовском, Сургутском, частью в Тобольском округах рыбопромышленник выплачивал за сезон от 60 до 200 руб. сер. В начале лета морская рыба (муksун, сырок, нельма, осетр) поднималась вверх по Оби постепенно. Поэтому промысел в разных местах начинался не одновременно. В начале июня начинался массовый лов в Обдорском отделении, во второй половине июня — в Кондинском, а в июле — в Сургутском. Здесь остяки для ловли рыбы использовали в основном невода сажен по 100. Но большая часть рыбы вылавливалась неводами от 300 до 500 саженей. Такие невода выставлялись приезжими рыбопромышленниками в местах движения рыбных косяков. Ими перегораживали устья рек, впадавших в Обь. Существовало много и других способов ловли рыбы. Осенняя рыба сохранялась в «земляных садах». После установления зимних путей сообщения ее сбывали приезжим скупщикам.

В середине 1840-х гг. березовские и сургутские рыбопромышленники отправляли на промысел несколько десятков судов, каюков и лодок общей грузоподъемностью 7–15 тыс. пуд. (24). В это время в Березовском округе вылавливались ежегодно до 100 тыс. пуд. рыбы. На долю местных рыбопромышленников приходилось 7–15% всего улова. Объем ежегодно вывозимой рыбопромышленниками из Березовского края рыбы составлял в первой половине XIX в. 100–150 тыс. пуд. Так что большого роста добычи и вывоза рыбы в этот период не отмечалось (25).

Для ловли и соления добываемой в низовьях Оби рыбы ежегодно задействовалось до 1600–1700 рабочих (а с учетом рыбопромышленности на р. Сосве — до 2 тыс.), объем добываемой здесь рыбы составлял около $\frac{1}{5}$ общесибирского улова (26). Березовская рыбопромышленность была заметным явлением в экономической жизни Сибири XVIII — начала XX вв.

Приезжие и местные рыбопромышленники наряду с ловлей рыбы скупали ее крупными партиями у местных инородцев. Купленная у местного населения рыба в середине 1850-х гг. составляла 7–18% (10–25 тыс. пуд.) в общем объеме вывозимой с севера губернии рыбы (27).

Утверждение, что местные инородцы не имели никаких выгод от сдачи в аренду русским купцам рыболовных песков, нельзя принять как верное. Хотя доходы первых от сдачи песков в аренду, а других — от предпринимательских занятий, связанных с ловлей и продажей рыбы, несоизмеримы. Так, в 1848 г. березовские ханты отдавали в аренду свои 150 рыболовных песков за 6050 руб., а арендаторы добывали на них рыбы на 99530 руб. (28).

Березовские и сургутские купцы и мещане выполняли роль своеобразных посредников между аборигенным населением и оптовыми торговцами. Они выменивали рыбу на хлеб и другие товары, запрашиваемые инородцами, сбывали скупленную рыбу крупным рыбопромышленникам, у которых и кредитовались в счет будущих поставок рыбы. Главным местом сбора товарной рыбы в данной местности считался Торжок на о. Семипосте, расположенном в 20 верстах от Обдорска вниз по р. Оби. Здесь осуществлялась основная часть сделок по купле-продаже северной рыбы.

Скупщики закупали рыбу у обдорских ханты в основном по низким ценам, так как последние находились от них в долговой зависимости. В конце 1840 — начале 1850-х гг. муксун здесь покупался по 3 коп. сер. В Березове он перепродавался оптовым торговцам по 10 коп. В рыбных рядах Тобольска (в 1856 г. их насчитывалось 32) соленый муксун уже продавался по 15—25 коп. за штуку (29). За 1 пуд муки, стоивший в Тобольске 20—30 коп. сер., скупщики выменивали у аборигенов 18—22 муксуна. В Тобольске они оценивались в 3—4 руб. сер. Аршин грубого холста менялся на 25—30 муксунов. Нож с деревянным черенком обменивался на 30—50 муксунов (30).

Значительное количество рыбы и рыбопродуктов отправлялось в Тобольск. В 1844—1848 гг. ежегодно туда приходило 20—25 судов и каюков с рыбой (31). В Тобольске реализовывалась треть или только пятая часть всей добываемой в низовьях Оби рыбы. Остальной улов вывозился по зимнему пути на Ирбитскую ярмарку, зимою переправлялся в уральские и зауральские города. Тобольские рыбопромышленники не составляли отчетов о добытой и вывезенной ими рыбе. Поэтому все сведения о рыбопромышленности и рыбороторговле, иногда даваемые губернской администрацией, составлялись на основании опросов предпринимателей. Они могли быть только приблизительными.

Проследив на основе разрозненных сведений привоз рыбы в г. Тобольск в 1840-х гг., В.П. Шпалтаков пришел к выводу, что среднегодовой привоз рыбы и рыбных продуктов в Тобольск в период 1844—1848 гг. составил 38 тыс. пуд., или около 300000 штук рыбы, на сумму 68 тыс. руб. сер. Распродано же в самом г. Тобольске было лишь 14—18% привезенного веса рыбопродуктов, что составило 25—30% сто-

имости всего привоза. Наибольшую долю в продаже рыбы занимали ценные сорта: стерлядь, осетрина, нельма и др., да и в привозе в Тобольск они составляли 40–50% веса рыбы и около 70% всей стоимости. Помимо свежей рыбы на тобольский рыбный рынок постоянно привозилась соленая (втрое-вчетверо больше, чем свежей) и сушеная (5–8% общей стоимости привоза) (32).

Рыночные цены на рыбу находились в зависимости от улова и привоза рыбы на местный рынок. В 1820-х гг. происходило повышение цен на рыбу, так что они достигли высокого уровня; осетрина — 10–13 руб., стерлядь — 11–14 руб., нельма 9–11 руб. и т.д. С небольшими перепадами такие цены были и в 30-х годах. Но в 40-е годы произошло снижение цен: на осетрину — до 3–4 руб. 50 коп., на нельму — до 2–4 руб., на стерлядь — до 3 руб. 50 коп. — 4 руб. 50 коп. В 50-е годы цена рыбы держалась в среднем на уровне 3–5 руб. (33).

Вторым по значению центром рыболовства в Тобольской губернии считался Тарский округ. Здесь большая часть рыболовных угодий находилась в пользовании крестьянских обществ и ясачных инородцев. Основной формой организации промысла рыбы была артель. Артельщики сочетали функции добытчиков и торговцев рыбой (34). Рыботорговцы, специализировавшиеся на скупке рыбы, предоставляли артельщикам снасти, продовольствие и деньги. Иногда паи артельщиков скупались за долги, и лов рыбы постепенно сосредоточивался в руках более крупных предпринимателей. Распространенным явлением в этом округе была аренда рыботорговцами принадлежавших крестьянам и ясачным озерам.

В середине 1850-х гг. в Тарском округе добывалось около 300 тыс. пуд. разных пород рыбы на сумму 200 тыс. руб. сер. Среди местных ярмарок, выделявшихся значительными объемами привозимой и продаваемой на них рыбы, следует отметить ярмарку в с. Абатском Ишимского округа. Если на Екатерининской ярмарке в Таре скупщики перепродавали рыбу по цене, на 10% превышающей цену покупки, то на ярмарке в Абатском разница в цене на скупаемую и продаваемую на ярмарке рыбу уже достигала 20%. Купцы-оптовики здесь же формировали оптовые партии рыбного товара для отправки на продажу в города Тобольской и Пермской губерний и на Ирбитскую ярмарку (35).

Отдельные купцы являлись держателями казенных рыболовных статей. Они имели довольно широкий по географическим масштабам район предпринимательской деятельности. Например, в 1850-х гг. Яков Ершов являлся держателем 28 статей в Тобольском, Тарском и Тюменском округах за общую плату 442 руб. 85 коп. Тарский купец А. Пановский, имевший постоянное место жительства в с. Рыбинском, имел 16 статей за 603 руб. 20 коп. (36).

Рыбопромышленность развивалась в Западной Сибири медленно и трудно. Рост добычи рыбы в низовьях Оби к середине XIX в. сдерживался большими издержками на транспортировку продукции, в Западной Сибири быстро развивалось озерное рыболовство, возросли объемы добычи рыбы в верховьях Оби и Иртыша.

На недостаточном развитии сибирской рыбопромышленности сказывался низкий уровень технологии переработки рыбы и рыбопродуктов.

Рыбный промысел здесь держался на мелком капитале и на слабо специализированном производстве. Соление рыбы было некачественным и грязным из-за непригодности всего дела и использования низкокачественной соли. Рыба и икра пересаливались и потому в основном потреблялись бедными слоями сибирского населения. Балыки разных сортов и разнообразное тонкое соление рыбы и икры, как на Каспии, в Тобольской губернии в середине XIX в. делать не умели. Как отмечал В.П. Шпалтаков, «примитивная предприимчивость без должной осведомленности, а порой и просто отсутствие здравого смысла губили очень важную отрасль хозяйства» (37).

Недостаточно высокий спрос на рыбную продукцию в Сибири объяснялся еще и тем, что крестьяне могли свободно ловить рыбу для собственного потребления в ближайших к их населенным пунктам реках и озерах.

Случалось, что ранней зимой суда замерзали за 400–500 верст от Тобольска. Рыбу перегружали на сани, и дальнейшая ее транспортировка осуществлялась гужевым транспортом. Севернее Тобольска провоз оплачивался 20–30 коп. с пуда груза, а за доставку в другие города — по 10–17 коп. (38).

При падении цен на рыбу на сибирских рынках мелкие рыбопромышленники просто разорялись. Поскольку труд северных рыбаков, прежде всего аборигенного населения, ценился невысоко, население Березовского округа не было заинтересовано в увеличении лова рыбы. Приезжавшие на березовские промыслы скупщики (березовские мешчане, казаки, обдорские торговцы, североуральские и архангельские зыряне) редко участвовали непосредственно в ловле рыбы. Они старались выменять ее у инородцев на хлеб, табак, мережу и другие необходимые в этих местах товары. Неэквивалентный обмен также не способствовал процветанию рыбного промысла и рыбной торговли.

Выход западносибирской рыбы на всероссийский рынок затруднялся ее неконкурентоспособностью в сравнении с каспийской и волжской. Для постановки рыбопромышленного предпринимательства в значительных размерах необходимы были энергичные люди, обладавшие крупными капиталами, а их в конце XVIII — начале XIX вв. было не так

уж и много. Требовались и более подготовленные специалисты. Такие условия в Сибири стали складываться только к началу 1860-х годов.

3. Рыбопромышленность Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.

В пореформенное время наметились определенные качественные сдвиги в развитии сибирской рыбопромышленности. Всего в конце XIX — начале XX вв. в Сибири добывалось 1,5–2 млн. пуд. товарной рыбы на 5,24 млн. руб. Количество занятого на рыбных промыслах населения выросло к 1897 г. до 71923 человек (39). В этой сфере предпринимательской деятельности появились новые купеческие фамилии. В низовья Оби купцы-рыбопромышленники Дьяконовы, Дворниковы, Брагины, Бронниковы, Зырясовы, Калмыковы, Коньгины, Медведевы, Плехановы, Сухановы, Трапезниковы и другие выезжали с заранее заготовленными продуктами, с хлебом, чаем, солью для меновой торговли с инородцами, с десятками нанятых работников.

На севере Тобольской губернии складывалось свое, местное купечество, ориентированное в своих предпринимательских занятиях преимущественно на рыбопромышленность и торговлю с инородцами.

Достаточно прочное положение в рыбных промыслах и торговле на севере Тобольской губернии занимали березовские купцы Новицкие. Сферами их предпринимательской деятельности были рыбопромышленность, рыботорговля, перевозка грузов собственным речным транспортом, доставка товаров и торговля ими среди инородцев на севере Тобольской губернии. С 1894 г. пески в Казымской, Кондинской и Подгородной волостях арендовали Павел Васильевич, Степан Васильевич, Тимофей Васильевич, Ефим Тимофеевич, Михаил Степанович, Алексей Павлович Новицкие.

Кроме Новицких в конце XIX — начале XX вв. в рыбодобыче на севере Тобольской губернии активно участвовала большая группа местных предпринимателей: Т.А. Витязев, Ф.Н. Глазков, Н.М. Григорьева, А.Л. Гудков, И.К. Добровольский, А.П. Замятин, С.А. Захаров, В.Т. Земцов, И.В. и Ф.В. Змановские, П.П. Кайгородов, С.П., П.П., Т.П., И.И. Карповы, Ф.В. Киселев, А.И. Козлов, И.С. и Е.И. Коневы, Д.В. Корепанов, А.Е. Мотошин, С.П. Мещеряков, И.П. Нартымов, И.А. Нижегородцев, А.В. Первов, С.А. и К.Н. Поповы, А.А. Пачганов, Я.В. Протопопов, Ф.К. Соскин, Ф.Е., П.В., С.В. Слинкины, Е.А. и С.Е. Рязанцевы, А.Г. Тетюцкий, Е.П. Туполева, А.Н. и Е.Н. Шеймины, Д.А. Чирков, В.П. Чукреев, М.В. Фофанов (40).

Местные рыбопромышленники обычно далее Тобольска и Ирбитской ярмарки «не езживали», хотя известно, что зырянин И.А. Рочев добирался и до всероссийского торжища — Нижегородской ярмарки. Он отмечен и как один из наиболее просвещенных местных

промышленников. Например, известно, что он был единственным в Обдорске подписчиком «Вестника рыбопромышленности», первым в городке купил фотокамеру (41).

Первым из обдорских купцов собственный пароход завел И.И. Карпов. Вообще прибытие пароходов в места промыслов являлось большим событием. Первый пароход обычно прибывал в Обдорск 29–30 августа, последний — 5–7 сентября. По описанию В. Бартенева, приход парохода ожидался с большим нетерпением. На яру собиралась публика, многие с биноклями. Все «напряженно смотрят на светлую полосу Оби: не покажется ли дымок из трубы...» (42). Значимость этого события усиливалась тем, что с апреля по июнь, как правило, Обдорск был отрезан от остального мира распутицей, и другой дороги, кроме водного пути, сюда просто не было.

В конце XIX — начале XX вв. «Тобольские губернские ведомости», «Сибирская торговая газета», «Ирбитский ярмарочный листок» регулярно сообщали цены на различные сорта рыбы. Рыба сибирского улова продавалась в российских городах и на Нижегородской ярмарке. В Ирбите во время ярмарки удивляли огромным живым осетром. Этого осетра, весом от 50 до 100 кг, ловили осенью в ямах при впадении Тобола в Иртыш. Поймав, держали в воде живым до начала ярмарки. Двухметровая рыбина привязывалась веревкой за жабры и плавала на привязи до первопутка. Перед началом ярмарки, укутав в теплое тряпье и заткнув в рот мокрую тряпку, осетра везли до Ирбита. За 25 пудов груза купец платил ломовщику из деревни Эртигарки Тобольского уезда Степану Бальчугову 15 руб., а за доставку одного живого осетра платил больше, чем за всю поездку, — «потому как диковина». Тарский купец Н.К. Машинский отдавал предпочтение ухе, сваренной из мороженой стерляди, которая опускалась в кипящую воду «стоя» хвостами вверх. «Большой был любитель поесть», — вспоминала кухарка одного из ирбитских постоялых дворов Ненила (43).

В низовьях Оби, как мы уже показали, сформировалась система многолетней аренды рыболовных угодий тобольскими рыбопромышленниками. Многие из них находились в родстве или породнились, вступив в деловые, компаньонские отношения. Так, дочь известного тобольского купца-рыбопромышленника Михаила Даниловича Плотникова (г.р. 1826) вышла замуж за тобольского купца — пароходовладельца Василия Яковлевича Смороденникова, представителя еще одного известного купеческого рода Западной Сибири конца XIX — начала XX вв. (44). Дочь купца П.В. Новицкого стала женой сына березовского купца Н.А. Нижегородцева (45).

Те и другие имели свои пароходные компании, М.Д. Плотников еще в 1864 г. создал свое пароходство, которое контролировало перевозки

от Семипалатинска до устья Оби. В 1870 г. он купил у колыванского купца Е.А. Жернакова буксир «Заря» (бывшая «Основа»), который перестроил и назвал «Работник». Имея собственную верфь, М.Д. Плотников к началу 1890-х гг. реорганизовал свой флот в «Буксирно-пассажирское и легко-пассажирское пароходство на реках Западной Сибири». Пароходство насчитывало 4 буксирно-пассажирских парохода, 8 буксиров, 29 барж и 3 гусянки. В 1895–1897 гг. Плотниковым принадлежали пароходы «Алексей», «Арсений», «Березовец», «Николай», «Иртыш», «Гражданин», «Борис», «Почетный», «Работник» (46).

Плотниковы, которые вели крупную добычу рыбы на плесах Оби в Березовском уезде, выбирали купеческие свидетельства по Березову, именуясь «березовскими» купцами. Они стремились овладеть передовыми технологиями рыбопромышленного дела, специально знакомились с постановкой рыбоконсервного дела в Европе. Плотниковы организовали первую в Сибири рыбоконсервную фабрику, которая была расположена в 110 верстах ниже Березова, на Питлярском песке. В 1903 г. на фабрике работал мастер, два помощника и 29 рабочих. Менее чем за пять лет, с 1898 по 1902 гг., на фабрике было выработано 470 тыс. банок рыбных консервов на сумму 235 тыс. руб. В переработку шли только самые ценные породы рыбы: осетр, стерлядь, нельма, сырок, муксун. Позже был открыт филиал фабрики в 90 верстах ниже с. Обдорского на Сумутнельском песке, где были заняты мастер, два помощника и 28 рабочих. В 1900–1902 гг. здесь было произведено 180 тыс. банок консервов на 90 тыс. руб. Гордостью торгового дома и купеческой фамилии Плотниковых была награда — золотая медаль, полученная в 1902 г. на международной рыбопромышленной выставке в Петербурге за представленные образцы продукции этих предприятий. Эти достижения подвигли Плотниковых к устройству в Тюмени завода по производству жестяных банок с 50-ю рабочими и еще двух консервных заводов. В общей сложности на четырех рыбоконсервных предприятиях Плотниковых было занято в 1915 г. 144 рабочих. Одновременно с этим торговый дом организовал регулярную закупку и продажу хлеба и муки на Тобольском Севере (47).

Среди общей бедности горожан и крестьян, проживавших в низовьях Оби, по мнению И.Я. Неклепаева, выделялась лишь небольшая кучка местных купцов, «разбогатевших главным образом на торговле с инородцами-остяками и приезжающими сюда на ярмарку самоедами». Торговля эта подробно описывалась в сибирских периодических изданиях. Одной из причин обнищания инородцев авторы считали «торговую эксплуатацию» их русскими купцами (48).

Знаток Севера К.Д. Носилов, давший описания десятков случаев, характеризовавших взаимоотношения инородцев с купцами, неодно-

кратно отмечал, что березовские купцы «алчны до наживы», что они оказали существенное влияние на изменение этих народов. Не случайно вогулы жаловались ему больше не на реки, которые отнимали у них много сил своими половодьями, не на суровый климат, даже не на вечную свою нужду и голодовки, а на «русских казаков и купцов» да на свое ближайшее начальство, отнявших у них самостоятельность и свободу. Причем жаловались так горько и искренне, что К.Д. Носилов, «рискуя собственной безопасностью, решил вырвать их из рук купцов и вечных долгов» (49). Но все это ему дорого досталось. Местные купцы неоднократно подкупали тех же вогулов, чтобы застрелить или отравить его. На него сыпались доносы губернатору. К.Д. Носилов отмечал, что сложившуюся ситуацию не был в состоянии изменить даже такой прогрессивный купец, как А.М. Сибиряков, который не мог получить своих долгов с вогулов, привыкших смотреть на богатого человека, как человека, обязанного «кормить их и одевать в долг...». Только вогулы р. Сосьвы должны ему были десятки тысяч рублей, тогда как все их имущество вместе взятое могло оцениваться до 10 тыс. руб. Всеми своими промыслами они могли заплатить не более 5 тыс. в год, не нанося окончательной порухи своему скромному хозяйству (50).

Организация рыбной торговли в рассматриваемый период мало отличалась от торговли предшествовавшего периода. Но теперь рыбные лавки в больших населенных пунктах содержались по правилам, когда на каждое лето устраивались специальные торги на право торговли. Зимой обычно число таких лавок уменьшалось, но торговля рыбой не прекращалась целый год.

Лавки в Березово и Сургуте строились за счет торговцев-арендаторов. По условиям они должны были содержаться в чистоте и опрятности. В таких лавках строго запрещалось курение, картежные игры, грубое и неприличное обращение с покупателями, произнесение неприличных слов или ругательств, пение песен, игра на гармонии и других музыкальных инструментах. По установленным правилам на севере запрещалась оптовая скупка рыбы с лодок поставщиков до 12 часов дня и с 4 до 8 часов вечера. Тем самым жителям предоставлялась возможность покупать рыбу с лодок и возов дешевле, чем в лавках. При нарушении установленного правила арендная плата (100 руб.) не возвращалась, а торговец лишался права на аренду места. Оптовые же сделки облагались сбором в пользу городов, а беспошлинная торговля строго каралась.

Необходимо отметить, что со стороны правительства и администрации губернии делались попытки упорядочить промысловые работы. В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков в целях улучшения быта промысловых рабочих попросил И.С. Полякова, ко-

мандированного Академией наук в Нижнеобский край, сообщить условия и порядок аренды рыболовных угодий (в том числе имеется ли конкуренция), разобраться, как осуществляются выплаты за труд (товарами или деньгами), существует ли порядок сдачи рыбопромышленникам рыбы, наловленной инородцами, «при котором принимаются две рыбы за одну», насколько распространен ввоз спиртных напитков рыбопромышленниками, насколько эффективен в этом деле контроль местной полиции. Губернатор интересовался положением рабочих, необходимостью мер по борьбе с хищническим рыболовством и другими вопросами. Но только один из поставленных им вопросов — вопрос об улучшении быта на рыбных промыслах — был в какой-то степени решен в 1870-е годы.

В 1880 г. сургутскому, березовскому и тобольскому исправникам было предписано раз в сезон объезжать промыслы и составлять отчет о деятельности рыбопромышленников. В 1887 г. из Березова докладывали о бесполезности осмотров. Тобольским исправником осмотры не производились с 1881 по 1887 годы. В Сургутском округе принимаемые меры не дали сколько-нибудь значимого улучшения санитарно-бытовых условий. С 1891 г. с рыбопромышленников стали взимать по 1 руб. за каждого рабочего на санитарное благоустройство и постройку 11 барачков. В 1893 г. промышленники согласились платить на эти цели 2 руб. 20 коп. — 2 руб. 50 коп. за каждого рабочего. В 1894 г. было собрано совещание, на котором присутствовали представители рыбопромышленников Бронникова, Корнилова, Красновского, Нартымова, Соскина, Плотникова, Протопопова. Совещание заключило, что сбор для крупных промышленников «необременителен», а для средних и мелких — «невозможен». На заседании распорядительного комитета Тобольского губернского музея 31 октября 1901 г., обсуждавшего вопрос о развитии рыбопромышленности в губернии, Н.Е. Козлов и Е.Т. Новицкий выступили против запрета лова рыбы для крестьян, считая, что это «было бы для них большим несчастьем» (51).

Между тем система отношений между купцами-перекупщиками и местным населением продолжала и в конце XIX в. строиться на самых несправедливых началах. К новому году в селениях производился сбор ясака. К этому сбору подъезжали купцы, которые стремились использовать ситуацию в свою пользу, получить долги с инородцев, а также, пользуясь случаем, заставить несостоятельных должников подписать контракт на следующий год. В контракте обычно указывался срок явки, условия неустойки, оговаривалась сумма выплат за лето, а также перечислялся инвентарь, выдаваемый рыбаку в счет будущей платы: азам, бродни, рукавицы, кожанки... Подвыпившие купцы спорили, деля между собой вогулов. Писарь, экономически заинтересованный в зак-

лучении выгодного для купца контракта, стоял за него горой. Если отдельные неподатливые остяки не соглашались идти работать за низкую плату и просили больше, то их заставляли подписывать бумагу силой. «Вечные работники» и сами смиренно полагали, что из долгов все равно не вылезти до смерти. Кусок желтого мыла, дешевый ситец, грошовые пистоны, медные солдатские пуговицы, бусы, кремешки, старые избитые ружья, гнилое сукно и многие другие товары менялись за соболя или белку «без спроса на цены», записывались за должником и часто просто «расхватывались нуждающимися вогулами» (52).

Такие отношения рождали особую психологию и мышление жителей Тобольского Севера. Сами вогулы, постепенно испорченные наплывом новых людей и товаров, жадностью купцов, водкой, нуждались в защите от цивилизации. Редко кто, как К.Д. Носилов, решался, видя всю несправедливость подобных отношений и их последствия, вырвать вогулов и остяков из рук купцов, защитить их от неправомерных поборов и вечных долгов. Развитие пароходства, более свободное проникновение предприимчивых людей в низовья Оби вели к тому, что все большее число местных жителей попадало в зависимость от скупщиков, ссужавших инородцам малоодоходные в других местах, но крайне необходимые для жизни человека на севере товары.

Таким образом, Тобольский Север имел свои специфические социально-экономические особенности. Особый рацион питания, потребление большого количества мяса оленей и рыбы во всех ее видах, почти полное отсутствие в меню вогулов и остяков хлеба — характерные черты жизни и быта местного населения. Низкая плотность населения, связанная с суровостью местных природно-климатических ус-

Рыбопромысловый стан на Тобольском Севере.

ловий, наличие больших запасов рыбы и пушного зверя, своеобразная номенклатура товаров определяли специализацию торговых рынков. Отсутствие на севере крупных населенных пунктов, отдаленность их от городов, а в связи с этим — отсутствие устойчивых связей с административными и торгово-промышленными центрами, относительно большее пространство свободы в данной местности купцов и местного начальства накладывало отпечаток на экономическое и социальное развитие данного региона.

Примечания

1. *Гольдбергер Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. М., 1865. С. 139.
2. *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX вв.: Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 371.
3. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1537. Л. 119.
4. Там же. Кн. 1368, 1409, 1427, 1462, 1537, 1588.
5. Там же. Кн. 1588. Лл. 126—126 об.
6. *Разгон В.Н.* Указ. соч. С. 372.
7. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1301. Лл. 303, 304, 309; РФ БТМ. Книга городских обывателей г. Тары на 1792—1794 гг.; ГАОО. Ф. 16. Оп. 2. Кн. 28. Лл. 2 об., 3 об., 56.
8. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1429. Лл. 611 об.—612, 616, 755, 785; Кн. 1301. Л. 387.
9. *Разгон В.Н.* Указ. соч. С. 374.
10. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 311—315.
11. *Разгон В.Н.* Указ. соч. С. 378—379.
12. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1429. Лл. 707 об., 758 об.
13. Там же. Кн. 100. Лл. 525 об., 527; Кн. 1368. Л. 160.
14. *Разгон В.Н.* Указ. соч. С. 380.
15. РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 175. Л. 14; Д. 1798. Лл. 3, 8, 13—14.
16. *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М., 1862. Т. I. С. 3.
17. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 206.
18. РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 272. Л. 2.
19. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 206. Лл. 22—23; Оп. 20. Д. 249. Л. 7.
20. *Галажинский Э.В., Зиновьев В.П.* Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX — начала XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 126.
21. Статистическое описание главных городов Западной Сибири // Журнал МВД. 1852. 4. 39. С. 28—30.
22. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д. 278. Лл. 65—68, 123, 130 об.—131 об.; Д. 258. Лл. 1—1 об., 3 об.—4 об.; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4066.
23. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 20. Д. 249. Л. 6; *Гагемейстер Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 528.
24. *Разгон В.Н.* Указ. соч. С. 382.

25. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3570. Лл. 266 об.–267; *Гагемейстер Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 522.
26. Тобольские губернские ведомости. 1857. № 17.
27. *Шашков С.С.* Сибирские инородцы в XIX столетии... С. 257.
28. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3570. Л. 265.
29. *Гагемейстер Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 530; *Смоленский М.* О предполагаемом сообщении между реками Печорой и Обью // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 28.
30. *Дубенский Н.М.* Промысловые артели//Сибирский сборник. 1893. Вып. 1. С. 22.
31. *Шпалтаков В.П.* Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 152.
32. Там же. С. 154–155.
33. *Смоленский М.О.* О предполагаемом сообщении между реками Печорою и Обью. Тобольск, 1857 // Сборник статей о Сибири и прилегающих к ней странах. Из собраний книг Тюменцева. Т. III. Л. 3.
34. *Колмогоров Г.* Скотоводство и рыболовство в Тарском округе Тобольской губернии // Журнал МВД. 1857. Ч. 23. Отд. 3. С. 41–42.
35. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 4. Д. 14. Лл. 22 об.–23; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4066. Лл. 11–23.
36. *Разгон В.Н.* Указ. соч. С. 387.
37. *Шпалтаков В.П.* Указ. соч. С. 158.
38. Там же. С. 155.
39. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. III. Кн. 3. Новосибирск, 1997. С. 18–19.
40. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. СПб., 1904. Приложение 1.
41. *Омельчук А.К.* Частное открытие Сибири. Тюмень, 1999. С. 270, 271.
42. Там же. С. 269.
43. *Антропов И.Я.* Были Ирбита. Ирбит, 1992. С. 37.
44. Овчинникова Е.А. (г. Красноярск), правнучка тобольского купца Смороденникова П.Я. Полевые записи автора. 1999 г.
45. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 127. Оп. 2. Д. 2. Лл. 188, 190, 192.
46. *Титов Г.А.* Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск, 1990. С. 240.
47. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. III. Кн. 3. С. 19.
48. *Носилов К.Д.* У вогулов. Тюмень, 1997. С. 157.
49. *Неклепаев И.Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. Тюмень, 1997. С. 10; Очерки Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. X. Омск, 1889.
50. *Носилов К.Д.* У вогулов. Тюмень, 1997. С. 166–167.
51. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Т. I. М., 1995. Приложения 2, 3.
52. *Носилов К.Д.* У вогулов. Тюмень, 1997. С. 201, 216.

Божией милостью педагог

Степан Филиппович Пестов (1901–1963) — известный в округе в 20–40-е годы прошлого столетия педагог — родился в Тобольске в семье плотника. Образование получил в учительской семинарии. По 1922 год служил в армии, после чего был назначен директором Сургутской школы. Руководя школой, одновременно преподавал географию, естествоведение, рисование, проводил занятия по физкультуре и военной подготовке, походы со школьниками.

В Сургуте Степан Филиппович впервые проявил себя как краевед. О характере краеведческих занятий можно судить по его заметке, напечатанной в № 2 «Бюллетеня Общества изучения края при музее Тобольского Севера» за 1930 г.: «По сообщению члена Сургутского отделения т. Пестова, отделение насчитывает более 30 членов. Кроме индивидуальных, имеются еще юридические члены в лице местных кооперативных товариществ, отделения Госторга и райисполкома... Отделением разработан план рекогносцировочного экспедиционного обследования р. Черной и озерной системы р. Тром-Югана в целях выявления имеющихся здесь лесных массивов и возможностей лесосплава, а также изучения рыбных запасов озер. Обследование финансируется сургутскими конторами Госторга и Интегралсоюза. Состав обследовательского отряда: члены краеведческого общества тт. Знаменский, Пестов и Рубцов (*все трое — учителя. — Ред.*) и переводчик...».

В 1932 году С.Ф. Пестов переехал в окружной центр Остяко-Вогульск, где четыре года был директором педагогического техникума и вел уроки географии, а в 1937 г. перешел в среднюю школу.

Степан Филиппович был прирожденным педагогом, много внимания уделял воспитательной работе во внеурочное время, в игровой обстановке, среди природы. Вот факт, свидетельствующий о нем как о талантливом и мудром воспитателе. Всего за неделю до начала Великой Отечественной войны, 14 июня 1941 года, в окружной газете «Сталинская трибуна» появилась заметка «Экскурсия по изучению родного края», сообщавшая о работе географо-краеведческого кружка Ханты-Мансийской средней школы и о том, что учащиеся 8–9 классов готовятся к исследовательской поездке в район возвышенности Полуденной. «В экскурсии, — писал руководитель кружка С.Ф. Пестов, — участвует 12 человек — юные геологи, орнитологи, ботаники, гидроло-

ги. За 10 дней предстоит провести маршрутную съемку участка, изучить озера (топография, растительность, температура воды), сбор луговой, лесной и болотной растительности, геологическое строение района, сбор коллекции по зоологии, кольцевание птиц по заданию Управления по заповедникам при СНК РСФСР... Окружной музей выделяет средства, окружной совет Осоавиахима — палатки, лесничество направляет с экскурсией опытного охотника-лесника».

При чтении этой заметки невольно подумалось: вот и этот прекрасный замысел расстроит война, теперь уж не до экскурсий. Но учитель Степан Филиппович рассудил иначе: для ребят, которым, может быть, скоро придется вступить в бой, эта поездка очень нужна. И замысел осуществился по полной программе, о чем свидетельствует публикуемая ниже корреспонденция С.Ф. Пестова «В лагере».

Из этого же ряда и такой любопытный факт: некоторое время Степану Филипповичу пришлось работать с детьми ханты и манси, которых сильно тянуло домой, в родные деревни и юрты. Чтобы детям легче было перенести разлуку с домом, он купил для них невод, другие рыболовные снасти, лодку, весла.

«Большой знаток и любитель природы, краевед, — писал о Пестове его коллега учитель истории И.А. Иванов, — он в летние каникулы устраивал с учащимися многочисленные походы на лодках по родному краю. Он является зачинателем туристского движения еще в предвоенные годы... 20 лет он вел метеорологические наблюдения в Ханты-Мансийске и использовал данные в педагогической работе».

Для более полной и разносторонней характеристики С.Ф. Пестова — педагога и человека — публикуем вместе с корреспонденцией «В лагере» стихотворение Алексея Смольникова «Учителю С.Ф. Пестову», заметку А.В. Кузнецова «Учитель на всю жизнь» и воспоминания дочери Степана Филипповича, тоже педагога, Людмилы Степановны Пестовой.

В лагере

Во второй половине июля группа учащихся Ханты-Мансийской средней школы отправилась в десятидневный краеведческий поход на Полуденную гору. На быстроходном катере она прибыла в назначенное место — на берег Черного мыса.

Юные краеведы разыскали площадку для лагеря. Вот уже разбиты палатки, запылал костер... Началась лагерная жизнь.

На следующее утро дежурный по лагерю дает сигнал — «побудку». Палатка ожила. Быстро выходят участники похода на утреннюю зарядку. После зарядки все идут умываться на речку, а затем «дежурный повар» Демидов Коля приглашает к завтраку.

После завтрака ученики получают задание и по-военному приступают к его выполнению. Гаревских Нора подходит к метеорологической будке — она сегодня дежурная, — записывает показания приборов. Геологи Бухвалов Анатолий и Грищенко берут образцы почвы и бережно укладывают их в оберточную бумагу. Ботаник Ефремова Тамара в ботанизирку собирает образцы растений. Зоологи Демидов и Кузнецов поймали змею и опускают ее в банку с формалином. Топографы Бухвалов Юрий и Кузнецов заняты топографической съемкой участка.

Работа кипит. В полдень участники похода по сигналу кончают работать и идут обедать. После обеда отдых, а затем длительный поход на лодке от 30 до 40 километров.

Возвратившись из похода, поужинав, все идут в палатку. С участниками проводится беседа и обмен впечатлениями дня. Заполняются дневники. Так проходили день за днем в своеобразной работе, интересной и полезной для учащихся. Они получали первоначальные представления о глазомерной съемке, о географических экскурсиях в природу. Все участники выполняли задания добросовестно.

Юные краеведы горят желанием помочь нашей Родине всем, чем они только могут. Для этого они изучают географию. Экскурсия дала им закалку, необходимую в грозных боях с фашистскими гадами.

Географический кружок Ханты-Мансийской средней школы на страницах нашей окружной газеты «Сталинская трибуна» будет периодически освещать опыт своей работы и просит учащихся других школ поделиться с нами опытом своей работы.

За работу, товарищи краеведы!

*Пестов, учитель Ханты-Мансийской средней школы
(Сталинская трибуна. 1941. 6 июля)*

Учитель на всю жизнь

Сургутяне моего поколения вспоминают Степана Филипповича Пестова с любовью. Приехав к нам в начале 20-х годов в качестве нового директора школы, он еще долго ходил в шинели и красноармейском шлеме и всегда выглядел стройным, подтянутым и одновременно строгим и добрым. В свободное время он обучал нас военному делу. Мы несли караульную службу, охраняли в ночное время с «оружием» в руках склады, магазины, казенные амбары. Часто зимними лунными вечерами под руководством Степана Филипповича проходили увлекательные военные игры с использованием деревянных макетов гранат, станковых пулеметов с трещотками, установленных на лыжах, винтовок. По цепочке мы оповещали друг друга о внезапных ночных тревогах. Отряды держали оборону, наступали, вели разведку.

Выступление физкультурниц перед участниками рыбацкой конференции, в центре — С.Ф. Пестов

В 1930 году наша школа стала именоваться колхозно-промысловой. Для учащихся 6 и 7 классов ввели специальный предмет «добыча и обработка рыбы» и производственную практику на Сургутской консервной фабрике, где мы познавали весь процесс консервирования рыбы, начиная от ее разделки и кончая стерилизацией в автоклаве и упаковкой готовых консервов. На весновку выезжали на целый месяц на колхозные промыслы: ловили уток перевесами, добывали рыбу. И Степан Филиппович опять был с нами.

Много раз ученики получали поддержку от своего директора в трудные и решающие моменты жизни. Мою двоюродную сестру Веру после окончания школы направили для продолжения учебы в Астраханский институт рыбной промышленности. Трудно было решиться на такую дальнюю поездку при очень скромных доходах сургутской семьи тех лет. И собраться было непросто, даже чемодана дома не нашлось. Степан Филиппович дал ей свой чемодан, проводил до парохода и по-отечески напутствовал перед дорогой.

*С. Ф. Пестов с коллегами. Тобольск, август 1924 г.
Надпись на обороте: «В память совместной службы на поприще
просвещенческой работы на Дальнем Севере в 1923–24 уч. году»*

Мой школьный товарищ Александр Иванович Силин вспоминает: «После смерти отца (мне было тогда 14 лет) Степан Филиппович помог мне найти место в жизни — посоветовал поехать на годичные курсы учителей. Я считал его идеалом человека, старшего товарища и подражал его манере говорить, писать, ходить».

В 1932 году, окончив 7-й класс, я решил поступить в Тобольский рыбтехникум. В то время мы жили вдвоем с матерью и испытывали финансовые затруднения. Степан Филиппович, зная мои способности в военном и физкультурном деле, предложил поработать в белоярском пионерлагере. Я согласился, и он сам отвез меня в обласке в Белый Яр. Проработав весь сезон, на полученные деньги я смог доехать до Тобольска и прожить там после поступления в техникум до первой стипендии.

Приходилось слышать добрые отзывы о Степане Филипповиче и от жителей Ханты-Мансийска, куда он переехал из Сургута и работал в педагогическом училище и средней школе.

Александр Кузнецов

Учителю С.Ф. Пестову

На «камчатке» за партой сидевшие,
На уроках записки писавшие,
Возвратились мы повзрослевшие,
В городах чужих побывавшие.
Узнаете ли? Ваши глазастые,
Конопатые и вихрастые,
Говорим Вам солидно: «Здравствуйте!
Дорогой наш Степан Филиппович!
Вот и сессия наша пройдена —
Испытала огнем нас Родина,
Возвратились из дальней дали мы,
Аттестованные медалями,
Прошагавшие в звездных касках
Там, где прежде плутали указки
По залатанной карте в три краски.
Дорогой наш Степан Филиппович!
Эту карту с заплатками белыми,
Мы ее вам чуть-чуть переделали.
Всем вернули, что полагается, —
Пусть живут себе, обживаются.
Вспоминают, не обижаются
Ни на нас за бои недавние,
Ни на вас, географа славного,
Дорогой наш Степан Филиппович!

**«Папа был очень порядочный человек с богатой душой
и добрым сердцем...»**

Письмо Ваше получила, была очень тронута тем вниманием и интересом, которые Вы проявляете к памяти моего дорогого отца Пестова Степана Филипповича.

Да, он действительно всей своей жизнью (к сожалению, не столь уж долгой — 62 года) оставил добрую о себе память у всех, кто знал его.

Для меня он был добрым и заботливым отцом, чутким и мудрым воспитателем. Редкий дар доброты, ума, любви ко всему прекрасному, что возвышает душу, был дан ему судьбой. Мир природы, искусства, свободного творчества был близок и дорог ему.

Он очень любил свою работу учителя, любил детей, особенно одаренных, помогал им, насколько позволяли силы и средства. Многие его бывшие ученики стали прекрасными специалистами в своем деле — педагогами, врачами, инженерами и т.д. Ныне покойные писатели Алек-

Супруги А.И. и С.Ф. Пестовы. Сургут, 1931 г.

сей Смольников и Марта Вахрушева в своих произведениях с благодарностью вспоминают о нем.

...Жаль, что папа ушел рано из жизни. Все, кто знал его, говорили тогда, что такому человеку надо было еще жить и жить.

Ушел он внезапно, скоропостижно. 5 ноября 1963 года школа торжественно проводила его на заслуженный отдых, а 8-го его не стало. Утром ушел в магазин за продуктами и не вернулся. Как нам сказали, в магазине ему стало плохо, он упал, потерял сознание. Последним движением руки пытался достать из кармана нитроглицерин, но уже не было сил. Врачи констатировали инфаркт. Похоронили папу в любимой им рубашке, вышитой синими васильками.

Еще весной того же года он был на курорте в Кисловодске, там ему сделали электрокардиограмму и сказали, что он перенес инфаркт на ногах, сердце слабое — разрешили гулять только в парке санатория, не дальше. И все-таки перед отъездом он сходил в магазин и купил нам с мамой подарки: красивые синие чашки с эмблемой Кисловодска. На каждой была именная памятная надпись. А особенно трогательно было то, что папа привез тогда в стеклянном стаканчике букетик живых фиалок, которые хорошо сохранились (он возвращался домой самолетом).

Вообще он был человеком общительным, доброжелательным и веселым. В компании друзей выпивал немного, любил поиграть в преферанс. В более молодые годы участвовал в любительских спектаклях

(в пьесе А. Корнейчука «Платон Кречет» однажды играл главную роль), декламировал.

Очень любил песню на стихи Ивана Козлова «Вечерний звон», напевал под настроение и другие («Ты жива еще, моя старушка...», «Отцвели уж давно хризантемы в саду...», «Помню, я еще младшенькой была...»). Голосом и манерой пения он несколько напоминал Бернеса.

С годами в папе все больше мы стали замечать печали. Видимо, он грустил по уходящим годам, приближающаяся жизнь пенсионера его не радовала, не хотел, чтобы его считали стариком. Что-то было в нем порою детское, бесхитростное, незащитное в его глазах, улыбке. Милый, добрый мой папа не хотел признавать старость — естественное и неотвратимое состояние. Видимо, и судьба распорядилась согласно его воле: ушел из жизни, не отдохнув и даже ни разу не получив пенсии.

*Одному суждено умереть молодым,
Другому — дожить до седин,
Но каждый из нас
В последний свой час
Со смертью один на один¹.*

Теперь о биографии отца, Пестова Степана Филипповича. Он был коренной тоболяк. Его родителей я не знала, т.к. они ушли из жизни гораздо раньше моего появления в семье. Помню, что его мамашу звали Анна Ивановна. По словам папы, она была серьезная, строгая, трудолюбивая. Любила блины, но не терпела, когда они подавались на стол остывшими, и в таких случаях говорила: «Подали холодные уши». Папа тоже очень любил блины, даже сам их пек.

В их семье росло пятеро детей: Петр, Степан, Алексей, Александр и Елена. Ныне из них уже никого в живых не осталось. Сын тети Лены Виктор, водитель «Икаруса», живет с семьей в Тобольске. Сыновья дяди Алеши: Геннадий живет в Екатеринбурге, работает на заводе медоборудования, Юрий (любимый папин племянник), очень способный, окончил два института — педагогический и Уральский политехнический — живет в г. Полевском, там же живет и третий брат — Валерий. Братья дружны между собой, часто встречаются. Вообще они очень симпатичные и добрые ребята, я их помню с детских лет, когда они приезжали к нам, в Ханты-Мансийск, в гости из Тобольска, где жили тогда.

Что касается меня, то история моей жизни связана с Великой Отечественной войной. Я появилась в семье С.Ф. и А.И. Пестовых осенью 1942 г., когда мне было пять лет. Хорошо помню ту холодную ночь. Папа освещал дорогу фонариком военных лет — «жужжалкой». Почти всю дорогу от Самарово до Ханты-Мансийска они несли меня на руках, т.к. я была слабая и быстро уставала.

¹ Стихотворные строки Л.С. Пестовой

Маленькая, я еще не представляла себе всего ужаса войны, что переживали тогда люди более старшего возраста. И лишь спустя годы, по кинофильмам и книгам, я поняла, что чудом осталась в живых.

Папа был ласков со мной, но и в меру строг. Играл со мной, читал книжки, рисовал картинки, баюкал, напевая: «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю, тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою...». У мамы, Анны Ильиничны, характер был более твердый, даже жесткий, хотя очень заботливый и беспокойный.

Во время летних отпусков они ездили на пароходе в Тобольск, к своим родным, брали меня с собой. Потом, уже после войны, стали ездить и в другие города: Омск, Пятигорск, Москву, Ленинград, Сочи. В Москве мы бывали много раз. Там жила недалеко от станции метро «Таганская площадь» замечательная давняя знакомая родителей, ныне покойная Евгения Матвеевна Киселева. Она была коренная москвичка, работала на заводе им. Лихачева.

Папа очень любил Москву и больше ходил по ее улицам пешком, чем ездил в трамвае или автобусе. Но когда Евгения Матвеевна предложила завещать нам свою квартиру, папа наотрез отказался. Он не хотел постоянно жить в Москве, говорил: слишком шумно и суетно.

В общем, у папы была душа путешественника. После его смерти мы с мамой ездили на экскурсии в Латвию, Литву, Молдавию, одна я ездила в Крым, Нальчик, Омск. Словом, продолжили папину традицию.

Путешествуя с родителями, я смогла повидать много замечательного, несмотря на утраченное с детских лет здоровье (я перенесла костный туберкулез). Конечно, я всегда буду благодарна им за это, особенно папе: он открыл для меня истинные ценности жизни. Он был очень скромн в своих потребностях, ему был чужд интерес к дорогим вещам. Он привил мне любовь к чтению, к поэзии, природе. Даже пытался дать музыкальное образование. Когда в Ханты-Мансийск приехал эвакуированный из Ленинграда преподаватель музыки Герман Вениаминович Гауфлер, он организовал при средней школе, где работал папа, кружок музыки и пения. Папа привел меня к нему и сказал: «Будешь здесь учиться играть на пианино». Учитель был очень строгий, заставлял помногу раз играть одни и те же гаммы по нотам. Мне это совсем не нравилось, и я со слезами жаловалась папе. Прочувшись года полтора, я оставила эти занятия, пианистки из меня не вышло.

Тогда папа стал сам учить меня рисованию. Он хорошо рисовал. Это занятие было мне более по душе, и рисунки мои становились все лучше и лучше. Помню, как светлело его лицо, когда он рассматривал их... Когда я училась уже в седьмом классе, была выставка рисунков учащихся. Я тогда нарисовала букет роз, только что срезанных, еще не опущенных в вазу. Спустя годы этот рисунок я нашла в ящике пись-

менного стола. Видимо, папа оставил его на память. В общем, с рисованием у меня было гораздо благополучнее, чем с музыкой, одно время я даже преподавала его в школе.

Учил меня папа и декламировать, читать со сцены. Помню, как читали мы «Балладу о гвоздях» Н.С. Тихонова:

*Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.
Команда, во фронт! Офицеры, вперед!
Сухими шагами командир идет.*

Это умение мне очень пригодилось, когда училась в институте на литфаке, работала в школе, библиотеке, выступала перед учащимися.

Книг о войне он читать избегал: слишком тяжелый след оставляли они в его душе. Но мне как-то сделал подарок: купил небольшую книжку под названием «Они учились в Ленинграде». Это был дневник учительницы, работавшей в школе в те ужасные, трагические дни блокады. В ее классе к концу блокады осталось лишь 12 человек. Это действительно учебник мужества.

Помню, на полках у папы стояли толстые подшивки журналов «Вокруг света», «Знание-сила», книги по географии, справочники. Но были и художественные: рассказы и «Морской волк» Джека Лондона, «Зверобой», «Следопыт» и «Последний из могикан» Фенимора Купера, «Дети капитана Гранта» Жюль Верна, «Рассказы о животных» Сетона-Томпсона, «12 стульев» Ильфа и Петрова, еще кое-какие. Мне было семь лет, когда я, считая себя уже грамотной, добралась до папиных книг. Взялась читать «Рассказы о животных». Один из них — «История одной кошечки» — остался в моей памяти на всю жизнь, может быть, потому, что начала читать его чуть ли не по слогам, а закончила почти бегло.

Папа любил животных. Однажды, еще когда жили в Сургуте, он нашел где-то маленького хилого щенка, назвал Марсом, выходил его. Он стал здоровым и сильным сторожевым псом, верным другом и прожил лет 16. Потом, когда переехали с севера в Заводоуковск, у нас жил очень славный песик по кличке Динго. Он провожал папу в школу и встречал после уроков. Тогда в Заводоуковске еще не было пятиэтажных домов, а стояли деревянные, с усадьбами и огородами, где гуляли куры с цыплятами. Соседи как-то пожаловались, что наш Динго разгоняет кур и даже одного цыпленка куда-то уволок и придушил. Пришлось отдать его одному сторожу магазина, и он там нашел подброшенную для хомяков отравленную колбасу, съел и умер. Папа очень расстроился, узнав об этом. А когда мы жили в небольшом доме по улице Шоссейной, у нас был кот Рыжик — настоящий «боевик»: куда-то исчезнет, а потом еле-еле приплетется то с разорванным ухом, то с

*Л.С. Пестова.
Тюмень, 7 октября 2001 г.*

ободренным боком, то с поломанной лапой. Папа лечил его, и кот благодарил, подавая свою лапу. Это было забавно и трогательно.

А мама не хотела животных в доме. Может быть, она по-своему и права: ведь жизнь животных короче человеческой, и потом приходится тосковать по «братьям нашим меньшим». Но я, как и папа, люблю животных. В Заводоуковске, уже после смерти мамы, мы завели кошечку. Назвали ее Ю-ю, как в рассказе Куприна. Очень славная была кошечка. Дочь училась тогда в Тюмени, и Ю-юшка скрашивала мое одиночество. Потом мой зять при-

нес еще сиамского котенка, беленького, с голубыми глазами. Он жил у нас месяца три с половиной, пока не случился этот ужасный, очень спешный переезд из Заводоуковска в Тюмень в апреле 1998 г. Наспех, как попало швыряли и вещи, и одежду, и книги. Особенно жаль оставленные при отъезде книги, перевязанные аккуратно пачками, и папин портфель с газетными статьями по краеведению, тетрадь его стихов и черной папкой с документами и похвальными грамотами за честный и благородный труд. Новые хозяева квартиры оказались грубыми и непорядочными людьми. Видимо, все растащили. Произошло это, как в биологическом мире, по закону джунглей.

Вот все, что я могла восстановить в памяти о моем отце, поделиться своими чувствами и мыслями о нем. Ведь не случайно сказано поэтом: «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти холодной!» И еще: «Величайшее несчастье, когда нет истинного друга». Папа был для меня именно таким.

*Людмила Пестова
Фотографии из семейного архива Пестовых*

Ариадна, дочь Ариадны

В только что построенном здании универмага в январе 1941 г. работала окружная юбилейная выставка. Мы, опорновские школьники, неоднократно бегали полюбоваться разнообразными экспонатами, чучелами птиц и пушных зверей. Определенное чувство гордости вызывали стенды Опорного опытного сельскохозяйственного пункта, на одном из которых были помещены фотоснимки его передовиков, хорошо знакомых нам агрономов А.Н. Голяновской и М.Р. Локтика, зоотехников Э.А. Фрейберг и Ф.В. Вашкевича, рабочих У.Д. Поповой и А. Мирхалитова. Особое внимание на выставке привлекал портрет И.В. Сталина, так как был выполнен из семян мака и зерен колосовых. Автором являлась М. Вашкевич.

Ниже плакатов с призывами из резолюции XVIII съезда ВКП(б) располагались стенды, свидетельствовавшие о темпах развития сельского хозяйства в округе. Наглядно были представлены динамика темпов коллективизации, рост неделимых капиталов в колхозах, отражены в диаграммах рост поголовья оленей (в 1940 г. — 67948 голов), лошадей (23567), крупного рогатого скота (42812), овец (23143) и т.д. Данные о поголовье домашних животных в округе в 1940 г. я привел по снимку стендов, сделанному фоторепортером С.П. Красинским. На полках размещались мешочки с семенами зерновых культур, корнеплоды, в углах — снопы хлебных злаков.

В дни работы юбилейной выставки проходило ок-

ружное совещание передовиков сельского хозяйства, на котором выступила с докладом научный сотрудник опорного пункта агроном А.Н. Голяновская. Будучи знакомым с А.Н. Голяновской на протяжении более 30 лет, полагаю возможным привести несколько штрихов к ее жизнеописанию.

Ариадна Николаевна Голяновская родилась в 1897 г. в Тобольске в семье первого правительственного губернского агронома Н.Л. Скалозубова. В 1915 г. окончила в Тюмени гимназию с золотой медалью, и в этом же году она, движимая чувством высокой гражданственности, записывается добровольно сестрой милосердия в действующую армию. Три года жизни Ариадна Николаевна посвятила уходу за ранеными и больными в военном госпитале.

После окончания агрохимического отделения Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева она успешно работала под руководством академика Д.Н. Прянишникова — главы агрохимической школы в стране. С 1937 г. Ариадна Николаевна в составе бригады вела опытную работу по агротехнике сельскохозяйственных культур в округе, а в 1939 г. стала постоянным сотрудником Опорного пункта и главным специалистом округа по агротехнике.

Семьи большинства рабочих опорного пункта были многодетными, однако заботы о летнем отдыхе школьников не возникало, так как все работали соответственно возрасту. Так, летом 1940 г. наш отряд школьников на опытных делянках занимался кастрацией колосьев озимой пшеницы, т.е. удалением тычинок с пыльцой, а жизнерадостная, улыбочивая Ариадна Николаевна рассказывала нам, что такое внутрисортное скрещивание, поясняла значения слов, написанных на ярлычках или табличках: «Мильтурум», «Цезиум», «Гарнет». На картофельных участках мы ставили колышки у гнезд, которые стали цвести первыми, вновь узнавая названия сортов: «Эпикур», «Эпрон», «Лорх», «Азия Б» и др. Прополка, окучивание, силосование кормов и покос — везде посильно работали школьники. В это же лето ввели 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю и запрет на самовольное увольнение с работы.

Наступил июнь 41-го года. Самаровские старики, дымя самосадом, неспешно толкуют: «Быть войне, вода в Иртыше, паря, столь же скоро прибывает, как в 14-м годе, когда с немцем воевали». В ДНС (Дом народов Севера) и клубе рыбников идут кинофильмы о Чапаеве, Суворове, Щорсе.

И они пришли: и война, и наводнение. На митинге всех работающих на опорном пункте после директора Лещенко страстную речь произнесла Ариадна Николаевна — у женщин выступили слезы, лица мужчин посуровели. Так как радио было не во всех домах и общежи-

тиях, то ежедневно, в обеденный перерыв или после работы, Ариадна Николаевна и другие научные сотрудники проводили политинформации, используя сообщения Совинформбюро, газетные материалы, обязательно зачитывалась передовая статья «Правды», ставились задачи всему коллективу или отдельной бригаде на ближайшее время.

Когда был создан Фонд обороны, то А.Н. Голяновская и Ф.В. Вашкевич призвали всех к ежемесячному отчислению в фонд однодневного заработка, к досрочной оплате облигаций государственного займа, сдаче оплаченных облигаций в оборонный фонд. После ухода Лещенко в Красную Армию руководителем коллектива назначили инициативную и энергичную Ариадну Николаевну; она оказалась хорошим организатором. Проводились воскресники, заработанные деньги перечислялись в Фонд обороны, а по пятницам, после работы, все шли на раскорчевку площадей под посевы. Гектары кедрочей в зеленой зоне между опорным пунктом и пионерлагерем были сведены под поля и делянки.

Ариадна Николаевна и другие научные сотрудники публиковали в окружной газете «Сталинская трибуна» агротехнические консультации: «Сев озимой ржи», «О верхушках клубней картофеля», «О веточном корме», «О заготовке донцов продовольственного репчатого лука» и т.п.

Первая военная зима была холодной и голодной как для людей, так и для животных. Уровень воды в Иртыше около Самарова в июле был на десятки сантиметров выше такового в 1914 году; дома за курьей стояли в воде до середины окон, местами вода плескалась на деревянных тротуарах улицы Кирова. Пойменные луга от Березовой протоки до Пропаших островов были залиты водой, долго пришлось ждать, когда она «дрогнет», т.е. пойдет на убыль. Осока по берегам соров и пырей по гривам не везде успевали вырасти до наступления холодов — сена заготовили мало. И в условиях грозящей бескормицы директор Голяновская и зоотехники животноводческой фермы организовали заготовку и доставку возами прутьев тальника, которые все взрослые и школьники оскабливали ножами. По ходу скобления к старому при словью «В поле и жук — мясо» придумали продолжение: «А в зиму и тальник — пырей». Тальниковая кора, березовые веники и силос помогли сохранить стадо.

Многоотраслевое хозяйство, внедрение научных разработок в практику колхозного земледелия, агротехника зерновых культур и корнеплодов — все требовало внимания Ариадны Николаевны как директора и как ученого агронома. Особую заботливость она проявила о школьниках, чьи родители жили на фермах за Иртышом, и о семьях, не успевших обзавестись огородом, — они получили по четверти конской

туши после забоя выбракованных животных. А по весне 42-го года по склонам лога нарезали участки под огороды, и во вторую военную зиму люди входили обеспеченными картофелем.

Общительность Ариадны Николаевны, ее готовность помочь попавшему в трудное положение человеку, прямота в суждениях при неизменной доброжелательности, умение доходчиво объяснить суть поставленного задания и важность его выполнения вызывали у всех работников опорного пункта искреннее уважение и непререкаемость авторитета делового директора. Почтительное уважение к Ариадне Николаевне подкреплялось еще и тем, что она никогда не напоминала рабочим об их социальном положении, а ведь коллектив разнорабочих состоял в основном из людей, переживших катаклизмы 30-х годов (спецпереселенцы), депортированных немцев, калмыков, молдаван, финнов и жен попавших в плен фронтовиков, т.е. людей, ежемесячно ходивших на регистрацию в райотдел НКВД. Это были люди, не умевшие работать плохо. Не обходилось и без курьезов: калмык Д.В. Батинов был партийным и дважды в месяц обязательно ходил в Самарово — один раз на партсобрание, другой — на отметку в райотдел НКВД.

У нас, школьников, вызывало восхищение то, что Ариадна Николаевна могла запрячь лошадь не только в телегу, но и в сани, затянуть супонь, умела ездить верхом на лошади. Поражали ее деловитость, рассудительность и быстрота в принятии решения. Так, два постоянных бригадира на сенокосе П. Карякин и П. Симонов каждое лето до хрипоты спорили при разделе лошадей, какой бригаде достанется конь-коренник по кличке Снегирь. Узнав об этом, директор сказала бригадирам: «Не смещайте людей, берите Снегиря по очереди, т.е. через год» — споров больше не возникало.

Ариадна Николаевна по настроению и отношению к делу всегда была оптимисткой, а по темпераменту — сангвиником, человеком с уравновешенным сильным и быстрым типом высшей нервной деятельности. Ее отличала торопливая манера говорить. По словам матери, Ариадны Васильевны, подобная особенность быстрой речи была присуща отцу Ариадны Николаевны, с которым наблюдалось также и физиономическое сходство и сходство в бескорыстном трудолюбии, настойчивости и жизнерадостности.

В мае 1944 г. случилось несчастье — погиб младший сын, школьник Гайавата, и Ариадна Николаевна с еще большим напором отдается работе, растворяя материнское гореванье в заботах о деле, о людях и нуждах военного времени.

Более 20 лет отдала Северу кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени агроном А.Н. Голяновская, но и работая после 1957 г. в

Тимирязевской сельскохозяйственной академии, она не порывала связи с Ханты-Мансийским округом. Так, в письме от 6 июля 1970 г. Ариадна Николаевна сообщает о своем шефстве над совхозами Татарии по внедрению люпиносеяния и просит помочь найти сельхозтехника Алевтину Кудинову, работавшую в 1948 г. в Большом Атлыме, чтобы передать ей наработки по возделыванию однолетних и многолетних форм люпина. Увы, я не смог разыскать А. Кудинову, о чем и сообщил Ариадне Николаевне. Ее московская скромная квартира в проезде Соломенной Сторожки напоминала запасник музея — всюду были образцы люпина, снопы и снопики зерновых, пакеты с семенами, стопки рабочих дневников.

Легкость на подъем и забота о ближних были пожизненным свойством натуры Ариадны Николаевны. В 1970 г., когда ее младшая сестра — кандидат сельскохозяйственных наук, селекционер Анна Скалозубова — болела осложненным гриппом в Багане (Северная Кулунда), то вновь, как в молодые годы, Ариадна Николаевна стала сестрой милосердия, но выходить Анну Николаевну, к сожалению, не удалось. Июль 1978 г. был последним в жизни Ариадны Николаевны Голяновской, много и плодотворно работавшей на благо сельскохозяйственной науки и развития земледелия в Ханты-Мансийском округе.

В 1941 г. на опорном пункте появилась невысокая сухоощавая старушка, при встрече с которой приковывали внимание удивительно добрые васильковые глаза, опрятность и непритязательность одежды. Это была мать Ариадны Николаевны — Ариадна Васильевна Скалозубова, урожденная Максимова. Ариадна Васильевна родилась и выросла в Петербурге. Привожу строки из ее письма, полученного мною на первом курсе Омского мединститута в 1946 году: «...на Высшие женские курсы после окончания гимназии не удалось попасть из-за недостатка денег, и я пополняла знания в Учительской семинарии и на лекциях в Соляном городке, вдобавок давала уроки и получила цингу от переутомления и плохого питания. И все же я с удовольствием вспоминаю годы учения, наши студенческие вечера, собрания».

По ходу учения в рисовальной школе Общества поощрения художеств Ариадна Васильевна сблизилась с Маргаритой Владимировной Рокотовой, будущей писательницей (литературный псевдоним Ал. Алтаев), и они стали подругами на всю жизнь. В круг их знакомых входил студент В.Д. Генералов, часто посещавший семью Максимовых. Когда группа А. Ульянова и П. Шевырева после неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 г. была раскрыта и в квартире Максимовых проводили обыск в поисках свидетельств пребывания Генералова, то подруги побежали предупредить его, но было уже поздно — Генералова арестовали.

По окончании учительской семинарии она приехала в Красноуфимск и стала учительницей рисования в женской гимназии, здесь вышла замуж за талантливого ученика К.А. Тимирязева агронома Н.Л. Скалозубова. Будучи заведующим отделом текущей статистики Пермского губернского земства, он опубликовал «Материалы для статистики Красноуфимского уезда», которые В. Ленин использовал в книге «Развитие капитализма в России».

В 1894 г. Н. Скалозубов становится губернским агрономом в Тобольске, научным руководителем музея, но в 1906 г. за организацию крестьянского съезда его увольняют с государственной службы, ссылают в Березово, за ним едет и Ариадна Васильевна. В том же году семья возвращается в Тобольск, а в 1907 г. губернское собрание выборщиков избирает Н.Л. Скалозубова депутатом II Государственной Думы. Во II и III Думах он состоял членом бюджетной комиссии и немало способствовал отмене приговора к смертной казни 15 человек, в частности, спас от повешения М.В. Фрунзе, обвиненного в покушении на урядника.

В 1912 г. вблизи Кургана, в усадьбе Л.Д. Смолина «Петровское» Н. Скалозубов создал первую в Сибири селекционную станцию, где и заложил основу для выведения двух ценных сортов пшеницы. Навестив заболевшую сотрудницу станции, он заразился сыпным тифом, умер в крестьянской больнице и похоронен на соборном кладбище Кургана (1915 г.). Научный авторитет светлой личности Николая Лукича был настолько велик, что когда на основе его материалов в Омске организовали областную опытную сельскохозяйственную станцию, то ей присвоили имя Н.Л. Скалозубова; станция переросла в СибНИИ сельского хозяйства, известный всей Сибири.

Вырастив шестерых детей, четверо из которых стали агрономами, Ариадна Васильевна жила с кем-нибудь из них то в Якутии, то в Москве, то в Ханты-Мансийске. И везде, влюбленная в красоту природы, она писала этюды. Особенно поразительны и восхитительны этюды «Ленских столбов». В свое время И.Е. Репин находил у Ариадны Васильевны большие способности в живописи.

Я с большой охотой носил Ариадне Васильевне ее этюдник и складной стульчик, т.к. за время хождений на лоно природы она сообщала мне множество любопытных сведений об отце и его товарищах по живописи, знаменитых художниках-передвижниках. Уже в детстве она знала И.Г. Крамского, А.И. Корзухина, М.П. Клодта и его жену — дочь К. Брюллова, так как они жили в одном доме с Максимовыми. В связи с организацией и проведением передвижных выставок к отцу приходили И.Е. Репин, И.И. Шишкин, А.И. Куинджи, А.М. Васнецов. Последнего, кстати, В.М. Максимов выходил от холеры, когда они ездили в Киев.

Была знакома Ариадна Васильевна и с Д.И. Менделеевым, жена которого, художница Анна Ивановна Попова, брала у Максимова уроки живописи, а во время пребывания своего в Тобольске в 1899 г. Менделеев неоднократно виделся с Н.Л. Скалозубовым, беседовал, давал высокую оценку работе музея.

Пожалуй, чаще Ариадна Васильевна рассказывала об отце, когда я приезжал на студенческие каникулы, а затем и на практику в окружную больницу. Когда-то она полушутя спросила: «Отец мой — из крестьян, мать — из дворян, так кто я по происхождению?». Пришлось ответить: «Все зависит, по Т.Д. Лысенко, отменившему генетику, от социальной среды». И тут она рассказала, что, несмотря на всероссийскую известность, академическое звание отца, жили они бедновато, нередко нуждаясь в помощи, которую и оказывал П.М. Третьяков, высоко ценя «автора мужицких бед», каковым считал себя художник.

В. Максимов, испытывая недостаток средств, 42 раза повторял на продажу одну из самых известных своих картин «Все в прошлом» — символ уходящей пореформенной России. Шли на продажу авторские копии картин «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», «Семейный раздел» и других.

Рассказывала Ариадна Васильевна о разносторонности интересов отца — он любил и понимал музыку, хоровое пение, посещал знаменитые «среды» Д.И. Менделеева и «субботы» у генерал-майора И.А. Ярошенко, автора известных картин «Всюду жизнь» и «Кочегар».

По мере сил и возможностей Ариадна Васильевна участвовала в общественной жизни — ежемесячно отчисляла от пенсии в Фонд обороны по 15 рублей, писала лозунги к праздникам, работала, порой безвозмездно, в библиотеке, вела подшивки газет и сводок Совинформбюро, карту фронтовой линии. Библиотека опорного пункта комплектовалась в Ленинграде в 30-е годы. В составе книжного фонда имелись дореволюционные издания А.Н. Апухтина, И.С. Никитина, Ф.И. Тютчева, С.Я. Надсона, В.Я. Брюсова, А.К. Толстого, а с энциклопедическим словарем «Гранат» соседствовали стопки журналов «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Колхозник».

Всегда приветливая, ровная по характеру, доброжелательная Ариадна Васильевна, сообразуясь с уровнем развития и возрастом, вела нас, школьников, по доступной литературе. Приучала обязательно знакомиться с содержанием «толстых» журналов, читать в них критические обзоры; советовала решать кроссворды, так как полагала, что они «вострят» ум и развивают память.

Июньские ночи в Ханты-Мансийске светлы, у окна можно было читать без «помигалки», керосин-то давали по карточкам, и я готовился к экзаменам на аттестат зрелости (был такой документ с 1944 по

1961 г.) по ночам, когда ничто не отвлекает. В ночь перед экзаменом по литературе взял очередной журнал, посмотрел содержание, внимание привлекла статья «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза», с удовольствием прочел и... заснул. Утром в классе высокая комиссия объявила темы сочинений: что-то о Ниловне М. Горького, что-то о Чацком и свободную тему «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза». Воспроизвел в памяти прочитанное перед сном, неспеша написал, проверил, а в заключении не преминул указать, что заголовок — строка из стихотворения В.Я. Брюсова «Кинжал». Так мы с Ариадной Васильевной получили единственную в классе отличную оценку за сочинение.

Последние пять лет жизни Ариадна Васильевна провела у дочери Анны на Курганской опытной станции, писала воспоминания об отце и муже. Готовую к печати рукопись отослала В.Д. Бонч-Бруевичу, который знал и В.М. Максимова, и Н.Л. Скалзубова, обещал содействие в опубликовании мемуаров, но... пока бандероль шла в Москву, Бонч-Бруевич умер, а во время возвращения рукописи в Курган скончалась и 85-летняя Ариадна Васильевна. Было это летом 1955 г.

Детский портрет Ариадны Васильевны «Девочка в платке», написанный отцом, находится в Третьяковской галерее, а картина «С дипломом», на которой В. Максимов изобразил свою жену и дочь Ариадну — в Полтавском областном художественном музее.

Глубокий и добрый след оставили эти благородные русские женщины, обе Ариадны, в памяти всех, кто жил, работал, общался с ними, учился у них.

*Зубов Николай Александрович,
доктор медицинских наук, профессор*

«...много думаю над тем, как лучше построить работу»

В 1997 г., когда в Ханты-Мансийской окружной библиотеке заканчивалась работа над словарем «Ученые и краеведы Югры», составители впервые узнали об исследователе хантыйского языка Павле Кузьмиче Животикове и успели подготовить краткую биографическую справку и библиографический список из трех названий, вошедшие в словарь. Немного позднее музейный работник О.В. Худякова сообщила адрес сына П.К. Животикова Бориса Павловича, живущего в Новосибирске. От него вскоре краеведческим отделом окружной библиотеки были получены подробные материалы к биографии отца и перечень документов, переданных после смерти Павла Кузьмича в государственный архив Новосибирской области и другие научные учреждения. Это дало возможность в 1999 г. в «Новостях Югры» (майский выпуск «Краеведа») поместить более подробную биографическую справку.

П.К. Животиков (1904–1970) родился на Алтае в семье волостного писаря. Как пишет Борис Павлович, по семейному преданию, после 1861 г. из села Животиково (около г. Тамбова) группа крестьян отправилась в Сибирь искать Беловодье. Они осели на Алтае вдоль Чуйского тракта, занимались охотой, рыболовством, земледелием, сплавливали лес по Катуню. Затем какая-то часть их, получив образование, вышла в священники, учителя, сельские служащие. Так, родная тетя Павла Кузьмича Марфа была настоятельницей женского монастыря, его братья Владимир, Николай, Андрей, сестра Ольга — учителя народных школ.

В 1920 г. родители Павла Кузьмича умерли от тифа, и он остался один, т.к. братья пропали без вести на фронтах Гражданской войны. Работал делопроизводителем волисполкома, но имел большое стремление стать учителем. В сентябре 1922 г. Павел Животиков, по его заявлению, был назначен Бийским уездным отделом народного образования заведующим начальной школой. С этого момента вся его дальнейшая деятельность оказалась связанной с народным образованием.

С 1931 г. П.К. Животиков — студент факультета русского языка и литературы Томского индустриального педагогического института. А двумя годами позже случился удивительный поворот судьбы: по при-

зыву Наркомпроса РСФСР в декабре 1933 г. в составе группы студентов он был отправлен на высшие педагогические курсы Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, на которых ему предстояло стать... знатоком хантыйского языка. Летом 1934 г. Животиков окончил курсы и получил назначение в Остяко-Вогульский педагогический техникум.

В Остяко-Вогульске (ныне — Ханты-Мансийск) Павел Кузьмич вел уроки русского и хантыйского языков, литературы, продолжал углубленное изучение хантыйского языка, руководил кружком национального творчества, а в августе 1936 г. был переведен преподавателем и директором северных учительских курсов при Тюменском педагогическом институте, на которых проходили ускоренную подготовку будущие учителя национальных школ. Спустя два года курсы закрылись, и с сентября 1939 по май 1942 гг., до призыва в армию, Животиков снова в Остяко-Вогульске: преподает в политпросветшколе и педагогическом училище, состоит в комиссии по созданию литературного хантыйского языка и научно-исследовательской группе при ней.

С июня 1942 по октябрь 1945 гг. Павел Кузьмич находился в действующей армии, был командиром отделения связи, участвовал в боях на Калининском, 3-м Белорусском и Забайкальском фронтах. После демобилизации с февраля 1946 до августа 1947 гг. он — школьный инспектор Тюменского облоно по национальным округам, в 1947—1952 гг. — инспектор отдела школ, заведующий сектором школ и заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Тюменского обкома ВКП(б). В 1952—1963 гг. — ректор Тобольского, а в 1963—1965 гг. — Ишимского пединститутов. Кавалер шести орденов и медалей, в том числе медали «За трудовую доблесть» (1951) за работу, связанную с Крайним Севером и исследованиями хантыйского языка, и ордена «Знак Почета» (1961) — за подготовку учительских кадров.

Свидетельства учеников, коллег и близких родственников П.К. Животикова сходятся на том, что он был душевно богатым и добрым человеком и прирожденным педагогом.

«Мы очень любили уроки Павла Кузьмича, — пишет старый учитель А.И. Силин, окончивший Остяко-Вогульский педагогический техникум в 1935 г. — Он очень доступно излагал философские мысли Толстого при изучении нами такого трудного произведения, как «Воскресение», и мастерски читал текст по памяти... Часто допоздна мы засиживались в аудитории, чтобы послушать его. Позднее, когда я работал в Сургутском районе, Павел Кузьмич приезжал в район инспектировать нашу работу... Ученый, учитель, старший товарищ и друг, он занял в моей судьбе одно из самых значительных мест».

Когда установилась переписка между окружной библиотекой и Б.П. Животиковым, Борис Павлович прислал копию одной странички повести А. Мищенко «Аннэ из рода Чаек» (Урал. 1983. № 12). На ней переданы сохранившиеся на десятилетия впечатления мансийской писательницы А.Н. Коньковой от уроков литературы, которые вел в педтехникуме Животиков, названный в повести Жернаковым: «С восторгом слушает она преподавателя литературы Павла Кузьмича Жернакова. Лицо учителя живое — играют на лбу складки, посверкивают глаза. Впечатлительная ученица из Евры ярко представляет все, что говорит любимый учитель о великом поэте Лермонтове. Лермонтовская Бэла видится ей горной бабочкой, которая опалила огнем крылышки и погибла. И Аня Картина ревет, укрывшись за пальто в раздевалке, от бессилия, что не может вернуть Бэлу к жизни, нахлестать по щекам Печорина».

Интереснейшее письмо пришло в окружную библиотеку из Бийска от племянницы П.К. Животикова Зинаиды Андреевны Качиковой. Она сообщает новые подробности о своем «обожаемом», как она пишет, всеми его родными, друзьями и знакомыми дяде. Зинаида Андреевна вспоминает его письма с фронта, полные беспокойства и заботы о близких. Почему-то он считал, что тем, кто остался в тылу, труднее, чем фронтовикам. В 1944 г., находясь на лечении в лесной школе г. Барнаула, она получала от дяди письма, которые всегда начинались со слов: «Дорогая Зизенька и все твои друзья! Быстрее собирайтесь, теснее прижимайтесь, начинаю свой рассказ...». «Соберемся, — продолжает Зинаида Андреевна, — читаю ребятишкам, и расцветают бледные, болезненные мордашки, загораются потухшие, отрешенные глазенки (у многих при эвакуации во время бомбежек убило матерей, сестер, братьев, пережили жестокий голод, холод)... Вот так он умел расписывать события. Однажды он написал, что наша учеба тесно связана с победой. Если кто получит двойку — нашего убили, пятерку — где-то наши победили. И когда кто-нибудь получал двойку, мы искренне огорчались, укоризненно смотрели на двоечника: «Эх ты, своих тебе не жалко...». Что и говорить, знал Павел Кузьмич душу и ребенка, и взрослого и имел редкий дар сопереживания не только близкому, но и далекому, совсем незнакомому человеку.

Невозможно не процитировать, наконец, и проникновенные строки Бориса Павловича Животикова. «Отец, — пишет он в окружную библиотеку, — прожил очень насыщенную, интересную и какую-то результативную жизнь, хотя и не такую уж долгую. Наверное, имели значение кроме незаурядных способностей и энергии другие обстоятельства: совпадение личной и общественной молодости и энтузи-

азма, отношение к жизни, людям, своей работе. Все время чувствовалось постоянное ясное сознание высокого смысла своей деятельности!»

Особо хочется сказать о вкладе П.К. Животикова в культуру коренных народов западносибирского Севера. Видимо, именно редкое качество его души принимать все окружающее как свое, близкое и привело к тому, что он, никогда не живший среди ханты, манси и ненцев, проникся горячим желанием готовить из их молодежи образованных учителей — просветителей. И этого желания хватило на многие годы преподавания в Остяко-Вогульском педтехникуме и на областных национальных учительских курсах, инспекторской работы в облоно, руководства Тобольским педагогическим институтом, где он, по свидетельству Б.П. Животикова, делал совместно с А.Н. Баландиным попытку организовать факультет народов Севера.

В характеристике, данной в апреле 1962 г. ректору Тобольского государственного педагогического института П.К. Животикову, наряду с достоинствами руководителя отмечается его стремление к научно-исследовательской работе, особенно в области хантыйского языка, этнографии народов Обского Севера и методики преподавания русского и хантыйского языков в северных национальных школах. Его «Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобской диалект)», изданный в 1942 г., «в течение 20 последних лет является практическим пособием при изучении хантыйского языка для учителей северных школ, учащихся национальных педучилищ (Ханты-Мансийск и Салехард) и студентов северного факультета Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, т.е. полностью оправдал свое назначение». Кроме того, им написаны «Учебник хантыйского языка для 1-го и 2-го классов национальной начальной школы», статьи «О диалектах хантыйского языка, создании литературных языков и задачах института народов Севера в связи с этим», «Хантыйский язык и письменность», «Устное художественное творчество ханты и манси», «Прошлое и настоящее народов Севера в художественном творчестве» и др.

Интерес к национальной школе, забота о ней отчетливо видны и в публикуемых дневниковых записях, которые Павел Кузьмич делал во время продолжительных командировок из Тюмени в национальные округа в 1946–1947 гг., когда работал инспектором облоно.

Что могут рассказать дневники служебных командировок об их авторе? На первый взгляд, скорее всего, немного, и прежде всего — об его отношении к службе. Павел Кузьмич вел свои дневники ежедневно, вопреки бесчисленным неудобствам командировочного быта первых послевоенных лет, часто — в поздние часы, усталой рукой, нераз-

борчивой скорописью. День его был насыщен событиями. Самого малого промежутка времени не позволял он себе провести в праздности, даже дни и часы ожидания транспорта и остановок в пути шли в дело: на чтение лекций, посещение школ, знакомства и беседы с учителями, представителями местной власти.

В фиксации картины Павел Кузьмич предметен, объективен, строг и взыскателен (одно из часто употребляемых слов — «порядок»), это взгляд внутренне дисциплинированного и безусловно добросовестного работника. Такой текст вызывает доверие к описываемой день за днем картине послевоенной жизни наших северных школ — не живописной, но зато достоверной и богатой деталями.

Вместе с тем за сдержанной интонацией повествования постепенно все яснее обрисовывается и сам автор. И мы видим; это тот же Павел Кузьмич, так любовно охарактеризованный выше его учениками, коллегами и родственниками. Дотошно проверяя положение дел, выявляя общую картину, он остро внимателен к каждому, с кем соприкасается. Всюду он вживается в обстановку так, как будто ему тут предстоит самому учительствовать, пытается разрешить частые и порой очень сложные конфликты в коллективах, помочь и советом, и товарищеским замечанием, и строгим указанием, и делом. В поселке Аксарка Ямало-Ненецкого округа он записывает: «Обошел учительские квартиры. Дал указание заменить квартиру Брызгиной (холодная и неблагоустроенная), а также подыскать комнату Степаняну». Узнав, что серьезно болен директор Ханты-Мансийского педучилища Г.Т. Величко, добивается для него путевки в санаторий.

По-особому внимателен Павел Кузьмич к школьникам, студентам и молодым учителям: придирчиво проверяет, достаточно ли хорошо устроены десятиклассники, приехавшие в Ханты-Мансийск из Сургута и Кондинского района для сдачи выпускных экзаменов, как питаются студенты педучилища, получают ли необходимую медицинскую помощь, тепло ли в общежитии. «Ободрил. Дал советы» — подобные записи в дневнике очень часты. Его радуют глубина знаний, широта кругозора, самостоятельность суждений, культура речи ученика, он переживает за выпускников: как-то сдадут? В такие моменты обнаруживается скрытая обычно эмоциональность автора дневника. Так, после экзамена в девятом классе Аксарковской средней школы он записывает: «Поражает и выгодно отличает широкое общее развитие и культура речи. Это будут прекрасные десятиклассники!» Точно так же радуется Павел Кузьмич, когда убеждается в уверенном профессиональном становлении молодого педагога. В январе 1947 г., после районного совещания в Сургуте, он отмечает в походной тетради: «Среди учите-

лей и руководителей школ много моих учеников по Ханты-Мансийскому педтехникуму: Силин А.И., Могилева Н.И., Сипайлов Н.И. и др. Отрадно видеть все-таки плоды своих трудов. Жизнь прожита недаром¹».

Март—апрель 1946 года

18/III. Воскресенье. Пленум закончился. Со многими представителями районов удалось направить билеты по 5—6, 8—9 кл[ассам] в школы района. Все-таки странно, почему облоно не досылает остальные мат[ерия]лы к экзаменам! <...> Боюсь, как бы дело не сорвалось. Весна чувствуется и здесь. Скоро прекратится всякая связь. Очень серьезен вопрос с проведением экзаменов в средних школах округа. Где проводить, как укомплектовывать комиссии?! Основная трудность — нет достаточно преподавателей с высшим образованием. Долго ломали головы. Решили посоветоваться с руководителями округа. Вызвал Величко Г.Т. — директора педучилища. Просил предупредить коллектив об обследовании, которое начнется завтра. Величко больной и усталый. Оказывается, у него туберкулез легких. Нужно чутко отнестись к нему и, если потребуется, принять все меры, чтобы увезти на весну с севера. Здесь губительный климат! Сегодня пасмурный день. Даже трудно дышать. Радует, что вопрос с питанием и квартирой разрешен благополучно.

Вечером долго бродил по городу и наблюдал за жизнью и поведением людей. Работает кинотеатр, идет картина «Капитуляция Японии». Почему-то устал. Много думаю над тем, как лучше построить работу, чтобы получить внутреннее удовлетворение. Опыта еще нет. Это мои первые шаги на пути инспекторской работы.

19/III. Побыл на трех уроках: мансийского языка (Вахрушева М.П.), русского языка (Брайн О.Э.) и педагогики (Смирнов С.М.).

¹ Дневники П.К. Животикова публикуются по имеющейся в краеведческом отделе Ханты-Мансийской окружной библиотеки копии с автографа, хранящегося в его личном фонде в Государственном архиве Новосибирской области (документы переданы в архив Б.П. Животиковым). Ограниченный объем настоящего сборника не позволяет напечатать их в полном объеме. Опущены подробности анализа посещенных уроков, экзаменов, изложения содержания некоторых бесед и т.д., а также все, что относится к школьному делу в Ямало-Ненецком округе.

Пропущенные места отмечены многоточиями в угловых скобках, многоточия без скобок означают, что предложение воспроизведено не до конца. К сожалению, не удалось подготовить примечания, т.к. редакция не располагает достаточной информацией об упоминающихся в дневниках деятелях народного образования и местных партийных и государственных руководителях.

Приятно, что окунулся в знакомый мир педагогической жизни. Досадно, что первое впечатление омрачилось отсутствием в работе учителей яркого творческого огонька, который так необходим. Какая-то монотонность и сухость у учителей, ограниченность у учащихся! Нужно поглубже присмотреться. Может быть, я слишком идеализирую вещи и требую многого?!

Родной (мансийский) язык. Повторение мат[ериа]ла по разделу «Субъективное спряжение глагола». Прием: опрос учащихся. Учебный процесс на русском языке, примеры на мансийском. Заметно, что волнуются и учитель, и ученик. Наглядные таблицы отсутствуют. Основной недостаток — голое «теоретизирование». Чувствуется, что учащиеся языком не увлечены, его не любят. Сухость, шаблон и принужденность — основные черты урока. Надо говорить больше на родном языке, придумывать интересные приемы работы, творить. Этого не чувствуется. Да, по-видимому, и сама М.П. ведет преподавание по обязанности. Нужно с ней поговорить, указать на недостатки.

Внешний вид педучилища производит тяжелое впечатление. Холодно, неуютно. Картин мало, лозунгов и плакатов почти нет. Расписание оформлено небрежно. В классах многие учащиеся в пальто, шالях. Видимо, к этому привыкли, и на эти «мелочи» никто не обращает внимания.

Побеседовал с учителями. Соглашаются с замечаниями. Смирнов и Вахрушева заявляют, что летом хотят уехать с севера. Отсюда и настроение! Побеседовал с завучем. Он сообщил много подробностей о жизни и работе педучилища. Говорит о загруженности. Плохо, что не смогу побывать на уроках в выпускных классах, которые на ответ. практике. Но ничего, загляну и туда.

20/III. Сегодня ездил в школу на МТФ. Там все еще заведует Августа Михайловна Шебалина. Практикантки Липатникова и Першина работают одновременно с 2 классами. Липатникова понравилась. Уроки ведет уверенно, даже мало смутилась приездом инспектора и завуча. Состав оригинальный: среди учащихся 2 немца и 2 калмыка. На занятиях дисциплина хорошая, в перемену порядок. Организованы горячие завтраки, в школе уютно: на окнах чистые занавесочки, цветы, стены выбелены, со вкусом размещены картины. У школы все прибрано. Заготовлено много дров. Общее впечатление о практикантах: знания твердые, чувствуется стремление лучше спланировать мат[ериа]л урока и его осуществить; тетради проверяются с любовью. Учительницы ревностно следят и помогают. Хорошо, если б все выпускники были похожи на этих двух молодых, но серьезных девушек. Смирнов С.Н. доволен, что ученицы произвели хорошее впечатление.

21/III. На уроках литературы у преподавательницы Смирновой шло главным образом повторение мат[ериа]ла. Бросается в глаза непра-

вильная речь уч[ащих]ся. Учительница сильно волнуется и по этой причине теряет взятый уверенный ритм работы. Часто забывает поправлять ошибки уч[ащих]ся в построении фраз и в ударениях.

В подготовительном классе состав национальный (ханты и манси). Рассказывают наизусть «Песню о Буревестнике». Наряду с неправильным произношением звуков (звонкость отсутствует!) нет даже элементов выразительности — одна бесстрастная «стрекотня». Чувствуется, что преподавательница не работает над привитием эстетического чутья, над красотой русского (горьковского) слова. В передаче отдельных моментов из произв[едения] «Мать» многие выражения и слова уч[ащим]ся непонятны. Преподаватель забывает, что национальный состав требует особого подхода и приемов работы.

После уроков подробно анализировал уроки, дал указания и советы. Кажется, остались довольны. Учительница русского языка т. Брайн крайне замкнута, больше отмалчивается. На уроке чувствует себя связанно. Почему-то ведет только один русский язык, а литературу Смирнова! Надо выяснить причину, ведь этот разрыв вредно отразится на выполнении программы: пострадает раздел «Развитие речи».

После обеда пойду в базовую школу.

Был в базовой школе на уроках практикантов Елушкиной и Соколкивой. Занимаются с одним классом. Практикантки подготовлены значительно хуже, чем на ферме. Соколкива растерялась до крайности... Решил уйти с урока. Базовая школа производит хорошее впечатление в классах, в коридоре же неуютно и холодно. Оборудования не хватает. Побеседовали с учителями и завшколой Пестовой А.И. Практикантками довольны. Посмотрел дневники, планы и тетради. Стараются все делать аккуратно. Видна твердая рука методиста Дебулевой и завпрактикой Величко Л.А.

<...>

23/III. На наши запросы облоно упорно молчит. Билеты для 7–10 кл. до сих пор не пришли. В чем же дело?! Время идет. Весна предъявляет свои права. Начинают уже чернеть дороги.

<...>

24/III. Посетил общежития и интернат. Долго беседовал с учениками. У девочек чище и больше порядка, у мальчиков неуютно. Общий недостаток: нет белья, плохие койки, порванные матрацы, мало тумбочек, холодновато, тесновато. Столовая при интернате. Кормят три раза в день. С января кормят лучше, не стало мерзлой картошки. У некоторых вид болезненный. Оказывается, медосмотр дал картину безотрадную: у многих малокровие и ряд других болезней. Нужно уточнить. Это дело серьезное.

Заглянул в детсадик. Грязновато. Дети отдыхают («мертвый» час!). Из кухни несет каким-то чадом. Зав[едающей] нет. Быстро ушёл. Непомнящих негодует!

25/III. Был в Самаровском РОНО. Беседовал с завроно Зданевич. Недавно вернулась из района. Впечатление о работе школ неважное. Хвалится, что в этом году все 64 школы обследованы. Говорит о трудностях руководства. Нет статистики. Заедает канцелярщина. Просит предоставить право самостоятельного укомплектования школ. Нет нарядов на стройматериалы из области. Впечатление — много говорит.

26/III. Почти весь день был в педучилище. Подводили с завучем итоги успеваемости за III четверть. Результаты неважные, особенно по математике и русскому языку. Посмотрел планы работ, классные тетради.

Примерно обсудили вопрос о распределении 71 учащегося-выпускника. Это большая помощь округу. Многие будут ценными для нац. школ, из них 16 коренных националов.

Проверил работу заочного отделения. Много «мертвых душ». Трудно с рассылкой мат[ериалов] и получением контр[ольных] работ. Окроно и дирекция помощи оказывают мало. Нет учебников и бумаги. Из облоно материал запаздывает. Настроение у зав. заочным обучением подавленное. Ободрил, дал советы. Нужно выяснить, почему дело заочного обучения в загоне. Тов. Никишина не получала зарплаты с января месяца. Сметы до сих пор нет.

И.Д. Н[епомнящих] высказывает мысль, что дело заочного обучения нужно перестроить коренным образом.

<...>

1-2/IV. Проверял работу окроно (заканчивал!). Многие мат[ериа]лы из районов не поступили. Договорились, что окроно сообщит телеграфом. Мне медлить нельзя. Самолеты совершают последние рейсы. Был в ОК ВКП(б) и доложил свои наблюдения и выводы...

3-9/IV. Безотрывно ждал в аэропорту самолета. Надежды улететь в Тюмень почти никакой. Настроение скверное.

Удача. Кажется, пойдет самолет рыбников. Вместе с Величко Г.Т. мечтаем через несколько часов быть в Тюмени. Он ведет себя мужественно. Хорошо бы улететь!

Командировка весной 1946 года

21 мая. Сегодня выехал на пароходе «Орджоникидзе» в длительную командировку на Север. Цель — экзамены в школах и проверка работы Я[мало]-Н[енецкого] окроно.

25 мая. Прибыл в Самарово. После обеда пошел в Самаровскую среднюю школу. Экзамены с 4 по 9 классы начались с 20/V. Огромное

здание школы сиротливо высится в полугоре над селом. Снаружи и внутри здание школы не украшено. Ничего не говорит, что в школе идут экзамены. Нет ни плаката, ни лозунга. Только выделяется одно расписание, вставленное в рамку и празднично разукрашенное. Сегодня экзамены уже закончились. Просмотрел письменные работы в 4, 7 и 5 классах. В основном дети с работой справились. Заметно, что в ряде работ пропущены ошибки, хотя красуются подписи экзаменатора... и ассистента... Указал директору Хомялеву на данный недостаток и предложил пересмотреть. Много разговаривал с т. Хомялевым о работе школы, о подготовке к экзаменам в 10 классе. Плохо, что к встрече выпускников из сургутской школы общежитие еще не готово. Дал указание организовать помещение и питание и др. условия. <...>

<...>

28 мая. <...> Осмотрел комнаты, где будут размещаться выпускники из Нахрачей. В одной стоит 7 коек с матрацами. Так комнаты светлые и чистые. Обещают, что все будет устроено как следует к сроку.

<...>

Был в педучилище. Беседовал с директором Смирновым С.М. и завучем Величко Л.А. (оба временные). В здании стало чище, уютнее. В 7-м подготовительном классе идут экзамены. В остальных классах — консультации. Просмотрел документацию к экзаменам и подсобные мат[ериа]лы. Все в образцовом порядке. Экзам. комиссия проинструктирована, все свои обязанности знают хорошо. Нет только самого председателя (директор Величко Г.Т.), который едет с курорта и должен приехать к сроку. К концу дня зашел в ОК ВКП(б), где кратко доложил свои наблюдения и попросил взять под контроль подготовку помещения и питания для выпускников — гостей.

<...>

30 мая. Был на беседе у зам. председателя окрисполкома т. Трусова. Выдвинул перед ним ряд вопросов: подготовка и проведение экзаменов, квартиры и питание для приезжающих выпускников, для молодых специалистов, направляемых к округ, о стр[оительст]ве здания педучилища и т.д. Трусов дал согласие всемерно содействовать делу организации всех мероприятий. Он в курсе всех вопросов.

Сообщили что приехали десятиклассники из Нахр[ачинской] ср. школы во главе с директором Товмасыном. Из 15 чел. допущено к экзаменам только 8! Безобразная картина. Нужно потребовать от Товмасына объяснений. Беседовал с ребятами (6 девушек, 2 юношей). Робкие и боязливые. В разговоре откровенно сообщили, что у них много недоработок из-за того, что новые билеты пришли за несколько дней до отъезда. У них быстро пройдена программа по литературе, не пройден курс новой истории за 9 класс, не выполнены практические работы по

физике и химии. Пр[еподавательни]ца литературы Кузнецова А.П. успела уже запугать их трудностями по русскому языку. (Вот странная тактика!) После разговора с ребятами беседовал с Карфидовым и Чикирдиной. Предложил организовать необходимую помощь для уч-ся Нахрачинской школы.

<...>

Нужно выезжать в Салехард, но, как назло, нет парохода. Как трудно с передвижением здесь, на Севере!

31 мая. Сегодня провел совещание руководителей экз[амениационной] комиссии самаровской и нахрачинской средних школ (Товмасын, Чикирдина и директор Карфидов). Выяснилось, что уч-ся 10 кл. нахрачинской ср. школы имеют много пробелов в подготовке по физике, химии, литературе и истории (новой). Бытовые условия созданы удовлетворительные, но питание еще не налажено. Предложил им спланировать консультации и обзорные лекции, чтобы кое-что наверстать. <...> Дал исчерпывающий инструктаж. Договорились завтра провести объединенное совещание самаровской и х.-м. комиссий.

<...>

1 июня. С 9 часов утра до 2-х дня присутствовал на экзамене по литературе в 9 классе Х.-М. ср. школы (устно). Впечатление от ответов уч-ся отрадное. Содержание ответов оригинальное и показывает зрелость и самостоятельность в суждениях. Верно, речь некоторых учеников страдает погрешностями стилистического характера... Из одиннадцати спрошенных при мне получили оценки «5» шестеро, «4» — трое и «3» — двое. Это замечательно! Пр[еподавательни]ца т. Кузнецова Анна Павловна много поработала над глубиной знаний уч-ся. Чувствуется, что она очень довольна результатами своей работы. Отрицательное мнение завокроно о ней не соответствует действительному положению вещей.

<...>

Опять посетил общежитие нахрачинцев. Когда вошел, то заметил, что все ученицы сидят за книжками. Видно, что упорно и много читают. В комнате уютно. Сразу стали жаловаться на плохое питание в столовой. Черт бы их побрал, этих организаторов! Нужно будет поставить вопрос в ОК ВКП(б), чтобы выправили это дело. Был в окроно. Подал завоблоно телеграмму, что засел в Х.-Мансийске из-за отсутствия парохода. Указал в телеграмме о подготовке к экзаменам и их ходе.

С 7 до 10 вечера проводил объединенное совещание членов и руководителей экзаменационных комиссий самаровской и х.-м. средних школ. Разобрал с комментариями инструкции. У учителей было много неясных вопросов, которые возникали в процессе обсуждения. Эти вопросы постарались разобрать.

<...>

На совещании выяснилось, что необходимо решить вопрос о сроке начала экзаменов в самаровской и х.-м. ср. школах в связи с тем, что сургутяне опаздывают. Решили отодвинуть экзамены на 5 июня, чтобы не создавать разрыв в расписании.

Со своей стороны, дал ряд указаний и советов, чтобы не допускать недостатков прошлого года. Основные из них:

1. Члены экз. комиссии должны быть активны.
2. Тщательное и аккуратное оформление всех экз[аменационных] документов.
3. Черновые записи членов экз. комиссии по ходу экзамена.
4. «Лучше немного недооценить, чем переоценить!».
5. Выполнение практических работ по физике и химии.
6. Теплое отношение к выпускнику. Спокойная деловая обстановка на экзаменах. Распорядок дня и твердый режим. Разумный отдых и культ. развлечения. Связь с родителями и комсомолом. Контроль над питанием.
7. Взаимоотношения выпускников разных школ.
8. Работа с отставшими учениками 10 класса (нужно не терять их из виду и готовить к сдаче экзаменов через год!).

Договорились с И.Д. Непомнящих поставить перед облоно следующие вопросы телеграфом: 1. Может ли ученик 10 кл. на экзамене брать 2-й билет. 2. Как оформлять аттестаты, если ученик сдал экзамен в другой школе, а педсовет должен решать свой. 3. О начале экзаменов в х.-м. и сам. шк. с 5/VI...

2 июня. Воскресенье. Я все еще в Х.-Мансийске. Парохода нет и, вероятно, будет через 2–3 дня. Дали установку окончательно, что экзамены начнутся с 5 июня, т.к. сургутяне выехали с пароходом «Орджоникидзе» вчера в 8 ч. вечера и приедут только завтра. Говорили об этом сегодня по прямому проводу.

<...>

После обеда присутствовал на государственном экзамене в выпускном классе Х-М. педучилища по русскому языку и методике его преподавания. На экзамене присутствуют только экзаменатор Дебулева, председатель комиссии Смирнов, позднее пришла Брайн и часа через три уполномоченная облоно т. Гильц. При мне отвечали 8 человек. Важно отметить, что состав класса национальный... Отвечают уверенно и свободно. Вопросы в билетах довольно сложные, охватывают крупные темы...

<...>

Пришел из Самарово Бубновский и доложил, что ученики сургутской школы приехали в числе 18 чел. Одна девушка из прошлогодних. Встретили их хорошо: ученики Самаровской сред. школы вместе с учителями. Поместили в хорошие комнаты. Но до сих пор плохо дело налажено с питанием. Указал Непомнящих, чтобы выяснил, в чем

дело. Бубновский будет председателем экзаменационной комиссии. <...>

4 июня. <...>. Еще раз побывал в Х.-М. средней школе и посмотрел, как приготовлено помещение для экзамена. Уютно, светло, все подготовлено. Почему-то мало надежды на нахрапиченцев, которые в предварительных работах показывают большую неграмотность. Вообще я с сегодняшнего дня решил убраться в Самарово, чтобы «попроведовать» школы и ждать парохода.

Неожиданно прилетел Г.Т. Величко. Встретились. Поправился хорошо. Благодарит за то, что весной вырвали с Севера. Рассказывал много интересного о юге. Привез ценные материалы по строительству нового здания педучилища.

Вечером перешел в Самарово и передал Стародумовой пакет с темами сочинений по литературе для 10 класса. Посетил комнату, где живут сургутяне, тут же живет и пред. экзам. комиссии М.Я. Бубновский. Ребята еще не спят (их 18 чел.). Готовятся, хотя времени почти 12 часов. Чувствуется, что волнуются. Ведь завтра решающий день в их жизни!

5 июня. К 8 часам утра был в здании Самаровской средней школы, где с девяти предстоит экзамен на аттестат зрелости по русскому языку и литературе письменно. Почти все готово: ребята собрались, бумага, чернила и ручки ждут. Только в одном классном помещении не хватает одной парты (просчитались!) и опоздал член комиссии Дроздовский на 25 минут. Пакет с темами комиссия вскрыла за 15 минут до начала экзамена. Темы оказались интересными и значительными по содержанию... Большинство из учеников взяли 1-ю тему — об общественном значении романа Горького «Мать», следующая часть — 2-ю тему «Обломов и его предки в литературе». Третью тему — «О назначении поэта» — взяли единицы. Наблюдал все 5 часов. Нарушений не было. Особенно внимательны и зорки Бубновский и Стародумова. Уч-ся использовали время полностью. Есть признаки, что написали без провалов и некоторые оригинально. В классах был полный порядок. <...>

Пароход «Карл Либкнехт» обещают ночью. На нем поеду в Салехард. Мат-лы для педучилища, наверное, опоздали, т.к. пароход «Ленин» вернулся, не доходя до Салехарда, из-за льда. Интересно, когда получат, и получат ли вообще.

<...>

Часов в 10 вечера заглянул в среднюю школу. Работы выпускников 10 класса еще не проверены, но предварительный просмотр показывает, что несколько человек (2–3), пожалуй, не справились с сочинениями из-за орфографии. Бубновский и ребята уже расположились ко сну. Случайно зашел в кино. Шла картина «Великий перелом». Звук очень

плохой. Картина прервана, т.к. прекратилась подача электроэнергии, и неудовлетворенные зрители разошлись по домам.

Был на пристани. Пароход «Карл Либкнехт» ожидают завтра к вечеру. Он вышел сегодня из Тобольска в 2 ч. дня. Да, вопрос передвижения здесь, на Севере, чрезвычайно затруднен: сиди у моря и жди погоды!

<...>

7 июня. Плыву на пароходе «Карл Либкнехт». Устроился удобно, в 2-местной каюте еду один. В Кондинске пароход стоял минут 20. Завроно т. Страхов пришел, но на пароход не попал. Пришлось разговаривать с палубы. Дал указания об экзаменах и этим ограничился.

8 июня. Пароход в Березово был рано утром. Из району никто не пришел. Случайно встретил учительницу Коневу Зою, мою бывшую ученицу в Х.-М. педучилище. С ней отправил контрольные работы для 10 кл. (2 пакета). Как жаль, что Коробова не пришла.

<...>

9 июня. Воскресенье. До Салехарда осталось ходу 2 часа. Влево от Оби виднеются Уральские горы, покрытые снегом. Какой контраст! В Тюмени цветет сирень и черемуха, а здесь еще снег и царство холода. Обь, широкая и величественная, несет свои воды на Север. Какой беспредельный простор! Суровый край с его мелкой растительностью, обилием озер и болот. По пути много дичи: лебеди, гуси и утки. Неутомимые чайки носятся над поверхностью воды. В этой «полунощной стране» первый раз. Люди живут здесь годами. Да, много значит сила привычки! Почему-то грустновато. Такое ощущение, что заехал далеко-далеко. Приеду — скучать будет некогда: много работы, и ждут оригинальные впечатления.

<...>

8 июля. <...> Долго разговаривал с директором педучилища Велико о работе педучилища, в частности о росте национальных кадров. Все-таки преподавание нужно перестроить так, чтобы дать возможность учащимся проводить практику в национальных школах, а преподавателям-методистам бывать в нац. школах с целью изучения особенностей нац. состава детей и работы с ними.

9 июля. Пароход на Тюмень пойдет 13–14. Это значит, что я к областному совещанию не попаду. Решено лететь числа 15 на самолете вместе с Непомнящих, а пока здесь прочитаю несколько лекций по русскому языку на учительских курсах.

Весь день сегодня был на экзаменах по истории в 10 классе Х.-М. средней школы. Из 12 чел. выдержали все, но качество ответов среднее. Выделился ученик Корнилов, который прекрасно знает материал.

Вечером был выпускной вечер. С привет. словом выступил и я. Пришел домой в 4 утра. Было хорошо.

11/VI-46. Вчера и сегодня участвовал в работе 12-й сессии окружного Совета. Последний вопрос стоял о подготовке к новому учебному году и об итогах учебной работы за 1945-46 уч. год. Завокроно сделал исчерпывающий доклад. Много народу выступало и отмечало недостатки в деле состояния нар. образования.

Я говорил целых 18 минут и остановился на самом основном, с моей точки зрения: слабый размах обществен. движения в помощь школам, причины неуспеваемости, необходимость улучшения материального состояния интернатов, забота об учителях и т.д. Выслушали со вниманием и мои предложения внесли в решение. Считаю, что мое участие на сессии было полезным. Вчера начал чтение лекций о работе в подготовительных классах, а также разбирал тематику об учете особенностей северных языков при преподавании русского языка. Провел 2 часа, вообще же намерен провести часов 8-10, как позволит время. Это дело полезное для учителей нац. школ, и они слушают с удовольствием. Завтра проведу совещание с заврайоно, и можно будет улетать в Тюмень.

1946-1947 г.

2/XII-46 г. Прилетел с С.Г. Казанцевым в Тобольск. Самолет дальше не летит. Придется здесь прожить несколько суток.

5/XII-46. Только сегодня прилетел в Ханты-Мансийск. Пришлось прожить в Тобольске 2 дня. Очень понравился детдом № 50, которым руководит Галина Ивановна Гайсина. Большой двухэтажный дом, внутри идеальная чистота и порядок. Это лучший детдом! Был в педучилище у директора... Хотел побывать на уроках, но не удалось, т.к. позвонили из порта. Присутствовал на вечере Некрасова в учит. институте. Понравился доклад и концерт. 4/XII пробыл в порту, побывал в татарской семилетней школе, прослушал два урока русского языка у пр-ля Кайгородовой. Школа небольшая. В ней тесновато. <...>

<...>

7/XII 1946 г. Был с К. в Х.-М. педучилище на 4 уроках: урок литературы во 2 кл. (Цехнова), психологии (Смирнов), ханты языка (Чупров), литер. в 1 кл. (Брайн). Провел беседу с пр-ми и директором.

Вечером провели аппаратное совещание при завокроно, где директор педучилища т. Величко рассказал о состоянии учебно-воспит. работы. Содержание совещания было деловое, исключая выступление пр-ля музыки Соколова, который позволил себе грубый выпад по отношению к директору и всему педколлективу. Придется провести специальное расследование.

8/XII. До 2-х дня проводил расследование конфликта в педучилище. Выявились возмутительные вещи со стороны пр-ля Соколова. <...>

<...>

22/ХІІ–46. Воскресенье. Собираюсь в дорогу. Запасся теплой одеждой. Хорошо, что большую заботу проявляет Величко Г.Т...

23/ХІІ–46 г. Доехал до д. Сумкино, где задержался на несколько часов. Пошел в местную нац. школу, где заведует и работает одна Рожкова Александра Максимовна. В школе всего три класса, в них 28 чел. уч-ся... Школа находится в приспособленном колхозном доме. Классное помещение одно, за перегородкой квартира учителя, при входе прихожая-раздевалка. Парты «разнокалиберные», собранные из соседних школ... В окнах нет зимних рам, т.к. нет стекла... Нормальная температура поддерживается железной печкой, есть опасность в пожарном отношении. Наряды на керосин школа не получила. Со снабжением продуктами сносно, но уч-ца жалуется на отсутствие белья, чулок. С дровами хорошо. По линии рыбокооп было занаряжено 14 пар кож[аной] обуви, а прислали 4 пары, и то взрослых, и 2 пары валенок...

Районо методической помощи совершенно не оказывает, куство-вых совещаний не было, учитель никакой помощи не получает, ничего не читает, отстал от жизни. Классный журнал имеется, но в нем только оценки, что пройдено — не учитывается.

Посмотрел детские тетради: полей нет, оценки ставятся карандашом и каллиграф[ически] неверно. Замечено очень много грамматических ошибок, пропущенных при проверке. Внешний вид тетрадей аккуратный. Планы уроков есть, составляются удовлетворительно. В обществ. жизни села уч-ца участие почти не принимает. Дал ей советы, указания и замечания. Выслушала внимательно, многое записала. Нужно ей помогать!

24/ХІІ–46. Сегодня добрался до с. Зенково. Сказали, что повезут только вечером. Решил посетить уроки в Зенковской семилетней школе, где директор тов. Самарина. Школа расположена в 2-х приспособленных крестьянских домах. В классах чисто, но мрачно и неуютно, примитивные лозунги, портретики и кое-какие наглядные пособия (таблицы, картины). Стены «побелены» глиной. Отражения 5-летнего плана и подготовки к выборам в Верх. Совет нет. Учебными и наглядными пособиями школа оборудована очень бедно, а учителя собственными силами ничего не делают.

Посетил 3 урока: физики в 6 кл., естествознания в 5 кл. (Самарина) и истории в 5 кл. Недостатки. Физика «меловая». Учитель объяснил устройство барометра и др. приборов, но неумело чертил на доске схему устройства и... только. Урок истории понравился. Уч-ца Самарина к уроку подготовилась хорошо, ее язык культурный, урок ведет умело. Дети материал знают («Строение листа»). <...> Методическая работа в педколлективе не ведется, куст. объединение на работает. Контроля от

районо не бывает. Никто школе не помогает.... Сходил в с/совет и побеседовал с председателем. Изложил ему все претензии и предупредил о всеобуче, необходима помощь школе дровами... <...>

25/ХІІ. Проехал Сытомино, Кушниково и часа в 3 был в Тундрино. На минутку забежал к Питеру, директору 7-л[етней] школы с. Сытомино.

27 и 28 декабря.

Два дня пробыл в Пимской начальной национальной школе, которой заведует Хмелева Мария Ивановна. Школа, учителя, порядок и состояние учебно-воспитательной работы произвели хорошее впечатление.

На берегу тихой речки Пим расположилась небольшая деревенька — центр национального Совета с радиусом разбросанности населения до 500 км. Самый лучший дом в поселке — школа. Здесь же находится красный чум, сельсовет, магазины и склады. Чувствуется огромная оторванность от главной магистрали, таежная глушь. Но люди работают самоотверженно и с энтузиазмом. Наиболее выдающиеся люди Пима:

1. Зав. школой Хмелева Мария Ивановна — местная, сургутская уроженка, работает в хантыйских школах района пятнадцать лет, прекрасно владеет местным диалектом хантыйского языка, способный организатор и хозяйственник, любит детей, вся отдается работе, имеет образование — Тобольское педучилище — и ценный опыт педагогической работы в нац. школе. Ведет 1-й класс... Букварный период закончен. Дети вполне удовлетворительно читают и пишут. Обучение ведется на русском языке, но там, где требуется, уч-ца использует и родной язык детей. Хмелева хорошая общественница. Ханты ее уважают и проявляют все признаки глубокого почтения. Недаром все дети 7—12 лет охвачены обучением, и отсева за первое учебное полугодие не допущено.

2. Учительница 2 и 4 класса Цай Тамара Григорьевна. Также уделяет работе в школе много внимания, и качество ее работы с детьми хорошее. Принимает большое участие в работе с родителями, в общественной деятельности. Партийные руководители и председатель национ. Совета отзываются о ней тепло и с уважением.

Кроме них в школе работает молодая уч-ца Черкашина З.С., которая ведет подготовительный и третий классы. <...> Воспитательница интерната Кушникова А.В. — молодая девушка, но работать старается. Заслуживает внимания работа завхоза школы Косинцевой А.Е., которая очень экономно и бережно расходует средства и по-деловому организует хозяйственную жизнь школы и интерната.

Кроме того, на фоне пимской обстановки рельефно выделяются два человека — это заведующий красным чумом Хмелев Иван Ивано-

вич, прекрасно знающий быт, нравы и язык местного национального населения и проводящий большую политико-просветительную работу среди ханты. Особого внимания заслуживает председатель Совета Марсынов Иван Гаврилович, ханты по происхождению, лет около 40. Больной, инвалид войны (весь был изранен, и раны кровоточат), он упорно преодолевает болезнь и руководит Советом, он же секретарь первичной партийной организации. Очень ценный человек.

Понаблюдав уроки, просмотрел документацию, провел с учителями несколько совещаний, дал очень много советов и указаний. Кажется, остались очень довольны.

Неожиданно встретил в пимской школе инспектрису Сургутского роно Нежданову Анастасию Петровну. Присмотрелся к ней. Производит хорошее впечатление. Деловая и знает методику работы, хотя опыт инспектирования очень небольшой. Она также дала учителям много ценных указаний и сравнительно удовлетворительно справились с составлением акта.

В жизни и работе школы имеется ряд серьезных недостатков.

1. Семь учеников-ханты болеют паршой. Головы покрыты сплошной коростой бело-желтого цвета. Дети беспрестанно чешутся, шелуха разлетается в стороны. Больные не изолированы, есть опасность распространения этой парши на здоровых, но все к этому относятся равнодушно, свыклись и мер к лечению никаких не принимается. Вызвал зав. медпунктом, которая заявила, что райздрав не отпускает никаких медикаментов для лечения детей. Какая неслыханная тупость!

2. Учителя, работающие одновременно с двумя классами, не умеют планировать уроки как единый педагогический процесс, в результате уроки проводятся методически неправильно, внимание по классам распределяется неравномерно, и 50% рабочего времени тратится понапрасну. Предложил резко изменить систему планирования.

3. Подготовительный класс ведет уч-ца Черкашина одновременно с 3 классом, причем хантыйского языка совершенно не знает. В результате в течение полугодия дети часто предоставлялись сами себе, русским языком владеют плохо, мыслят исключительно на родном хантыйском языке, общее развитие крайне ограниченное, навыки письма цифр самые примитивные. Причина: уч-ца бессильна вести работу с детьми, т.к. ясно не представляет себе цели работы, не знает хантыйского языка и затрудняется правильно строить работу с 2 классами. Предложил: с подготовительным классом заниматься отдельно, перейти на работу с ним М.И. Хмелевой, а 1 и 3 классы передать Черкашиной. <...>

4. Работе над культурой устной и письменной речи в школе уделяется недостаточное внимание. Порекомендовал ряд приемов работы,

в частности, проводить сравнительное изучение грамматики русского и хантыйского языков. Посоветовал больше привлекать наглядности, особенно при обучении русскому языку.

5. Совещания педколлектива не проводятся, протоколов педсовета нет. Методической работы не ведется, учителя варятся в собственном соку, в результате много недопонимания даже в самых элементарных вещах. Посоветовал работу педсовета проводить и обсуждать вопросы методического содержания. Указал тематику для внеклассной работы с детьми.

6. Бросается в глаза отсутствие работы над оценкой. Отметки в классе не объявляются, вокруг них не создается авторитета, и, следовательно, эта система теряет свою воспитательную ценность. Сделал предложение выправить эту работу.

Педколлектив способен проводить исследовательскую работу над хантыйским языком. Я мыслю составление словаря местного диалекта. Поэтому решил дать такое задание, чтобы к 1/VII 47 года эта работа была закончена и выслана мне в облоно.

29—30 декабря.

На оленях ехал от Пима до Сургута — 170 км. В пути пришлось ночевать в юрте одного ханты... В юрте грязновато, налево от входа чувал — «камин», где постоянно горят поленья, вверху вешала с предметами обихода. Очень гостеприимный, все время угощал рыбой, даже предлагал «патанку», но я не могу есть сырую рыбу и отказался. На оленях ехать хорошо, бегут быстро. Только нарточка небольшая и сидеть неудобно. Дорога тянется узкой лентой то по тайге, то через замерзшие болота. Пейзаж однообразный. Деревья, окутанные снежными хлопьями, как ватой, стоят заколдованные, и кажется, что это чудесная сказка. Кругом мертвая тишина. Все-таки лес здесь безжизненный, скучный, не то что на юге!

31 декабря.

Вчера поздно вечером приехал в Сургут. Устал, сильно стало ломить позвоночник, т.к. ехал долго в сидячем положении. Попил горячего чаю и сразу заснул до утра. Случайно остановился у Тосиной Ольги Михайловны. Очень скромная и умная учительница Сургутской школы.

Утром пошел в роно. Заведующий на месте. Только недавно прибыл из командировки, где пробыл целых 2 месяца. В результате дело народного образования запущено, школы никто не контролировал... Завьялов энергичный и способный работник. Дело понимает, но опыта руководящей работы не имеет и немножко хитроват. Много говорит, обещает, но на практике работает слабо. Нужно как следует к нему присмотреться. Аппарат у него сильный. Два инспектора — Нежданова

и Панкина. Бухгалтер, счетовод, секретарь и завхозьяйством... Помещение роно приличное, 3 комнаты. Чисто и уютно. Работать можно.

Был в райкоме партии и долго разговаривал с 1-м секретарем Лоскутовым Аркадием Николаевичем. Рассказал ему о цели приезда и высказал ряд претензий, которые в основном свелись к следующему:

1. Длительная командировка Завьялова повредила делу народного образования в районе.

2. Непостройка вывезенного здания для средней школы чрезвычайно губительно отразилась на работе, в частности, положение детского дома очень тяжелое, дети задыхаются в тесноте, а выхода нет, сама средняя школа работает в 2 смены, внеклассную работу проводить негде.

3. Дети-ханты болеют паршой. Райздрав не заботится, районо и райком тоже. Получается жуткая картина.

4. Контроль над работой школ осуществляется слабо. Работники райкома и роно этот участок забросили. Учителя над повышением своего идейно-политического уровня работают слабо.

Лоскутов сильно переживал, когда я в упор поставил его перед фактами. Обещает все выправить, но я боюсь, что это только слова. Чувствуется, что остальные дела захлестнули райком, и дело народного образования было забыто. Это основная ошибка местного руководства, хотя секретарь РК ВКП(б) сам учитель и дело прекрасно понимает.

Сургут не изменился, стал хуже, постарел. На улицах много снегу, тишина, люди попадаются редко. Типичный северный поселок.

Да, сегодня последний день 1946 года. Вот где придется встречать новый год! Вдали от семьи и родных благодаря Северу и его экзотике. Но удовлетворяет одно, что от моей работы есть польза, особенно для национальных школ. <... >

1-го января 1947 года.

Сегодня все учреждения не работают. Праздник. Вчера у Ольги Михайловны собрались друзья, мы немножко выпили, повеселились. Но такая жуткая тоска на сердце! Все-таки меня эта работа сгубит. Уж слишком я привык по-своему понимать многие вещи.

Никуда не ходил. Просматривал свои записи, думал, читал, обобщал, писал. Наконец, усталый, уснул до грядущего дня.

2-го января.

С утра и до обеда провел в Черномысовской семилетней школе, где директором работает Пугно Прокопий Прокопьевич. Работник неплохой, но много еще армейского, от школы и жизни отстал. Здание школы хорошее, но сильно запущено, нужен капитальный ремонт... <...>

<...>

3 января 1947 года.

До обеда был в Сургутской средней школе. Просмотрел всю документацию, много беседовал с директором т. Бубновским М.Я. В работе школы имеются большие недостатки: успеваемость низкая (51%), оформление классных журналов небрежное, особенно у Знаменского А.С. и Ковейша. Борьбы за авторитет оценки нет. Контроль, особенно со стороны завуча Михалевой, поставлен исключительно слабо (она болеет, и побеседовать не пришлось). Директор посетил 58 уроков, завуч только 8. Остальные все документы есть, кроме планов директора и завуча. <...> У Бубновского и Завьялова трения. Мне кажется, что Бубновскому работать трудно, никто ему не помогает, и он просто замкнулся. В книге приказов видна упорная борьба директора за качество знаний, оформление документов, но нетактичность и невыдержанность сделали разлад с коллективом, и Бубновский остался одинок. Нужно сделать определенную перестройку всей работы. Завтра пойду проверять работу роно.

<...>

9/1-47. Весь день ко мне целое паломничество. Учителя приходят со своими нуждами. <...>

Позднее за мной пришел Знаменский А.С. и увел к себе. Долго сидели и рассуждали на различные темы. Он большой оригинал. Показал мне ряд работ по математике, этюды на фортепиано. Все-таки пропал большой талант у человека...

10 января.

<...>

Кажется, мне завтра не уехать. Почта обещает возить только 12/1. Иного выхода нет. Самолет из Ханты-Мансийска не прилетел. Боюсь, что задержусь в Х.-М. и опоздаю в Ленинград. Но выше головы не прыгнешь! Состояние здоровья хорошее, настроение тоже. Все-таки как обогащается опыт на инспекторской работе! Только бродячий образ жизни не дает мне удовлетворения. Трудно и устаю.

12-14/1-47.

Был приписан к почте и ехал двое суток до Ханты-Мансийска. В пути страшно устал. В школах быть не пришлось. Кое-где вызывал заведующих и директоров для беседы. Школы все работают.

Сильных морозов нет. Мне в этом отношении повезло.

15/1. Вчера поздно приехал в Ханты-Мансийск. Что-то немного заболел. Целый день был в окроно. Много беседовал с Непомнящих о своих впечатлениях по поездке в Сургутский р-н. <...>

16/1-47 г. Был в окружке ВКП(б) у 1-го секретаря т. Ершова. Целых 2 1/2 часа беседовали по вопросам состояния дела нар. обр[азования] в Сургутском р-не. Обсудили также вопрос об обследовании

педучилища. Решили с результатами обследования [2 слова нрзб.] бюро ОК ВКП(б) 24–25 января. Завтра мне нужно будет уезжать.

22 мая 1947 года.

Завтра на пароходе «Москва» выезжаю в двухмесячную командировку в северные округа. Основное задание: экзамены, подготовка школ к новому учебному году, сбор материалов к областной выставке.

27 мая. [Ханты-Мансийск].

<...>

Коротко побеседовал с учителями — членами экзам. комиссии, просмотрел экзаменационные материалы. Все нормально.

Нынче особенность: в Х.-М. школу съедутся сдавать экзамены на аттестат зрелости 3 школы: сургутская, кондинская и березовская. Всего будут сдавать 4 школы. Сургутяне во главе с тов. Бубновским М.Я. уже прибыли в колич. 16 чел. Для них подготовлено общежитие в нижнем этаже школы. Настроение у народа бодрое и уверенное. Это дает надежду, что и нынче сургутские абитуриенты опять будут впереди. Договорился о материальной помощи приезжающим со стороны окрону. Труднее с питанием. Многие забыли паспорта.

28 мая. Здесь уже начинает чувствоваться влияние севера. В воздухе гораздо холоднее, чем в Тюмени, деревья еще не распустились, мокрый воздух, вокруг много воды. Во всем признаки ранней весны.

С утра был в педучилище. Передал все экзаменационные материалы: контрольные работы и билеты по I и II классам. Нужно сознаться, что мы ежегодно подводим северные округа присылкой мат[ериало]в, т.к. поздно и людям приходится перестраиваться буквально на ходу. С организационной стороны педучилище к экзаменам готово. Директор Величко Г.Т. и завуч Дебулева В.Я. уверенно говорят о готовности выпускного класса.

<...>

Положение в педучилище действительно напряженное. Соколов по-прежнему творит свои [1 нрзб.] дела. Кроме того, с весьма плохой стороны себя зарекомендовал пр-ль педагогики Смирнов П.М.: странная женитьба на техничке, присвоение профсоюзных денег и т.д. Физрук Леонтьев посажен за вражескую болтовню. Для меня полная неожиданность, т.к. оказывается, что «в тихом омуте все черти водятся».

В общем получается, что коллектив педучилища нужно коренным образом перетрясти, а м. б., даже подумать и о руководстве.

Со строительством нового здания педучилища дело движется медленно. Причины: нет денег, рабочих, материалов. Необходимо сообщить обо всем Казанцеву.

Неожиданно сообщили, что пароход «Ленин» будет вечером. Поэтому нужно быстро собраться и ехать дальше в Салехард, чтобы вов-

ремя вручить билеты и контрольные работы С.-Х. педучилищу. Наскоро составил задание окроно.

29 мая. В 4 часа утра выехал на пароходе «Ленин» в Салехард. Всю ночь не спал. Недомогаю.

Пароход в Кондинске стоял 2 часа. Зав. Микояновским роно Страхов П.И. ждал на берегу, потом пришел на пароход. Дал ему ряд указаний, особенно в отношении своевременной отправки учеников 10 класса на экзамены в Х.-Мансийск.

30 мая. Утром проехали Березово. Пароход стоял 3 часа. Сходил в районо. Переговорил с завроно тов. Коробовой. Она проводила меня на пароход. Выяснил, что ученики Березовской средней школы также готовы сдавать экзамены в Х.-М., но неясно дело с пароходами. Дал задание отправить учеников катером.

<...>

31 мая. В 6 час. вечера приехали в Салехард. Это был первый пароход. Народ сбежался весь, т.к. приход парохода — важное событие. Устроился жить в одной из комнаток общежития педучилища.

1 июня. Воскресенье. Пришел в окроно и вызвал Лабазова П.М. для беседы. После этого пошел побродить по Салехарду. Вечером ходили в театр смотреть пьесу «Любовь Яровая». Ничего, понравилась. На улице настоящая зима! Вот местечко на краю земли! У нас цветет черемуха, сирень, а здесь царство снега и холода. Резкий контраст. Переживаю нынче вторую весну. Ночей здесь нет, трудно привыкать. Можно без света работать всю ночь.

<...>

27 июня. Пятница (записываю по памяти).

24 июня весь день на катере «Механизатор» ехал из Салехарда в п. Аксарку, районный центр Приуральяского р-на. Дул сильный, но попутный ветер. Выехали в 4 дня, приехали в 4 ч. ночи. Сильно промерз.

Аксарка — небольшой поселок, стоит на высоком, правом, берегу Оби, откуда видны безграничные просторы тундры. Здесь самая отдаленная в области и в мире северная средняя школа!

Инспектор окроно т. Стопкевич А.Е. не спал. Встретил меня радушно, хотя мой приезд был неожиданным. Гончаров В.Ст., преподаватель математики Мужевской средней школы, тоже был разбужен. Немного поговорили и легли спать до утра.

<...>

Вечером [26 июня] долго слушал рассказы Гончарова В.С. о положении нар. образования в Румынии, где он учился и работал в коммерческом лицее. Умный и образованный человек. С университетским образованием (Кишинев)... Мне нравится своей деловитостью. Насто-

роже, т.к. репрессирован. Спать легли в три часа. На улице страшный ветер и холодно. Встречаю третью нынче весну. Это отражается на здоровье. Начал сильно кашлять по утрам. Скучаю о доме, Борисе и Анне. Как-то они там без меня!

<...>

Нужен вместо Трушкова хороший завуч. Брызгину Елену Васильевну и Рыжкову Аиду Петровну необходимо поощрить за работу. То же Степачеву. Степаньяна Мелика Осиповича — наказать! Учит. нач. шк. Худякову нужно поощрить!

Вечером долго беседовали со Степаньяном и Андрожен Киной Петровной. Последняя производит хорошее впечатление. У ней образование — дошк. институт в Берлине в 1924 году (репрессирована).

Пора из Аксарки выезжать...

28/VI 1947 года

Просмотрел учительские квартиры. Большинство живет хорошо, имеет собственные дома (дети быв[ших] с[пец]пересел[енцев]). Учитель Степаньян живет в углу у стариков, доволен своей судьбой, но вообще-то так жить нельзя. Учителя Брызгина и Андрожен живут в комнатке, где нужно производить большой ремонт. В общем школа нуждается в 3-х квартирах (одна — для директора школы, занимавшего класс в школьном здании).

<...>

Возле леса у воды...

Я многое помню из моего детства. Мы играли, как все дети, но игры наши имели свои особенности, так как мы росли в лесу. Вот, например, и осенью, и весной как мальчишки, так и девочки высвистывали бурундуков. Есть определенный свист. Если им владеешь, то на него с разных сторон одновременно могут прибежать к тебе 5–6 бурундуков. Но это игра опасная: похожим свистом, но только более звонким и твердым, медведи подзывают своих детенышей. Поэтому осенью мы бурундуков не высвистывали, боялись.

Родители плетут рыбные ловушки — морды — и для нас тоже делают, только поменьше. А потом свои ловушки проверят, соберут улов и в наши мордочки запустят 3–4 язя. Дома разбудят: «Не хотите проверить мордочки? Мы своими добыли, может, и в ваши рыба попалась?» Мы соскакивали с постели и неслись сломя голову смотреть свои игрушечные морды, поставленные родителями из соображений безопасности не в речке, а на болоте. И до поры до времени верили, что рыба водится и в болоте.

Сбор ягод детской компанией — тоже игра: в чьей посуде ягода самая крупная и спелая, тот и победитель. Так в играх хантыйских детей с раннего возраста воспитывались самостоятельность, выносливость, умение ориентироваться в незнакомой местности. Мы узнавали повадки зверей, птиц и рыб, учились владеть орудиями промысла.

Достигший 14 лет считался уже самостоятельным человеком. Мать и отец доверяли ему рыбачить, ходить на охоту, рубить слопцы — ловушки на боровую дичь. Количество слопцов у нас доходило до 120, и каждый день надо было ходить по лесу и проверять их — то в одну сторону, то в другую.

В 1947 году, когда мы с сестрой пасли оленье стадо Казымской культбазы, мы обходили около 60 слопцов. До поры до времени все было спокойно. Но когда в очередной обход пошли отец с моим старшим братом Алексеем, в том месте, где накануне побывали мы, начался медвежий гон. Возбужденные звери изрыли весь мох в бору.

Километрах в 3–4 стояла старая избушка, принадлежавшая богатому человеку, он там постоянно держал ружье. Отец отправил Алексея за этим ружьем, а сам развел большой костер. Защита не очень надежная, так как во время гона медведь может пойти и на огонь. Но

Алексей вернулся очень быстро. Метрах в 150–200 от костра они поставили ружье, насторожив его, как самострел. Стемнело. Вдруг раздался выстрел: сработал самострел. Медвежий рев усилился — похоже, началась драка. Только к рассвету наступило затишье, и отец с Алексеем стали потихоньку приближаться к месту, где было установлено ружье. От убитого медведя осталась лишь половина, вторая была съедена. Больше мы к тем слопцам не ходили, родители запретили: опасно.

В 1950 году моя сестра Нина, которой исполнилось 14 лет, устроилась почтальоном. Нужно было ходить из Хуллора, где она жила, в Казым, за 30 км, и в Помут, за 70 км. Ей подробно рассказали, как идти, мимо каких озер, через какие болота, по каким тропам, где и куда сворачивать. Все это было нелегко запомнить, но пришлось. Мать повторяла: «С тобой ангел-хранитель, не бойся». Все родные верили, что Нина не заблудится и не встретится с хищным зверем.

Постепенно путь этот стал для Нины привычным. Чаще всего она ходила одна, попутчики бывали редко.

С 1950 года я училась в Ханты-Мансийском педагогическом училище, а летом рыбачила дома или в составе бригады перевозила водным путем для местного населения муку, сахар, крупу. В Помуте жила моя сестра Катя, которую я давно не видела и очень хотела повидать. Собралась идти к ней вместе с Ниной, но почты в Помут из Казыма не было, а у меня уже кончались каникулы. Решилась пойти одна, но все-таки нашелся попутчик — мальчик-четвероклассник.

Мне объяснили, как идти, и мы отправились. Впереди были 70 километров пути. Вступая в густой темный лес, мы прибавляли шагу, на болоте шли спокойно, сбавляли ход. Когда миновали большое, десятикилометровое, болото, солнце уже начало садиться, а перед нами — самые медвежьи места, тропка петляет вдоль берега речки то по ельнику, то по кедрачу. Наконец прошли этот страшный лес. На берегу нашли старую-престарую калданку, переехали речку. А там жили милые, добрые старик и старуха, о гостеприимстве которых знали все. Они сварили для нас рыбный суп-болтушку, напоили чаем, а утром дали напутствие, и мы отправились дальше. Оставалось пройти еще 30 километров.

Шли в основном по светлому сосновому бору, куда ни посмотришь — всюду белый мох. Тут настроение у нас поднялось, и нам показалось, что эту часть пути мы прошли очень быстро.

Пожили в Помуте недельку, и пошла обратно одна, без попутчиков. Опять переночевала у стариков. На другом берегу речки встретила сестру Нину с почтой и двумя спутниками. Услышав треск валежника под моими ногами, они насторожились, но тут из-за поворота выскочила я. Постояли минут пять и тронулись в путь — в разные стороны.

Пришла домой в два часа дня, а сестра обычно приходила к семи вечера. Вероятно, я не шла, а бежала, сама того не замечая. А после всю зиму ходил анекдот о том, как я напугала троих путников у реки. Позднее я уже никогда в такое путешествие не пускалась, и теперь при одном воспоминании о нем мне становится страшно.

В 1949 году я рыбачила в бригаде из четырех человек, добывали рыбу для кормления лисиц на звероферме. Бригадир был взрослый, а остальные — вроде меня. А какая была обувь? Единственной обладательницей черных резиновых сапожек в Казыме была дочь местного начальника Александра Васильевича Петухина Руфина. Она их носила как парадную обувь. А наша обувь из оленьей шкуры на рыбалке быстро промокала. А в дождь? Сверху вода и снизу вода. Но редко кто болел.

В 1950 году я решила учиться, чтобы приносить больше пользы родному краю, но ясно не представляла, по какой специальности. Председатель колхоза видел во мне будущего счетовода, председатель рыбкоопы — продавца. А начальник культбазы Василий Васильевич Сметхов отговорил: «Куда ты собралась? Выучишься на продавца и года через два сядешь в тюрьму. Давай лучше я тебя направлю в педучилище. Но сохрани направление и в кооперативную школу. Не примут в педучилище — поступишь туда».

Поехали вдвоем с подругой на катере «Тельман». Ночью было холодно, и мы укрылись старой мережей от невода. Так добрались до Березово. В Ханты-Мансийск приехали в субботний день. Пришли в общежитие кооперативной школы, а там говорят: сегодня выходной, приходите в понедельник. Тут мы вспомнили, что в Ханты-Мансийске живет наш первый учитель Терентий Иванович Чупров. Нам объяснили, как его найти.

Терентий Иванович встретил нас приветливо и стал расспрашивать, куда будем поступать. Сказали, что в торговую школу. Наш учитель был человек вспыльчивый. Говорит: «Какая безмозглая голова вас отправила? Нет, туда вы поступать не будете, я сейчас схожу и вас устрою. А вы ложитесь спать». Часов в 12 он нас разбудил: «Ну, девочки, вас уже приняли. Остальное расскажу утром».

Наутро он нас отправил в педагогическое училище, где преподавал хантыйский язык. Мы дошли до угла улиц Дзержинского и Комсомольской, где стояло здание училища. К директору была очередь во всю длину коридора. Выстояли ее, заходим в кабинет и узнаем: приняты и будем жить в общежитии.

Учиться с самого начала стала старательно. Хорошо давались алгебра, геометрия, физика, химия и плохо — русский язык. На уроке русского языка фамилия и имя учительницы Галины Дмитриевны Деркач показались знакомыми. А она, найдя в классном журнале мою

фамилию, спрашивает: «Ты не сестра Катюши Ерныховой?» Тут я вспомнила, от кого слышала о Галине Дмитриевне: Катя много вспоминала о ней как о любимой учительнице, преподававшей в школе Казымской культбазы. Вот и еще один близкий человек нашелся в Ханты-Мансийске!

Чтобы не позориться перед Галиной Дмитриевной, я стала вызубривать все правила, но применять их не умела, и русский язык по-прежнему шел у меня тяжело.

Вскоре произошло еще одно неожиданное знакомство. Я проходила возле старого универмага и увидела высокого мужчину средних лет в костюме цвета морской волны, с зачесанными назад волосами. Он взял меня за руку и спросил: «Ты дочка Александра Ерныхова?» — «Откуда знаете?» — «Хорошо знаю отца, знаю Катюшу, Таню. Я Лоскутов Аркадий Николаевич». И тут же повел к себе домой.

Его жена Александра Кирилловна угостила меня и просила, чтобы я их навещала. Я была страшно стеснительная, но все же общалась с Аркадием Николаевичем. Почему-то он считал для себя важным держать со мной связь и писал письма в Ленинград, где я училась после окончания Ханты-Мансийского педучилища. Именно от него я узнавала о важных событиях, происходивших на моей родине.

Малица-кольчуга

Это было давно. Я с сестренкой Ниной и братиком Ефремом играла на улице. Погода была солнечная, по насту мы подходили к лиственницам и брали со стволов серу-жвачку.

Мама собирала отца в дорогу и горько плакала. Это были дни, когда казымских, хуллорских, кислорских мужчин мобилизовывали на подавление восстания на Казыме.

Проездили они, наверное, не больше месяца. Помню, как вернулся отец, Александр Григорьевич Ерныхов. Помню и кое-что из его рассказов.

...В погоню за восставшими ехали по открытым болотам, где наст был крепче, чем в лесу. На этих болотах лежит гряда торфяных выступов высотой с двухэтажный дом, их много, и издалека может показаться, что это целый город со сверкающими на солнце крышами. При подъезде к гряде погоня была встречена выстрелами. Отец ехал первым. Дробь попала в среднего оленя, и он упал. Спутники поехали дальше, а отец выпряг раненого оленя и поехал дальше на двух.

Вечером, когда устроили привал и развели в чуме костер, мужчины спрашивают:

«Ты жив или это твой дух пришел?» А дело в том, что вся малица отца была в дырках от дробы. Когда он скинул малицу и вывернул ее

наизнанку, все увидели дробь, повисшую на шерсти, шерсть задержала дробинки, и ни одна из них не попала в тело. Малица оказалась не хуже кольчуги.

Этот рассказ отца впоследствии подтвердил Григорий Захарович Тоголмазов-второй, ездивший вместе с отцом. Кроме них, на подавление восстания посылали еще Тоголмазова Григория Захаровича первого, Вагатова Максима (отчества не помню), Тарлина Петра Ксенофонтовича, Хорова Осипа Павловича и других.

Хитрый разведчик

Этот рассказ я записала со слов нашего родственника Григория Захаровича Тоголмазова-второго. Охотник, рыбак, в 50-х годах он был председателем хуллорского колхоза.

Отряд преследователей ехал по угодьям предводителя казымского восстания Сорм Васьки (Василия Захарова), по открытым болотам у озера Вой кур лор. Стало вечереть, когда впереди показался небольшой сосновый бор, а рядом на болоте — чум. Чум казался заброшенным, около него не было никаких следов, но, заглянув в него, увидели дряхлую старуху, которая невнятно произнесла несколько слов. Из них можно было понять, что она брошена родными и уже несколько дней не ела. На старухе был заношенный, почерневший сах. Мужики переглянулись и рассмеялись: «Чем богаче, тем прижимистей и жаднее!» Вскипятили чай и пригласили старуху к столу — она с жадностью набросилась на еду, куски мяса глотала, не разжевывая. Потом вернулась на свою постель.

Пока ужинали, на карауле стоял Осип Павлович Хоров. Уже совсем стемнело. Мужики в чуме задремали. В это время старуха встала и пошла по своим надобностям в лес, хромя на правую ногу. Караульный сначала наблюдал за ней, а потом отвлекся. В это время из чума вышел Григорий Захарович Тоголмазов-второй и видит: старуха быстро побежала в бор. Он выхватил у караульного ружье и выстрелил вслед. Все повыскакивали из чума, и завязался бой.

«Старуха» оказалась на самом деле мужчиной-разведчиком средних лет, мастерски сыгравшим роль. В бору его ожидали родственники, и если бы не вышедший случайно Тоголмазов, всех мужиков перестреляли бы в этом чуме.

Побег Хорова

А вот что рассказал мне однажды этот же О.П. Хоров, который чуть было не стал причиной гибели товарищей, упустив «старуху»-разведчика.

Я только что окончила семь классов, и он хотел отправить меня учиться на счетовода колхоза. Мы шли пешком из Хуллора в Казым, и

Осип Павлович вспоминал, как призывался во время Великой Отечественной войны. Прибыл на место назначения в Омск, и его определили в трудармию. Была весна, вскоре начался ледоход, и Хоров решил бежать. Нашел лодку. Попросив у кого-то топор, вытесал весло и под вечер уплыл. Человек бывалый, он представлял, как ехать. Река уже успела разлиться, и он пробирался среди затопленных кустов. Вскоре Осип Павлович почувствовал за собой погоню. Когда моторная лодка совсем приблизилась, он опрокинул лодку на себя и, одной рукой держась за куст, другой придерживал лодку. Разговаривая о чем-то, преследователи проехали мимо.

Так и плыл Хоров по течению реки. Днем приставал к какому-нибудь островку, высыпался, ночью продолжал путь. Голодал, но в населенных пунктах не останавливался. В контакт с людьми стал вступать лишь после того, как проехал Перегребное и пошли знакомые хантыйские деревни. В одной из них ему даже подарили ружье.

Доплыв до Полновата, он пошел в Казым по зимнику. Пришел наконец. Все радовались, что вернулся хоть один мужчина из тех, кто был отправлен на войну.

Вскоре Осип Павлович попал в число лучших охотников, о которых докладывали по телеграфу лично Сталину. Прожил он долгую жизнь и умер после 1980 года. А хорошо ли, плохо ли он поступил, бежав из трудармии, — пусть рассудят люди.

Проделки косолапого

В Казыме был случай: человек убежал от медведя. Сентябрьским утром несколько парней пошли за брусникой. Разбрелись по сосняку кто куда, а ягоды — видимо-невидимо. Вдруг один из парней, Александр, почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Выпрямился и видит: прямо на него идет медведица с медвежатами. Он закричал и стал отмахиваться бидоном. На крик прибежали товарищи, остановились поодаль и крикнули: «Саша, скинь куртку!» На парне была энцефалитка с ярко-оранжевым верхом, каким-то чудом ему удалось скинуть ее. Он бросил куртку в сторону медведицы, и все побежали. Так и бежали до самого Казыма, около 9 километров.

Ошибкой Александра было то, что он нарушил хантыйский обычай — не надевать, когда идешь в лес, одежды красного цвета, т.к. это цвет крови. Помню, в детстве перед выходом в лес отец сам проверял, что на нас надето. Существует и другое правило: идущий в лес должен иметь с собой спички в правом кармане и тонкую сухую бересту — в левом. В случае встречи с медведем можно быстро развести костер, и медведь, почуяв дым, отпрянет в сторону.

Помню рассказ брата о том, как один оленевод спасся от медведицы с двумя медвежатами. Зверь совсем было набросился на человека, но он успел чиркнуть спичкой и поджечь олений мох. Лето было сухое и жаркое, высушенный мох хрустел под ногами и быстро занялся от спички. Клубы дыма заставили медведицу броситься в сторону.

Особенно опасны подобные встречи во время гона, который у медведей бывает в конце августа — начале сентября. В таких случаях и костер не всегда помогает — идут прямо на огонь.

По хантыйскому поверью, медведи приходятся ханты младшими братьями либо сестрами. Считается, что даже новорожденный ребенок старше любого медведя, поэтому ханты зовут медведя «Похие» (братик) или «Эвие» (сестренка), а мужчины зовут еще «Мойпыр» (мой брат).

Медведи очень хорошо слышат, даже зимой в берлоге, и запоминают, что говорят люди, а потом тех, кто злословит, наказывают.

Моя тетя Татьяна Песикова из деревни Хуллор, женщина бездетная, по ягоды ходила всегда одна. Сидя как-то вечером у буржуйки, она подумала вслух: «Всю жизнь хожу в лес одна и никогда медведя не видела». На следующее утро Татьяна пошла по ягоды. Собирала-собирала и, когда устала поясница, потихоньку выпрямилась и увидела в сотне метров медведя, стоящего на задних лапах. Она взмолилась: «Братец ты мой, зачем ты меня пугаешь?!» Медведь тихонько опустил на передние лапы и пошел в лес, а тетя развела костер, вскипятила чай в котелке, мысленно пригласила к столу братца-медведя, а потом, набрав полный кузов ягод, пошла домой.

Медведь любит гостинцы, поэтому, когда устраиваются столы с большим разнообразием еды, хозяева мысленно приглашают «братьев» и «сестер» разделить трапезу, и несколько минут, пока пируют гости, за стол никто не должен садиться.

Если охотник добыл медведя, то «раздевает» его (снимает шкуру) только тот, кто убил. Женщин к убитому медведю не подпускают. Мужчины разделяют его и делят мясо — для мужчин и для женщин. Затем упаковывают мясо в хинт (берестяной кузов) и отправляются в путь. Главная часть туши — голова, ее кладут сверху. Когда показывают избы деревни, мужчины издают троекратно протяжный клич, извещающий, что несут убитого медведя. В это время все, кто из домашних разут, должны обуться, даже самые маленькие. А при подходе охотников к дому начинают обливать друг друга водой, а зимой — осыпать снегом. Это обряд очищения. Затем мужчины ставят медвежью голову в дальнем углу дома, дети и взрослые подходят и целуют ее, а хозяйка готовит стол для гостя, приговаривая: «Ты прошел долгий путь, устал — покушай». А дети украшают голову: надевают бисерные изделия, са-

мый лучший платок. Детям постоянно напоминают, чтобы они плясали возле головы, тогда медведь не будет их пугать в лесу. Плясали и женщины, чаще в отсутствие мужчин, и пели песни из обряда медвежьего праздника. А мужчины пели сначала главную песню. Она очень длинная, поэтому иногда ограничивались фрагментами.

Обычно голову держали в доме три, пять либо семь дней — в зависимости от погоды: в жару меньше, в холодную и прохладную погоду дольше. В эти дни при разговоре пользовались иносказательным словарем: вместо слова «нож» говорили «режущий предмет», вместо «медвежья шкура» — «шуба», вместо «след» — «орнамент» и т.д.

Если медведь «приходил» в дом часто, родители радовались — это, по народному поверью, к здоровью. Если же случаи добычи медведя выпадали реже, считалось, что это к несчастью.

* * *

Это было с Ниной в 50-е годы. Тогда она была еще молода и работала почтальоном: летом носила почту пешком от Казыма до Хуллора и Помута (расстояние между конечными пунктами около 100 км), а зимой ездила на оленях.

Не доезжая 30 км до Помута были юрты, в которых жило несколько хантыйских семей, летом Нина обычно в них ночевала. И вот она поздней осенью на развилке дорог: одна ведет в юрты, другая — в Помут. Переночевать или ехать дальше? Решила ехать и не ошиблась.

Дело в том, что той осенью в юрты повадился медведь-шатун, и охотники увезли свои семьи подальше от него в Помут. В эту ночь шатун как раз ночевал в сенках той самой избы, в которую обычно заезжала Нина, в берестяной бочке с перьями, а на рассвете охотники убили его.

* * *

Другой случай произошел в Саранпауле. Местная жительница-манси по имени Федосья собирала за рекой на болоте клюкву. От берега ее отделяли метров 200 темного леса. Клюквы было много. Вечерело. Сбор ягод подходил к концу, но Федосье захотелось заполнить еще последнюю берестяную набирушку — совт. Вот и она почти полна, и тут как будто собачка с ней заиграла: то с одной, то с другой стороны дернет за платье. Федосья не оглядывается и только нет-нет да прикрикнет: «Пир!» (уйди прочь!). А когда закончила сбор клюквы и выпрямилась, то увидела, что не собачка играет с ней, а двое медвежат. Недалеко и медведица — сидит на пригорке большого мандала (кедрового острова среди болота). Женщина бросила медвежатам совт и пустилась в бегство. Уже у самого берега оглянулась — медведица

гонится за ней. Успела оттолкнуть лодку, а что было дальше — не помнит. Лишь ночью рыбаки нашли ее в лодке, прибитой к противоположному берегу.

* * *

А это случилось лет десять назад. Накануне вечером Нина пила водку, и утром у нее страшно болела голова. Муж ее Тихон говорит: «Поедем за карасями. Прокатимся с ветерком, и боль пройдет». До озера, где стояли сети, было недалеко. Приехав, Тихон натянул полог и сказал: «Ладно, лежи, а я проверю сети». Кликнув шенка, он пошел к озеру, а Нина осталась в пологе, головы поднять не может. И слышит: вокруг полога вроде как шенок ходит и носом фыркает. Вскоре шаги затихли.

Проверив сети, Тихон вернулся и видит свежие мокрые медвежьи следы, идущие прямо к пологу. Испугался: что с Ниной-то? Подошел ближе, покашлял, чтобы зверь узнал об его присутствии. Еще приблизился. Видит, что полог стоит, и спокойным голосом спрашивает: «Ну что, жива-здорова?» Нина отвечает: «Голова болит».

Тихон видит по следам: медведь обошел полог и ушел в лес. Чтобы она не испугалась, он не разрешил выходить из полога, затоптал следы, приготовил уху. Поели, сели в лодку и уехали. Обо всем случившемся Тихон рассказал только дома.

* * *

А вот что было однажды с нашими соседями Тарлиными в Казыме. Осенью всей своей большой семьей они поехали на рыбалку. На песке ниже Казыма несколько раз закинули невод, наловили рыбы и решили пообедать. Когда сварили уху, обнаружили, что забыли дома чашки. Решили в березняке поснимать берету, чтобы сделать посуду — сямпал. Вместе с детьми с шумом подались в лес, взяли сколько надо бересты и сразу при выходе из лесу наткнулись на медвежьи следы. В их отсутствие у костра побывал медведь, съел всю выложенную на кусок бересты вареную рыбу и удалился. А Тарлины, так и не пообедав, отправились домой.

Случай редкий, т.к. медведь на костер обычно не идет.

Гроза в представлениях ханты

С детства я знаю, что мне делать, если начнется гроза.

Я люблю собирать ягоды и жду этой летней поры с нетерпением: кончается сентябрь — начинаю считать месяцы до следующего сбора. В июле, когда поспевают сочная, крупная морошка, не раз нас заставляла на болоте гроза. В таких случаях мы закидывали себя мхом, кото-

рый срывали с высоких кочек. Если гроза заставала в пути, искали поблизости ветвистое дерево, под которым можно было укрыться от дождя, но обязательно такое, чтобы оно было ниже окружающих деревьев. В ствол вонзали с силой топор. По верованиям ханты, небесный Бог, катаясь на колеснице, заметит блеск топора и отведет свою стрелу от человека, ибо топор — это предмет, принадлежащий живому человеку. В лесу нередко встречаются побитые молнией деревья; увидев такое дерево, ханты знают: под ним стоял дух покойника, отчего оно и пострадало.

Если гроза застала в помещении (чуме, избушке, шалаше и т.д.), женщина-ханты поспешит развести огонь и закрыть дверь и окна. Объясняют это действие так: небесный Бог, видя дым из трубы или от костра, не поразит помещение, и дух покойника не войдет в избу, Бог огня не позволит ему войти. В случае же отсутствия огня доступ духам мертвых в избу открыт, и молния может поразить ее.

Во время грозы стараются держать подальше от себя собак, привязывают их под другими деревьями, выгоняют из изб, потому что Бог якобы собак не любит. Не допускается и ходьба с непокрытой головой: поседеют волосы. На самом деле человеческий волос, как и собачий, наэлектризован, и может произойти взаимопритяжение с атмосферным электричеством.

Эх, люди...

...не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.

Антуан де Сент-Экзюпери. **Маленький принц.**

Бобс

Михаил Голубев, работая в Березово, купил у знакомого охотника рыжего лисенка и назвал его Бобсом.

Щенок жил в комнате Михаила, первые дни предпочитая находиться под кроватью. Подрастая, Бобс становился общительным и игривым зверьком: прибегал на зов хозяина, любил лакомиться сладостями, проказничал — жевал пропотевшие носки, грыз обувь, ножки стульев... В летние дни совершал прогулки по огороду, в зной отдыхал в тени картофельной ботвы. Когда Михаил ходил к реке купаться или в лес за ягодами и грибами, постоянным его спутником был лисенок.

Приближалась осень. Бобс стал взрослым лисом. Знакомые Михаила лестно отзывались о его нарядной рыжей «дохе», незвериных повадках и ласковом нраве.

Но с наступлением заморозков Бобс погиб. Была морозная ночь. Видимо, не надеясь на свою «доху», лис спрятался в топку печи и задремал на теплой золе. Утром печь затопили. Изрядно подпалившись, Бобс раздвинул полыхавшие дрова и выскочил из топки. С тех пор он стал болеть. По совету ветврача Бобса однажды вынесли на улицу «подышать свежим воздухом». И тут пришла беда. Недосмотрел Михаил — к его большому огорчению, одомашненного лиса растерзали собаки.

Песцы, вскормленные собакой

Вблизи фактории Харвута Тазовского района колхозник Пуди Тибичи весной нашел двух слепых щенков белых песцов. В чуме, куда принес Пуди свою находку, песцов приняла и вскормила собака.

Осенью зверьки стали взрослыми. Летний бурый мех сменился и стал белоснежным. Песцы уважали хозяина, а еще больше собаку, свою вторую мать. Дружно жили они со своими молочными братьями — рослыми псами. Вместе играли и резвились в тундре недалеко от чума. Как и собаки, они любили тепло и в морозные дни лезли в чум, ближе к печке.

Вместе с собаками любили смотреть, как едят люди, тьякали, когда к чуму приближались незнакомые.

Крепла с каждым днем ость на «шубках» одомашненных обитателей тундры. Жаль, думал Тибичи, что приближается день, когда белоснежный мех этих ручных песцов будет придирчиво осматривать заготовитель пушнины.

Кошка-путешественница

Семидесятилетний седовласый ветеран охотничьего промысла Сергей Иванович Чалтымов рассказал мне забавную историю.

— Однажды весной, — вспоминал он, — в селе Усть-Юган, километрах в сорока от Сургута, мы с женой стояли на песчаном берегу Юганской Оби. Видим: летит орел, а в когтях у него — наша кошка, которая еще недавно мирно грелась с котятами на солнышке. Кошка извивалась в цепких когтях орла, царапала его. «Ну, все, — думаем, — осиротели котята».

Между тем орел с жертвой в лапах перелетел прибрежные заросли тальника и углубился в лес.

— Схватил я ружье, — продолжал охотник, — и побежал в ту сторону. Думаю, подстрелю злодея. Иду, и что за чудо — мяукает в черемушнике кошка. Подошел ближе — это же наша Муська! Я к ней, а она — от меня. Пришлось сходить домой и принести котенка. Подпустил его на бечевке к Муське — облизала и пошла за ним к дому.

С тех пор Муська стала очень осторожной, лишний раз из дому не выйдет.

Верхом на тюлене

Был пасмурный сентябрьский день. Катер «Крым» Тазовского рыбоконсервного завода, совершивший неудачный выход в губу (бушевал шторм), возвращался. Миновав устье реки, маленькое судно полным ходом шло к поселку.

Вдруг Владимир Истомин крикнул капитану:

— Вася! Тюлень на отмели!

Заворуйко энергично закрутил штурвал, и послушный катер, оставляя позади бурлящий след, устремился к берегу. Раздался скрежет грунта о днище — и высокий широкоплечий капитан уже за бортом. Разбрызгивая ногами воду, он дошел до тюленя и преградил ему путь к реке. Животное неуклюже уклонялось от ударов кирзовых сапог, но усилия Заворуйко «нокаутировать» противника оказались тщетными: жировая прослойка служила животному хорошей броней.

«Уйдет», — с досадой подумал Заворуйко и в отчаянии оседлал животное. Тюлень на какое-то мгновение замер, потом энергично зави-

лял туловищем и поволок седока на середину реки. Пришлось с тюленья спрыгнуть.

Встреча с лосем

Мотокатер «Норд» Салехардской гидрометеостанции буксировал бревна, скрепленные в ленту. Александр Ревнивых, стоявший у штурвала, увидел лося. Постояв на берегу, животное стало переплывать реку. Лось намеревался проплыть перед носом катера, но не успел. Когда он подплыл близко, катер сделал поворот полукругом, и лось оказался в кошеле из бревен. Но сохатый без труда перемахнул через преграду и поплыл дальше. В промысловом азарте команда катера отцепила буксир, и налегке катер быстро настиг лося. Решили доставить лося живым в Салехард. Набросили аркан из прочной веревки на рога, но удержать его Александр Ревнивых не смог, могучий лось, сделав крутой поворот, сильно рванулся вперед и снова оказался на свободе. Через полчаса напуганный лось вышел на противоположный берег Оби и скрылся в лесу.

Удача

Был солнечный безветренный июньский полдень. Рыбак колхоза имени Калинина Приуральского района Ирико Климов сидел на корме густо просмоленной бударки и перебирал плавную сеть, готовясь к очередному замету.

Лодка стояла на якоре метрах в 400 от каменистого берега мыса Имбернел. Над зеркальной поверхностью Оби плавно пролетели чайки. Одна из них резко снизилась над лодкой. Взглянув на птицу, Ирико поразился: возле бударки на малой глубине, поблескивая серебристой чешуей, дрейфовала большая нельма. Когда дремавшую рыбину прибило к корме лодки, Ирико вонзил в нее жало багра и с трудом перевалил трепетавшую добычу через борт бударки. Метровая нельма долго ворочалась и била хвостом о днище. 16 килограммов весила эта рыбина, беспечно отдохавшая почти на поверхности реки.

Поединок

Паводковые воды затопляли берега и острова многоводной Оби. Водяные крысы, полевки, горностаи и другие зверьки покидали затопленные норы. В поисках сухого берега они форсировали реки, протоки, озера. Многие крысы и горностаи при этих миграциях становились жертвами прожорливых чаек-халеев, ворон и орлов. Халеи, круглосуточно патрулировавшие над водными пространствами, глотали зверьков живыми.

Вот быстро плывет горноста́й, сменивший зимнюю белоснежную шубу на летнюю темно-коричневую. Еще быстрее летит над ним чайка, пикирует, хватая горноста́я клювом и на лету с трудом проглатывает.

— Погиб горноста́й, — с сожалением говорит старый рыбак и охотник Семен Перчида.

Но вдруг халей, проглотивший горноста́я, делает несколько крутых разворотов, истошно вскрикивает, порываясь ввысь, и затем, беспомощно опустив крылья, падает. Грудь его обгагрется кровью. А от умирающей чайки, которую подхватило и понесло течением, отделяется и плывет к берегу горноста́й.

Гибель орла

У селения Харсаим Приуральского района в хмурый осенний день произошел этот случай. Рыбак Семен Климов, подъезжая на калданке к своим сетям, был разгневан дерзостью орла, пытавшегося вцепиться когтями в большую рыбину, попавшую в сеть.

Рыба билась, то уходя в глубину, то всплывая. Орел, заметив приближающегося с криками рыбака, спешил. Он вцепился когтями в трепещущую рыбу, но при взлете запутался лапами в сети.

Тщетно пытался хищник улететь вместе с сетью. Сделав могучими крыльями несколько отчаянных взмахов, он рухнул в холодную воду. Рыбак был совсем близко. Орел беспомощно хлопал по воде намокшими крыльями, но взлететь так и не смог.

О Лебе — птице удивительной

Разделила надвое маленький поселок Юган таежная речушка Варлевка. Однажды весной мне довелось побывать в этом селении, где жили рабочие совхоза «Юганский».

День был теплый. Под весенним солнцем полыхала зеленым пожаром тайга, и хмельной запах смолы кружил голову. По зеркальной воде важно плыл большой лебедь.

С грохотом прошел по деревянному мосту совхозный трактор, а благородная птица как будто и не слышала лязга его гусениц. Она спокойно описывала большие круги у берега, расправляла перья, чистила их черным клювом.

— Это наша Лебе, — сказал Анатолий Александрович Захаров.

Я удивленно посмотрел на охотника. Он кивнул на лебедя и стал рассказывать:

— У знакомых рыбаков взял я в прошлом году двух осиротевших лебедят. За лето они выросли, окрепли и стали светло-стального цвета. Как домашние гусаки, разгуливали они по поселку. Резвились вместе с

детьми, которые защищали их от поселковых лаек. На ночь забирались в коровник. Самец, которого назвали Кликуном, всегда вставал на защиту своей сестры от собак или совхозных бычков. Часто лебеди улетали на соседние озера, а к вечеру возвращались в поселок.

Однажды поздней осенью, охраняя Лебе, погиб в неравном поединке с двухгодовалым быком Кликун. Лебе загрустила. Отказалась от пищи. Перестала выходить из коровника. Мы с женой забеспокоились: не перенесет Лебе утраты и погибнет от тоски.

После семейного совета увез я Лебе километров за 30 и выпустил на большое озеро. Подлетела она к табуну диких лебедей, уселась рядом, робко подплыла ближе, и стая приняла ее.

— Дело прошлое, — охотник закурил, — жаль было расставаться с птицей, но ей не прикажешь. Заскучала Марфа Иосифовна. И дети ее спрашивают: «Когда Лебе прилетит к нам?» И вот однажды послышался стук в дверь и... входит наша Лебе. Прогнув белую шею, она как бы отвесила нам поклон. Ребята бросились к Лебе, и она что-то горланно бормотала в объятиях мальчишек.

Не улетела в ту осень Лебе с дикими лебедами. Зимовала в курятнике вместе с курами. Жили дружно, без скандалов. К пище Лебе была неприхотлива: ела сено, картофельную кожуру, кашу, хлеб, рыбу.

В следующую зиму мне довелось снова побывать в Югане, и я зашел к Захарову. Лебе снова зимовала в их доме. Но эта моя встреча с ней была последняя: повинувшись нерушимым законам природы, весной она улетела с диким лебедем на Ямал.

Случай на звероферме

Со зверофермы колхоза имени Жданова Шурышкарского района сбежала серебристо-черная лиса. Попытки найти ее не увенчались успехом. Заведующий фермой Андрей Степанович Шудьяков пригрозил. Но дней через 15 беглянка сама вернулась на ферму, да еще и привела с собой «жениха» — рыжего лиса. Обрадованный Андрей Степанович быстро расставил между клетками петли и поймал обоих. «Дезертирку» поместил в ее же клетку, а шкурку обитателя тальниковых зарослей сдал на заготовительный пункт.

Волк, выращенный в чуме

В 30 км от селения Надым на возвышенности у большого озера располагался зимний чум оленеводческой бригады. Сгущались сумерки. Порывистый ветер трепал полотнища чума, в котором за низким столом пастухи, свободные от дежурства, и члены их семей, окруженные десятком собак, пили чай и вспоминали разные случаи из жизни.

— В ту весну наш чум стоял у селения Нори, — начала свой рассказ Александра Ивановна Артеева, подбрасывая дрова в железную печь. — Однажды в конце мая пастух Сягой Мандула принес живого, еще слепого волчонка. Он был похож на собачьего щенка: тупоносый, большеголовый, с висячими ушками. Звереныш жалобно скулил. Жалко было убивать его. Решили вырастить. Подсадили к оценившейся оленегонной собаке. Назвали волчонка Сятукеем.

Рос он быстрее своих молочных братьев и сестер. От собачьих щенков волчонок отличался серой с коричневым оттенком мастью, резвостью и силой. Нрав имел добродушный, поведение — как у обычной собаки. Вместе с собаками он играл и резвился вблизи чума, охотился за леммингами, ночью прятался от комаров в полог.

Часто Сятукей уходил в поиске леммингов и утиных гнезд далеко от чума и всегда возвращался с добычей: тащил в своей зубастой пастуху утку или куропатку, иногда приносил невредимыми утиные яйца. Свою добычу старательно зарывал под грузовую нарту.

— Делал запасы на черный день, — с улыбкой заметил кто-то из слушавших.

— Когда волчонок подрос, — продолжала Александра Ивановна, — мой муж Митрофан Георгиевич обучил его всему, что должна уметь оленегонная собака. Резвый, выносливый и исполнительный Сятукей был отменным помощником пастухов.

Осенью, проезжая мимо нашего чума, какие-то начальники хвалили мирного ручного волка и сфотографировали его. Обещали выслать фотокарточки, да, видно, забыли, — с огорчением заметила Александра Ивановна, отпившая из блюдечка густой, чуть паривший чай.

— А где же теперь волк? — спросил кто-то.

И Александра Ивановна со вздохом ответила:

— Нет в живых ласкового Сятукея. До сих пор его жалко. Только лето он прожил в нашей бригаде. Осенью, когда мы перекочевали на зимние пастбища, его по просьбе Митрофана Георгиевича пристрелили оленеводы соседней бригады.

Наливая очередную чашку из выдавшего виды закопченного большого медного чайника, она пояснила:

— Пастухи нашей бригады, очень жалевшие смиренного, послушного волка, наотрез отказались стрелять в него.

— Почему же его убили, если он был лучше оленегонной собаки? — спросил один из сидевших за столом.

Александра Ивановна объяснила:

— Осенью Сятукей стал взрослым волком. Прокормить его было трудно, а голодный он часто уходил на промысел. Нужно кочевать, а его нет и нет. Боялись, что однажды он уйдет и не вернется. А исполь-

зовать взрослого волка вместо оленегонной собаки было опасно, ведь он без труда догонял любого оленя.

— Тяжело вспоминать об этой истории, — закончила свой рассказ Александра Ивановна, убирая со стола посуду.

Николай Канев

*Материал предоставлен для публикации
Сургутским краеведческим музеем*

Природные феномены

Необычные явления природы всегда привлекали к себе внимание — удивляли, восхищали, а часто и пугали, напоминая человеку о том, что он — дитя матери-природы и, несмотря на растущую техническую мощь и прочие приобретения цивилизации, остается в ее власти.

Публикуемые сообщения извлечены из различных периодических и продолжающихся изданий. Собирались они в течение нескольких лет «между делом» — попутно с библиографической работой.

Предлагаемая подборка фактов наверняка напомнит читателю о других чудесах природы, которые он сам наблюдал когда-то, ибо чудеса неиссякаемы и вечны.

* * *

Кондинск. 8 июля текущего года в 6 ¹/₂ часов утра против самого села Кондинского, отстоящего от Тобольска в 750, а от Березова в 250 верстах, на реке Оби виден был *смерч*, представлявший собою водяной столб светлого цвета величиною в диаметре 2 сажени, с темными по бокам полосками. Вершина его находилась в нависших облаках, а основание на поверхности реки Оби, на которой вода с шумом поднималась по столбу вверх к облакам. Явление это продолжалось ¹/₂ часа и имело направление снизу вверх по реке, с северо-запада к востоку. Вреда от него в окрестностях Кондинска не произошло.

(Тобольские губернские ведомости. 1858.

№ 32. С. 323)

* * *

...Года два тому назад рыбаки замечали одного *дельфина* в разных местах Оби до Белогорья (*село Ханты-Мансийского района*. — Ред.), а отсюда он ушел далее вверх по течению, на расстоянии от моря верст на 1000; он шел по главному фарватеру, около которого лежит главным образом путь проходной рыбы, которая, в таком случае, его покидала и избирала для себя второстепенные пути; жалась к берегам, заходила в протоки и проч. В это время улов рыбы сильно увеличился, во многих местах раз в десять и более. Увеличение в улове про-

изошло задолго раньше, чем дельфин показался; хороший ход рыбы стоял целые сутки до тех пор, когда морской обитатель исчез вверху реки, то скрываясь под водою, то выходя на ее поверхность, пуская фонтаны.

(Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии
в долину р. Оби // Записки Имп. Академии наук.
СПб., 1877. Т. 30. С. 33)

Вечером в пятницу над Тобольском наблюдалось очень редкое здесь и интересное *метеорологическое явление*. В 11-м часу вся северная часть горизонта покрылась широкими и длинными лучами бледного сияния, на потемневшем фоне неба напоминавшего собою Млечный путь. Вскоре боковые лучи стали принимать красный, подобный легкому зареву пожара, оттенок, который то усиливался, то постепенно исчезал. В середине явления средние лучи приняли нежно-розовый, зеленый, красный и лиловый оттенки, которые появились одновременно и исчезли, сменяя друг друга, через пять минут после появления. К концу лучи стали бледнеть, и явление, наблюдавшееся более часа, совершенно исчезло.

(Городская хроника // Сибирский листок.
1893. 12 авг.)

Дер. Чембакчина, Филинской вол., Тобольского округа (*ныне Ханты-Мансийского района*. — Ред.), в 280 вер. от Тобольска вниз по Иртышу. 17 декабря в Чембакчиной собралось 328 человек — крестьян из соседних деревень и остяков — на «юртовую», т.е. на ловлю самоловами рыбы, лежащей в ямах. Во время ставки самоловов *обвалился яр* на протяжении 80 сажень в длину и разбил лед во всю ширину реки; на противоположном берегу накидало громадные кучи льду, достигающие местами 3-х сажень в высоту. Больше половины промышленников попадало в воду, но сельская полиция сейчас же подала им помощь и затем сделала переключку, причем оказалось, что не хватает 3-х мужчин и 1 женщины — остячки. Одного крестьянина вскоре нашли мертвым между обломками льда, у самого берега, остальные же так и не разысканы.

Кроме того, погибло 13 лошадей с санями и сбруей, всего стоимостью рублей на 800.

(Сибирский листок.
1897. № 1)

Далее в № 4 этой же газеты появилась следующая статья, публикуемая в сокращении.

**По поводу обвала берега р. Иртыша
у д. Чембакчиной (Вошкина тож) 17 дек. 1896 г.**

(Сообщение, сделанное Н.Л. Скалозубовым в Тобольском музее)

...Давно дурной славой пользуется обрыв у д. Вошкиной (Чембакчино тож) на Иртыше, в 340 верстах ниже Тобольска. Страшный обрыв то и дело обваливается. Летом 1885 года *обвал* случился как раз во время прохождения здесь паровой шкуны «Надежда». Как велика была сила этого обвала, можно судить по результатам — на Иртыше поднялась громадная волна, как щепку выбросившая шкуну на берег и перевернувшая ее вверх дном; часть экипажа погибла.

Крестьяне рассказывают, что иногда обрушивающаяся масса земли заставляет расступиться до дна воду Иртыша от берега до берега, а волна на несколько верст заливаается на левый берег.

Я проезжал через Вошкину числа 25 ноября (1896 г.). Крестьяне рассказывали, что дня за два или за три произошел обвал, которым сломало на куски лед на Иртыше и часть его выбросило на берег. Дорога, пролежавшая по льду Иртыша, была испорчена. Командиры судов, знающие свойства Вошкинского обрыва, с тревогою, по возможности быстро проводят свои суда мимо страшной горы.

Наиболее знакомы со свойствами обрыва и явлениями обвалов крестьяне д. Вошкиной. Как раз у подошвы этого обрыва оказалась юровая — глубокое место, где громадными массами в середине зимы скопляется стерлядь. Юровая эта одна из самых знаменитых по Иртышу, в хорошие годы добывают здесь пудов до 3000 стерляди. Поднимают юровую около половины декабря, и, говорят, ни одного года не проходило, чтобы после начала работ не было обвала. Он всегда приурочивается ко дню окончания разбивки реки на участки для постановки самоловов. Почти каждый год крестьяне, подготовивши работы, день-другой пережидают обвала и, когда он случится, начинают работы. Совпадение времени обвала с началом работ на юровой легко объясняется сотрясением воздуха и нарушением равновесия готовых упасть земляных масс, происходящими от того шума, который поднимается сотнями людей и лошадей, съехавшихся на юровую.

Ныне выехали на юровую 17 декабря. Собралось около 400 человек. Разбили место на два участка — русский и остяцкий — и затем в 12 часов дня бросились занимать места на льду. На юровых ближе к Тобольску места занимают по жребью. Здесь же — по состязанию, кто какое место скорее займет. Надеющиеся на своих коней крестьяне гонят изо всех сил вперед и захватывают лучшие места.

Только что распределились на льду и стали колотить проруби, слышался страшный шум и треск, подобный, по рассказам очевидцев, раскатам грома и треску грозových ударов. Еще момент, и воздух наполнился пылью, застилающею глаза. С горы катилась глыба 70—75 сажен в длину и несколько сажен толщиной с лесом деревьев, вывороченных с корнями. Люди, лошади в ужасе бросались в разные стороны. Лед трещал и ломался на куски под действием возникшей волны. К счастью, некоторое знакомство крестьян с характером разрушения, причиняемого обвалом, послужило к их спасению. Все бросились от берега на средину реки, где волна действует менее разрушительно. Погибли лишь те, кто впопыхах думал скорее выбраться на берег. <...>

«Кроме Вошкиной, — пишет далее автор, — подобный же опасный обрыв указывают около д. Семейкиной на Иртыше».

Статья Н.Л. Скалозубова в «Сибирском листке» вызвала оживленный обмен мнениями о причинах подобных явлений в следующих номерах газеты.

Чембакчинский яр и дальше не давал местным жителям забывать о своем грозном характере. 1 октября 1925 г., по сообщению тобольской газеты «Северянин» за 28 октября этого же года, обвал горы нанес большой ущерб местному населению: засыпал несколько неводников, переметы, самоловы, подсадки с добытой рыбой. Некоторые рыбаки полностью лишились своих орудий промысла.

Житель этих мест Г.А. Доронин описал один из подобных катастрофических обвалов правого берега Иртыша в беллетризованной форме в произведении «Мне рассказывал старый рыбак», напечатанном в тобольском журнале «Наш край». В 2001 г. журнал «Югра» воспроизвел его во втором номере.

* * *

Из с. Мужы Березовского уезда нам сообщают, что 4 декабря там наблюдалось интересное явление: около 8 часов вечера в воздухе появился громадный *огненный шар*, который был видим более 2 минут, затем явление скрылось. В эту ночь явление повторялось еще два раза. Свет от шара был замечательно яркий, ярче молнии. Шар движение имел с севера на юг.

(Сибирская торговая газета. 1904. 6 янв.)

* * *

Замечается массовое передвижение *кратов*; в городе [Тобольске] их появилось необычайное количество. На днях возле магазина Голле-

ва-Лебедева у окон подвального этажа под решетками, заграждающими окна с улицы, можно было видеть целые кучи кротов, попавших туда, как в ловушку; у некоторых окон их набилось штук по 15, всего вытащено около 70 штук.

(Городская хроника // Сибирский листок.
1911. 14 апр.)

* * *

По словам остяков, в 1911 г. в первых числах мая падал *град* без дождя, отдельные градины которого достигали одного фунта веса; обыкновенная же величина их была с утиное яйцо. Град падал часа два и за это время успел завалить выход Ай-Ега из Кинтусовского сора так, что лед держался два дня (на сору еще был нерастаявший зимний лед). Град сильно поломал сучья деревьев. Наш хозяин с женой, бывшие в это время вне дома, спаслись только спрятавшись под лодку, на которой остались ясные следы от крупных градин.

(Городков Б. Поездка в Салымский край: Путевой дневник // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1913.
Вып. 21. С. 69–70).

Северные сияния

За последние дни в ряде пунктов Урала — в Березове, Кондинске, Усть-Цильме, Обдорске и в Пермском округе — наблюдаются сильные северные сияния.

Отмеченные в течение последних дней северные сияния на Урале стоят в связи с появлением на солнце в данное время темных пятен.

Одно из самых сильных северных сияний, наблюдавшихся на Урале за последнее время, происходило в мае 1921 г. Не исключена возможность, что происходящий сейчас на солнце бурный процесс вызовет явления северных сияний даже на Среднем Урале, в частности в Свердловске.

(Северянин. 1926. 8 окт.)

Ураган в селе Зенково

27 июля в 2 часа дня над нашим селом пронесся сильный ураган. Ураган сопровождался градом величиной с грецкий орех.

Ветром переносило телят, пасшихся на лугу, через протоку. В селе выбиты все окна. В соседней деревне Спириной у одного из крестьян ветер разбил амбар и рассыпал муку.

Селькор
(Северянин. 1927. 21 авг.)

Редкий случай

Рыбаки Больше-Атлымского колхоза имени Сталина, производившие лов рыбы на рыбоугодье Больше-Атлымской речки, 26 мая добыли экземпляр рыбы *таймень* весом в 23 кг.

Длина пойманной рыбы от полуглаза до анального плавника 110 см, а от полуглаза до конца нижнего хвостового плавника 126 см. Вся длина тайменя от рыла до конца хвостового плавника 138 см.

При разделке пойманной рыбы в ее желудке оказалось 37 голов рыб мелкого частика и перья от водоплавающей дичи. Улов такого экземпляра рыбы бывает очень редко, в водоемах нашего района он впервые.

К. Акимов

(Большевистская правда. 1940. 1 июня).

Язь-великан

Бригада рыбаков Александра Сургутскова из колхоза «Красный Октябрь» (с. Реполово Самаровского района) при просмотре режеевок на Иртыше на днях добыла язя, вес которого 3 кг 800 г. Длина этого язя-великана 58 см. Старейшие рыбаки села Реполово заявляют, что подобной величины язя они не встречали...

Сургутскова

(Сталинская трибуна. 1942. 3 янв.)

Сообщения

Навстречу пароходу

Уполномоченный ГОГПУ по Березовскому уезду 13 июня 1923 г. докладывал председателю Березовского уисполкома, что среди сотрудников госучреждений г. Березова установился обычай бросать занятия и идти на пристань встречать пароходы. Сего числа отмечены следующие сотрудники:

Копыльцова, УОНО,

Булатникова, наробраз,

Петрова, комхоз,

Окунева, УФО,

Ускова, волисполком,

Сизова, уисполком,

Кузьминых, камера нарследователя,

Полепова, уисполком.

И ответственные работники, прибежавшие в часы занятия также на пристань: 1) Иконников, 2) Сосунов, 3) Ларькин и 4) Нужин. Необходимо пресечь подобные явления, в результате которых для госу-

дарственных учреждений выйдет слишком много нерабочих дней в течение летнего сезона.

К указанным лицам принять соответствующие меры.

К документу сделана приписка: «Вопрос был рассмотрен президиумом уисполкома 16 июня с/г. № 29 § 7» (ГА ХМАО. Ф. 61. Оп. 1. Л. 23).

Приведенный текст живо напоминает об облавах на прогульщиков начала 80-х годов, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю.В. Андропов. А сразу вслед за этим на память приходят слова из «Книги Екклесиаста»: «...Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...».

ПОДОРОЖНИК

Краеведческий альманах

Вып. 1

Редактор-составитель В.К. Белобородов

**Оператор ПЭВМ Д. Никифоров
Корректор Н. Тиунова
Дизайнер (обложка) В. Дыба-сын**

**Подписано в печать 11.12.2004 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 11,16. Тираж 300. Заказ №3229.**

**ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.**

**Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.**

